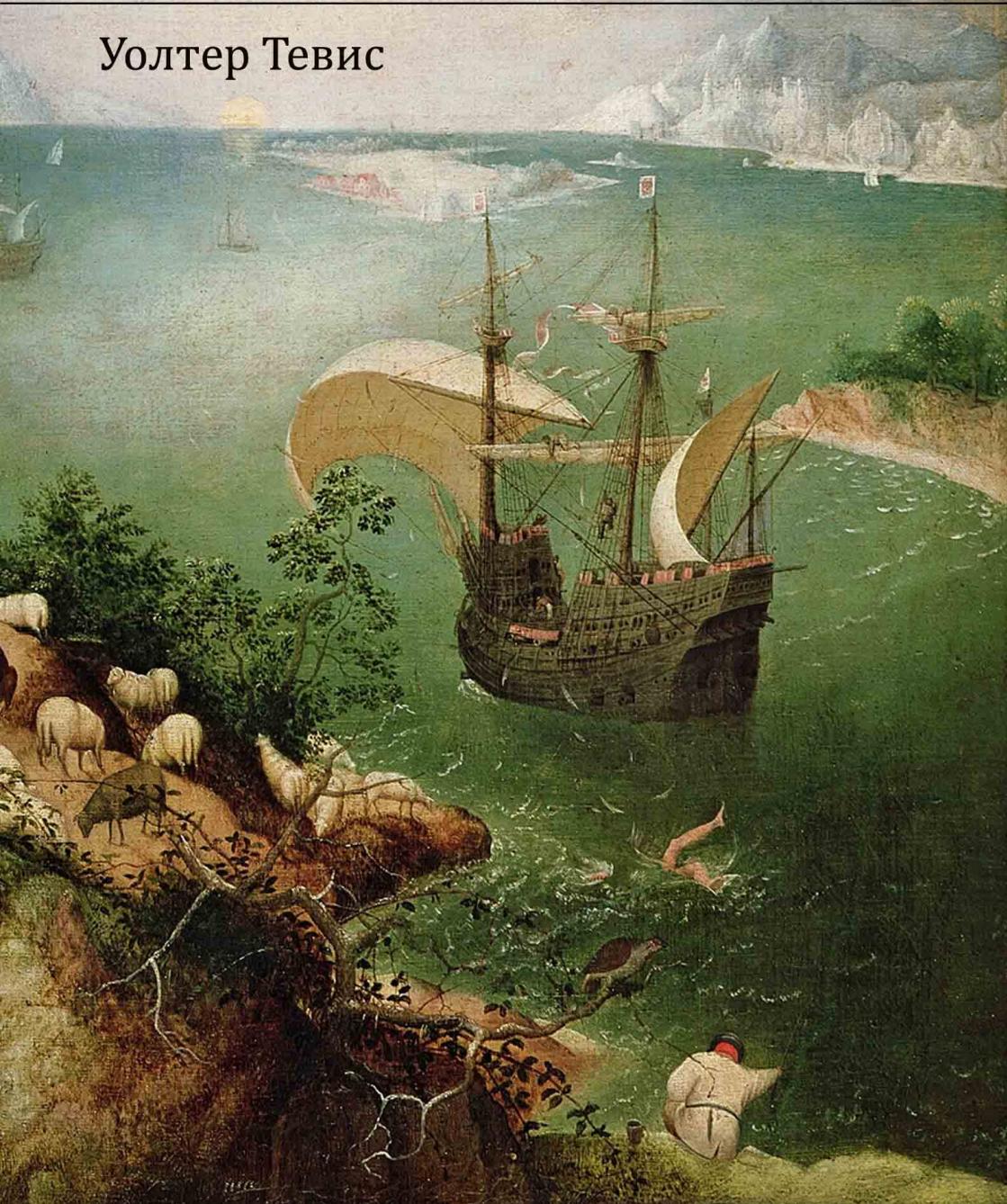

Человек, который упал на Землю

Уолтер Тевис

«Великолепный научно-фантастический роман... История пришельца с другой планеты, написанная главным образом для того, чтобы рассказать о жизни на этой».

— «The New York Times»

«Те, кто знают «Человека, который упал на Землю» только по фильму, многое упускают. Это один из лучших научно-фантастических романов того периода. Хорошо, что он вернулся».

— Дж. Р. Данн

«Чрезвычайно реалистичный роман об инопланетном пришельце на Земле... Реалистичный настолько, что может послужить метафорой того, что скрыто в каждом из нас, — некоего экзистенциального одиночества».

— Норман Спинред

«Потрясающе... Роман «Человек, который упал на Землю» можно рассматривать как историю Страстей Христовых, перенесённую в космическую эпоху, — историю спасителя, который спустился на Землю, чтобы спасти не нас, но свой собственный народ, и который в итоге был распят и погребён».

— Винсент Кэнби

Уолтер Тевис

**Человек,
который упал
на Землю**

Перевод с английского
Инги Шумиловой и Зои Лавровой
2014

Иллюстрация на обложке:
Питер Брейгель Старший, «Падение Икара», 1558 (фрагмент).

**Для Джейми,
которая знает Антею лучше, чем я**

Введением в непрочный мир я был обязан
Видению согласия любви, чей зов,
Равно как вопль отчаяния, предуказан
И лишь мгновенье слышен в хоре голосов.

Харт Крейн (в переводе М. Ф. Ерёмина)

1985:

Падающий Икар

Пойдя две мили, он вошёл в город. У въезда в городок стоял знак: «Хэнивилл, насел. 1400». Хороший размер, подходящий. Всё ещё было ранее утро — этот двухмильный переход он предпочёл совершить в утренней прохладе, когда на улицах безлюдно. С замирающим сердцем миновал он несколько кварталов в предрассветном сумраке — настороженный, ошеломлённый необычностью всего, что попадалось на пути. О том, что ему предстоит, он старался не думать. Он уже достаточно думал об этом.

То, что искал, он нашёл в деловом квартале городка — это была крошечная лавка под названием «Ларец с сокровищами». Он подошёл к выкрашенной в зелёный цвет деревянной скамейке рядом с магазинчиком и сел. Всё тело ломило от долгой ходьбы.

Спустя несколько минут он увидел человека.

Это была женщина в бесформенном синем платье, устало шаркающая в его сторону вверх по улице. Окаменев, он поспешил отвлечь взгляд. Она оказалась совсем не такой, как он себе представлял. Он думал, что они ростом примерно с него, а эта была на целую голову ниже. Лицо у неё было краснее, чем он предполагал, и более тёмное. Глядя на неё, он испытывал необъяснимое

ощущение — совсем не то он чувствовал, когда смотрел на них по телевизору.

Тем временем на улице появились другие люди, и все они в общих чертах походили на ту женщину. До него долетел обрывок фразы одного из прохожих: «...что ни говори, а таких машин, как эта, больше не делают». Произношение оказалось непривычным, не таким чётким, как он ожидал, но он легко смог понять речь этого человека.

На него бросали пристальные взгляды, иногда — недоверчивые, но это его не заботило. Он надеялся, что ему не будут досаждать, а присмотревшись к другим, удостоверился, что его одежда прошла бы самую строгую проверку.

Когда ювелирная лавка открылась, он выждал десять минут и вошёл. За прилавком стоял низенький круглолицый человек в белой рубашке с галстуком и вытирал с полок пыль. Прервав своё занятие, продавец кинул на него чуть удивлённый взгляд и произнёс:

— Да, сэр?

Какой же он высокий и неловкий! И до чего же страшно... Он открыл рот, чтобы заговорить. Наружу не вышло ни звука. Он попытался улыбнуться, но лицо будто оцепенело. Глубоко внутри он ощутил зарождающуюся панику и на мгновение испугался, что потеряет сознание.

— Да, сэр? — повторил продавец, глядя на него всё с тем же выражением.

Огромным усилием воли он заставил себя говорить.

— Я... я хотел спросить, не заинтересует ли вас это... кольцо?

Сколько раз он репетировал этот безобидный вопрос, проговаривал его про себя снова и снова? Однако теперь он отозвался в ушах нелепым набором бессмысленных звуков.

Продавец смотрел на него в упор.

— Что за кольцо? — спросил он.

— О!.. — Он выдавил из себя улыбку, затем стянул золотое кольцо с пальца левой руки и положил его на прилавок, стараясь не коснуться руки продавца. — Я... ехал мимо, и у меня сломалась машина. В нескольких милях отсюда. У меня совсем нет денег. Я подумал: может быть, я смогу продать моё кольцо. Оно довольно дорогое.

Продавец покрутил кольцо в руках, глядя на него с подозрением. Затем спросил:

— Где вы его взяли?

От тона этого вопроса у него перехватило дыхание. Неужели что-то не так? Цвет золота? Что-то с бриллиантом? Он снова попытался улыбнуться.

— Жена подарила. Несколько лет назад.

Продавец не перестал хмуриться.

— Откуда мне знать, что оно не ворованное?

— А!.. — У него отлегло от сердца. — На кольце моё имя.

— Он вынул из нагрудного кармана бумажник. — И у меня есть документы. — Достав из бумажника паспорт, он положил его на прилавок.

Продавец посмотрел на кольцо и прочитал вслух:

— Т. Дж. от Мэри Ньютон в годовщину свадьбы, 1982...

18 К¹. — Положив кольцо обратно, он взял паспорт и полистал его. — Англия?

— Да, я работаю переводчиком в Организации Объединенных Наций. Я здесь впервые. Захотелось посмотреть страну.

— Ммм... — промычал продавец, снова заглянув в па-

1 Британский карат (обозначается буквой «К») — единица оценки чистоты вещества, равная 1/24 массы чистого вещества в общей массе; 18 карат соответствуют 750-й пробе (т. е. в данном случае кольцо состоит из золота на 3/4) [здесь и далее примечание переводчика].

спорт. — Я заметил, что вы говорите с акцентом. — Отыскав фотографию, он прочёл имя: «Томас Джером Ньютон» — и снова поднял глаза. — Тут нет вопросов. Это точно вы.

Ньютон снова улыбнулся, на этот раз более непринуждённо и искренне, хотя предобмороочное чувство лёгкости в голове так и не прошло. Странно — ведь здесь он всё время чувствовал убийственную тяжесть своего тела, тяжесть, вызванную свинцовой гравитацией этого места. И всё-таки он сумел вежливо произнести:

— Так что же, вы купите моё кольцо?...

Ньютон получил за него шестьдесят долларов — и знал, что его обманули. Но деньги значили для него больше, чем кольцо, больше, чем сотни точно таких же колец у него в кармане. Ведь вместе с первыми деньгами у него начала зарождаться уверенность в себе.

Часть наличности он потратил на продукты — полфунта бекона, шесть яиц, несколько картофелин, немного овощей — всего десять фунтов¹, больше он не смог бы унести. На него оборачивались, но никто не задавал вопросов, а он не вызывался отвечать. Это не имело никакого значения: он не собирался возвращаться в этот городок в Кентукки.

Покидая город, Ньютон чувствовал себя довольно хорошо, несмотря на весь этот вес и боль в суставах и спине, ведь, раздобыв первые американские деньги, он сделал первый шаг, начал свой путь. Но в миле от города, когда он шёл через пустошь к низким холмам, где находился его лагерь, всё это незнакомое, вся эта опасность, боль и тревога неожиданно обрушились на него одним сокрушительным ударом — и он упал на землю и остался лежать. Тело его и разум восставали против жестокости этого са-

1

10 фунтов ~ 4,5 кг

мого чужого и странного места на свете.

Он безумно устал, устал от длинного и опасного путешествия, устал от лекарств — пиллюль, вакцин, газовых смесей, устал от волнения, дурных предчувствий, а больше всего — от страшного бремени собственного веса. Он давно уже знал, что когда придёт срок, и он, наконец, приземлится и начнёт воплощать этот сложный, продуманный до мелочей план, он испытает нечто подобное. Это место, сколько бы он ни изучал его, сколько бы ни репетировал свою в нём роль, оставалось невероятно чужим — теперь, когда он мог дать волю чувствам, это ощущение раздавило его. Он лёг на траву; к горлу подступила тошнота.

Ньютон не был человеком, хотя очень походил на людей. В нём было шесть с половиной футов роста¹ — встречались люди и повыше. Волосы у него были белые, как у альбиноса, при этом лицо — чуть загорелое, а глаза — голубые. Тело — невероятно стройное, черты лица — изящные, пальцы — длинные, тонкие, а кожа — почти прозрачная, безволосая. В лице его проглядывало что-то эльфийское, в больших глазах светился живой ум, а кончики белых выющихся волос ложились на уши. Он казался очень молодым.

Ещё кое-чем он отличался от людей: к примеру, ногти у него были искусственными, потому что он не имел их от природы. Кроме того, у него отсутствовал аппендицис и зубы мудрости, а на ногах насчитывалось только по четыре пальца. Диафрагма, также как и остальные органы дыхания, была чрезвычайно крепкой, поэтому у него не могла начаться икота. Зато грудь могла расширяться примерно на пять дюймов². Весил он очень мало, около девяноста фунтов³.

Тем не менее, у него были ресницы, брови, отстоящие

1 6,5 футов ~ 196 см

2 5 дюймов ~ 13 см

3 90 фунтов ~ 40 кг

большие пальцы, бинокулярное зрение и тысяча других физиологических особенностей обычного человека. У него не могло быть бородавок, чего нельзя сказать о язве желудка, кори и кариесе. Он был человекоподобным, но не человеком в узком смысле слова. Как и людям, ему были не чужды любовь, страх, физическая боль и жалость к себе.

Через полчаса Ньютон почувствовал себя лучше. Спазмы в желудке ещё не прошли, да и голову не было сил поднять; но он понял, что перелом произошёл, и посмотрел на мир вокруг себя более беспристрастно. Он сел и окунул взглядом пустоту, на которой сидел: перед ним простиралось грязное плоское пастище с небольшими участками бурой метельчатой травы и лоскутами гладкого, оледеневшего снега. Воздух был прозрачен, сквозь затянутое облаками небо струился мягкий рассеянный свет. Он не слепил глаза, как ослепило их яркое солнце два дня тому назад. Кольцо чёрных обнажённых деревьев окаймляло пруд; по другую его сторону примостился маленький домик с сараем. Сквозь деревья виднелась вода, и от этого зрелища у него захватило дух — как же её много! За те два дня, что Ньютон провёл на Земле, ему уже случалось видеть воду в таком объёме, но он всё ещё не мог к этому привыкнуть. О многом из увиденного здесь он знал заранее, и всё равно это потрясало его до глубины души. Конечно, ему было известно и о необъятных океанах, и об озёрах и реках, известно с детства, — но изобилие воды в одном лишь пруду, увиденное воочию, просто ошеломляло.

Ньютон вдруг заметил, что поле тоже по-своему красиво. Оно было совсем не таким, как он себе представлял, — как и многое другое в этом мире, — но теперь он находил удовольствие в этих чужих красках и поверхностях, новых видах и запахах. И в звуках тоже; для его слуха они были пронзительны, но приятны — он слышал множество незнакомых звуков в траве, разно-

образные шорохи и стрёкот насекомых, выживших в холодную пору раннего ноября, а если приложить голову к земле — даже тихий-тихий, едва различимый ропот самой планеты.

Внезапно в воздухе пронёсся трепет и хлопанье чёрных крыльев, затем хриплый, скорбный зов, и дюжина ворон пролетела над ним и прочь через поля. Антеец смотрел на них, пока они не скрылись из виду, а затем улыбнулся. Всё-таки этот мир прекрасен...

Он разбил лагерь в тщательно выбранном необитаемом месте — на заброшенной угольной шахте на востоке Кентукки. На несколько миль вокруг не было ничего, кроме голой земли, небольших островков блёклой метельчатой травы и множества скальных выступов цвета сажи. Возле одного из них стояла палатка Ньютона, едва различимая на фоне камня. Палатка была серая, её материал напоминал джинсовую ткань.

Ньютон добрался туда совсем без сил и, прежде чем открыть мешок и достать из него продукты, ему пришлось немного отдохнуться. Надев тонкие перчатки, он начал осторожно вынимать свёртки и выкладывать их на маленький складной столик. Из-под столика он извлёк набор инструментов и разложил их рядом с продуктами. Окинув взглядом яйца, редис и картофель, сельдерей, бобы и рис, сосиски и морковь, он улыбнулся. На вид пища казалась безвредной.

Затем он взял один из блестящих приборчиков, воткнул его в картофелину и начал качественный анализ...

Тремя часами позже Ньютон съел сырую морковь и откусил кусочек от редиски, которая обожгла ему язык. Пища оказалась вполне съедобной — очень своеобразной, но съедобной. Затем он развёл огонь и сварил яйцо и картофелину. Сосиску он закопал в землю — в ней обнаружилось несколько аминокислот,

в которых он не был уверен. Но в других продуктах не было ничего опасного, кроме вездесущих бактерий, — как они и надеялись. Несмотря на обилие углеводов, Ньютону очень понравилась картошка.

Он ужасно устал. Но прежде чем лечь на свою походную кровать, он вышел наружу, чтобы взглянуть на то место, где уничтожил приборы и двигатель своего одноместного судна — два дня назад, в свой первый день на Земле.

2

3вучал моцартовский квинтет для кларнета ля мажор. Перед заключительным аллегретто Фарнсуорт отрегулировал басы на каждом из предварительных усилителей и слегка прибавил громкость. Затем он тяжело опустился в кожаное кресло. Он любил слушать это аллегретто с сильными басовыми обертонами — они придавали кларнету резонанс, в котором, по сути, и был заключён весь смысл этого отрывка. Сложив пухлые пальцы в замок, Фарнсуорт смотрел на зашторенное окно, выходившее на Пятую авеню, и следил за музыкальным построением.

Когда оно завершилось и запись остановилась, он взглянул в сторону дверного проёма, который вёл в приёмную, и увидел, что там, терпеливо ожидая его, стоит горничная. Фарнсуорт бросил взгляд на фарфоровые часы на каминной полке и нахмурился. Затем посмотрел на горничную и произнёс:

— Да?

— К вам мистер Ньютон, сэр.

— Ньютон? — Фарнсуорт не знал ни одного состоятельного Ньютона. — Что ему нужно?

— Он не сказал, сэр. — Она приподняла бровь. — Он странный, сэр. Но выглядит... солидно.

Фарнсуорт помолчал в раздумье, а затем сказал:

— Проводи его ко мне.

Горничная оказалась права: этот человек был очень странным. Высокий, худой, с белыми волосами и тонким, изящным телосложением. Кожа у него была гладкая, лицо мальчишеское, а глаза какие-то чудные — на вид близорукие и сверхчувствительные, но со взглядом старого, мудрого и усталого человека. На нём был дорогой тёмно-серый костюм. Он подошёл к креслу и осторожно опустился в него — так, будто нёс на себе огромную тяжесть. Затем взглянул на Фарнсуорта и улыбнулся.

— Вы — Оливер Фарнсуорт?

— Не хотите ли чего-нибудь выпить, мистер Ньютон?

— Стакан воды, пожалуйста.

Фарнсуорт мысленно пожал плечами и отдал распоряжение горничной. Когда она вышла, он посмотрел на гостя и наклонился вперёд характерным движением, означающим «перейдём к делу».

Ньютон же остался сидеть прямо, сложив длинные тонкие руки на коленях.

— Насколько я понимаю, вы хорошо разбираетесь в патентах? — начал он.

Фраза была построена слишком аккуратно, слишком правильно, а в речи обнаружился лёгкий акцент. Фарнсуорт не смог его распознать.

— Это так, — ответил Фарнсуорт и сухо добавил: — У меня есть приёмные часы, мистер Ньюトン.

Ньютон словно не расслышал этого замечания.

— Как мне известно, вы лучший специалист по патентам в Соединённых Штатах, — продолжил он мягким тоном. — И весьма высокооплачиваемый.

— Я знаю свое дело.

— Прекрасно, — отозвался Ньютон. Он перегнулся через

ручку кресла и взял свой портфель.

— Так что же вам нужно? — Фарнсуорт снова посмотрел на часы.

— Я хотел бы кое-что с вами спланировать.

Ньютон вынул из портфеля конверт.

— Не поздновато ли для этого?

Ньютон извлёк из конверта тонкую пачку банкнот, перевязанных резинкой. Затем поднял взгляд на Фарнсуорта и сердечно улыбнулся:

— Не могли бы вы подойти и взять это? Мне очень трудно ходить. Мои ноги...

Раздосадованный, Фарнсуорт рывком встал с кресла, подошёл к Ньютону, взял деньги и снова сел. Банкноты оказались тысячедолларовыми.

— Там десять штук, — уточнил Ньютон.

— Я вижу, вы склонны к театральным эффектам. — Фарнсуорт спрятал деньги в карман пиджака. — Так за что это?

— За эту ночь, — ответил Ньютон. — Примерно за три часа вашего пристального внимания.

— Но почему, чёрт возьми, ночью?

Ньютон слегка пожал плечами.

— О, по нескольким причинам. И одна из них — секретность.

— Вы могли бы рассчитывать на моё внимание и за меньшую сумму.

— Да, но я также хотел, чтобы вы осознали важность нашего разговора.

— Хорошо. — Фарнсуорт откинулся на спинку кресла. — Давайте поговорим.

Казалось, его гость расслабился, но почему-то продолжал сидеть прямо.

— Во-первых, — сказал он, — сколько вы зарабатываете за год, мистер Фарнсуорт?

— Я не на окладе.

— Ну хорошо. Сколько вы заработали в прошлом году?

— Ладно. Вы заплатили за это... Около ста сорока тысяч.

— Понятно. Это если дела идут благополучно?

— Да.

— Но вы хотели бы больше?

Это уже становилось смешным — словно сцена из дешёвого телешоу. Но этот человек платил — лучше было с ним не спорить. Фарнсуорт достал сигарету из кожаного портсигара и ответил:

— Конечно я хотел бы больше.

На этот раз Ньютон слегка наклонился вперёд.

— Гораздо больше, мистер Фарнсуорт? — спросил он с улыбкой, начиная получать огромное удовольствие от этого разговора.

Разумеется, это тоже было телешоу, но это сработало.

— Ещё бы, — согласился Фарнсуорт. — Сигаретку? — добавил он и протянул портсигар своему гостю.

Оставив это предложение без внимания, Ньютон заявил:

— Я могу сделать вас очень богатым, мистер Фарнсуорт, если следующие пять лет вы посвятите исключительно мне одному.

Фарнсуорт закурил сигарету. Его лицо осталось непроницаемым, но мозг бешено работал, заново прокручивая всю эту странную беседу. Его сбивала с толку и сама эта ситуация, и призрачная возможность того, что предложение Ньютона разумно. Но у этого чудака были деньги. Может быть, мудрее будет немногому ему подыграть?

Горничная внесла серебряный поднос со стаканами и

льдом. Одной рукой Ньютон осторожно взял с подноса стакан с водой, а другой достал из кармана коробочку аспирина, открыл её большим пальцем и вытряхнул в воду одну таблетку. Таблетка растворилась, образовав белый мутный раствор. Ньютон немножко подержал стакан в руке, глядя на него, а затем начал пить маленькими глотками, очень медленно.

Фарнсуорт был юристом, он умел подмечать детали. Он сразу заметил в коробке аспирина кое-что странное. Обычный предмет, самая заурядная пачка байеровского аспирина, но что-то с ней было не так. И было что-то не так в том, как Ньютон пил воду: медленно, стараясь не пролить ни капли, — как будто она была драгоценной. К тому же вода помутнела от одной лишь таблетки — так не бывает. Когда этот человек уйдет, надо будет провести опыт с аспирином и посмотреть, что получится.

Прежде чем горничная ушла, Ньютон попросил её подать Фарнсуорту его портфель. Когда она вышла, он сделал последний, любовный глоток и поставил стакан, всё ещё почти полный, на стол рядом с собой.

— В портфеле кое-какие бумаги. Я хотел бы, чтобы вы их прочли.

Фарнсуорт открыл чемоданчик, нашёл толстую пачку документов и положил её себе на колени. Он сразу обратил внимание, что бумага необычна на ощупь: чрезвычайно тонкая, но при этом плотная и одновременно гибкая. Верхний лист по большей части заполняли химические формулы, чётко отпечатанные синеватыми чернилами. Он пролистал остальные бумаги: круговые диаграммы, графики и схематические рисунки — похоже на промышленное оборудование. Приборы и микросхемы. Некоторые формулы показались знакомыми с первого взгляда. Он поднял глаза.

— Электроника?

— Да, частично. Вы знакомы с подобным оборудованием?

Фарнсуорт не ответил. Если этому человеку хоть что-то о нём известно, он не мог не знать, что Фарнсуорт, во главе группы из почти сорока юристов, выиграл с полдюжины сражений за существование одного из крупнейших в мире производителей электроники. Он погрузился в чтение...

Ньютон сидел с прямой спиной, глядя на Фарнсуорта. Его белые волосы блестели в свете люстры. Он улыбался, несмотря на боль во всём теле. Через некоторое время он взял свой стакан и стал пить воду, которая всю его долгую жизнь была у него на родине ценнее всего на свете. Он медленно пил и смотрел, как Фарнсуорт читает, и напряжение, которое он чувствовал, стало отступать. С ним уходила и тщательно спрятанная тревога, которую вызывал этот чрезвычайно странный офис в этом по-прежнему непонятном мире, и страх перед толстым юристом с пухлыми щеками, лысым черепом и свинячьими глазками. Он заполучил этого человека, он пришёл по адресу...

* * *

Прошло больше двух часов, прежде чем Фарнсуорт поднял взгляд от бумаг. За это время он выпил три стакана виски. Уголки его глаз покраснели. Моргнув, он посмотрел на Ньютона, вначале с трудом различая его, но потом сосредоточив на нём взгляд маленьких широко открытых глаз.

— Ну так что же? — спросил Ньютон всё с той же улыбкой.

Толстяк вздохнул, затем потряс головой, будто в попытке прояснить мысли. Когда он заговорил, тон его был мягким, нере-

шительным и крайне осторожным.

— Я не всё здесь понял, — сказал он, — лишь немногое. Немногое. Я ничего не понимаю в оптике, как и в фотоплёнке. — Он снова посмотрел на бумаги в своих руках, словно хотел удостовериться, что они всё ещё там. — Я юрист, мистер Ньютон, — сказал он. — Я юрист.

И вдруг он заговорил оживлённо, сильным и дрожащим голосом, его толстое тело подобралось, взгляд крошечных глаз стал напряжённо внимательным.

— Но я разбираюсь в электронике. И я разбираюсь в кра-
сителях. Думаю, я понял ваши... усилители и, думаю, я понял
ваше телевидение и... — он прервался на секунду, моргая. — Бог
ты мой, я думаю, их можно произвести тем способом, о котором
вы говорите. — Он медленно выдохнул. — Они выглядят убеди-
тельно, мистер Ньюトン. Я думаю, они будут работать.

Ньютон продолжал улыбаться.

— Они будут работать. Все без исключения.

Фарнсуорт достал сигарету и закурил, чтобы успокоить-
ся.

— Мне нужно будет всё перепроверить. Металлы, схе-
мы... — и, внезапно прервав самого себя, стиснув сигарету в
толстых пальцах, воскликнул: — Боже милостивый, да вы хоть
знаете, что всё это значит?! Знаете ли вы, что у вас здесь девять
основных патентов¹ — основных патентов! — Он поднял один из
листков своей пухлой рукой. — Здесь просто-напросто видеопе-
редатчик, а тут маленький фототрансформатор... вы хоть знаете,
что всё это означает?

¹ Термин «основной патент» часто используется для обозначения новаторских патентов, впервые описывающих технологии, на которых базируются другие патенты (например, патент на первый лазер). Владелец основного патента получает отчисления от изобретений, основанных на нём.

Выражение лица Ньютона не изменилось.

— Да, я знаю, что это означает, — ответил он.

Фарнсуорт медленно затянулся.

— Если вы правы, мистер Ньютон, — сказал он уже более спокойно, — если вы правы, вы можете заполучить «Ар-си-эй»¹ и «Истмэн кодак»². Господи, да вы можете заполучить «Дюпон»³! Да знаете ли вы, что это такое?

Ньютон внимательно посмотрел на него.

— Знаю, — сказал он.

До загородного дома Фарнсуорта они добирались шесть часов. Вжавшись в угол на заднем сиденье автомобиля, Ньютон какое-то время пытался поддерживать разговор, но сильное ускорение машины отзывалось ослепительной болью в его теле, и без того перегруженном земным притяжением. Он знал, что пройдут годы, прежде чем он к нему привыкнет. Наконец он сказал юристу, что очень устал и нуждается в отдыхе. Он закрыл глаза и откинулся на мягкую спинку сиденья, стараясь по возможности передать ей весь свой вес и как-нибудь вытерпеть эту боль. В довершение всего в машине было слишком тепло — как в самый жаркий день у него на родине.

В конце концов, когда они выехали за пределы города, ход машины стал более плавным, а рывки при торможении и разгоне — менее болезненными. Несколько раз он взглядал на Фарнсуорта. Юрист не спал. Он сидел, уперев локти в колени, и продолжал листать бумаги, которые дал ему Ньютон. Его малень-

1 RCA (Radio Corporation of America) — американская компания, выпускающая бытовую электронику.

2 Eastman Kodak — американская компания, всемирно известный производитель фототехники и фото- и кинотоваров.

3 DuPont — американская химическая компания, одна из крупнейших в мире.

кие глазки блестели.

Особняк Фарнсуорта стоял посреди большого участка леса. Дом и деревья влажно поблескивали в сером утреннем полумраке, напоминающем полуденный свет на Антее. На сверхчувствительные глаза Ньютона он подействовал освежающе. Ему нравились леса, их тихая жизнь, их влажность, сама земля, наполненная водой и жизненной силой, и даже непрестанный шорох и стрекотание насекомых. Это был неиссякаемый источник восхищения — по сравнению с его собственным миром, где между почти обезлюдевшими городами лежали обширные необитаемые пустыни, сухие и безмолвные, и только непрестанный вой холодного ветра оглашал агонию его умирающего народа...

У дверей их встретил слуга в халате и с заспанными глазами. Фарнсуорт отпустил его, распорядившись принести кофе, а затем прокричал ему вслед, что для гостя нужно приготовить комнату и что сам он будет недоступен для телефонных звонков по крайней мере три дня. Затем Фарнсуорт провёл Ньютона в библиотеку.

Это была очень большая комната, обставленная ещё дороже, чем кабинет в нью-йоркской квартире. По всей видимости, Фарнсуорт читал лучшие журналы для состоятельных людей. В центре комнаты стояла белая статуя обнажённой женщины, в руках у неё была лира тончайшей работы. Две стены были скрыты книжными полками, а на третьей висела большая картина на религиозный сюжет, на которой Ньютон узнал Иисуса, пригвождённого к деревянному кресту. Ньютон содрогнулся: лицо на картине — худое, с большими пронзительными глазами — вполне могло оказаться лицом антейца.

Он повернулся к Фарнсуорту. С ещё не прояснившимся взглядом, но уже более собраный, тот откинулся в кресле и, сложив маленькие руки на животе, смотрел на своего гостя. На один

неловкий миг их глаза встретились, и юрист отвёл свой взгляд.

Мгновение спустя Фарнсуорт посмотрел на него снова и тихо произнёс:

— Итак, мистер Ньютон, каков ваш план?

Ньютон улыбнулся:

— Он очень прост. Я хочу заработать как можно больше денег — как можно быстрее.

На лице юриста ничего не отразилось, но в голосе прозвучала ирония:

— Просто и со вкусом, мистер Ньютон, — сказал он. — Какие суммы у вас на уме?

Ньютон рассеянно разглядывал дорогие objets d'art¹, расположенные по комнате.

— Сколько мы сможем заработать, скажем, за пять лет?

С минуту Фарнсуорт смотрел на него, затем встал. Он устало проковылял к книжной полке и начал крутить какие-то ручки настройки, пока колонки, скрытые где-то в комнате, не заграли скрипичную музыку. Ньютон не узнал этой мелодии; она была спокойная и сложная. Настраивая звук, Фарнсуорт ответил:

— Это зависит от двух обстоятельств.

— Да?

— Во-первых, насколько честно вы хотите играть, мистер Ньютон?

Ньютон переключил внимание на Фарнсуорта.

— Абсолютно честно, — ответил он. — Легально.

— Понятно. — Фарнсуорт никак не мог настроить высокие частоты так, как ему хотелось. — Хорошо. Тогда во-вторых: какова будет моя доля?

— Десять процентов от чистой прибыли. Пять процентов от корпоративного пакета акций.

Фарнсуорт вдруг отнял пальцы от ручек усилителя и мед-

1 objets d'art (фр.) — предметы искусства.

ленно вернулся в своё кресло. Он слабо улыбнулся.

— Хорошо, мистер Ньютон, — сказал он наконец. — Думаю, я смогу обеспечить вам... триста миллионов долларов чистой прибыли за пять лет.

Некоторое время Ньютон обдумывал его слова. Затем произнёс:

— Этого будет недостаточно.

Долгую минуту Фарнсуорт смотрел на него, вскинув брови, а затем спросил:

— Недостаточно для чего, мистер Ньюトン?

Взгляд Ньютона стал жёстким.

— Для одного... исследовательского проекта. Это очень дорогой проект.

— Готов поручиться, что не дешёвый!

— Думаю, — сказал Ньютон, — я мог бы снабдить вас процессом нефтепереработки, который будет более эффективным, чем любой из существующих, примерно на пятнадцать процентов. Поднимет это ваш прогноз до пятисот миллионов?

— Можно ли запустить этот ваш... процесс в течение года?

Ньютон кивнул:

— В течение года мы опередим «Стандарт ойл»¹ — которой, я полагаю, мы сможем отдать этот процесс в лизинг.

Фарнсуорт снова посмотрел на него долгим пристальным взглядом. Наконец он сказал:

— Завтра мы начнём составлять документы.

— Хорошо. — Ньютон с трудом поднялся с кресла. — Завтра мы сможем поговорить о деле более подробно. Здесь, по сути, только два важных соображения: то, что вы получаете деньги честно, и то, что я хочу иметь как можно меньше контактов с кем-то кроме вас.

1 Standard Oil — крупная американская нефтегазовая компания.

Спальня Ньютона была наверху, и на миг он испугался, что не сможет взойти по лестнице. Но он преодолел её, ступенька за ступенькой, а Фарнсуорт молча поднимался следом. Проводив Ньютона в его комнату, юрист посмотрел на него и сказал:

— Вы необычный человек, мистер Ньютон. Не возражаете, если я спрошу вас, откуда вы родом?

Вопрос застал Ньютона врасплох, но он не потерял самообладания.

— Вовсе нет, — ответил он. — Я из Кентукки, мистер Фарнсуорт.

Юрист лишь слегка приподнял брови.

— Понятно, — сказал он. Затем повернулся и тяжело пошёл прочь по мраморному коридору, в котором эхом отдавались его шаги...

В богато украшенной комнате Ньютона был высокий потолок. При виде телевизора, встроенного в стену так, чтобы его можно было смотреть лёжа в кровати, он устало улыбнулся: надо будет как-нибудь включить его, чтобы сравнить их приём с приемом на Антее. К тому же было бы занятно снова увидеть некоторые передачи. Большую часть информации, которую ему пришлось заучивать, они получали из телевикторин и воскресных «образовательных» программ, но ему всегда больше нравились вестерны. Он не смотрел никаких передач уже... как долго он в пути?... четыре месяца. Два из них он провёл на Земле — добывал деньги, изучал болезнетворные микробы, исследовал пищу и воду, оттачивал произношение, читал газеты, готовился к решающей беседе с Фарнсуортом.

Ньютон посмотрел в окно на посветлевшее бледно-голубое небо. Где-то там — может быть, именно там, куда он смотрел, — была Антейя. Холодный, умирающий мир, по которому он всё же будет скучать. Там остались люди, которых он любил, с кото-

рыми не увидится ещё очень долго... Но он увидит их вновь.

Ньютон задёрнул занавески на окнах, а затем осторожно улёгся на кровать. Возбуждение прошло, и он был спокоен и безмятежен. Через несколько минут он уснул.

Его разбудило послеполуденное солнце, и, хотя свет резал глаза (занавески на окнах были прозрачными), он проснулся отдохнувшим и радостным. Может быть, кровать была мягче, чем койки в дешёвых отелях, где он останавливался, а может быть, благоприятный исход минувшей ночи принёс ему облегчение. Ньютон ещё несколько минут полежал в постели, размышая, а затем встал и направился в ванную. Там для него были приготовлены электробритва, мыло, мочалка и полотенце. Он улыбнулся: у антийцев не росли бороды. Ньютон открыл кран и некоторое время восхищённо смотрел на льющуюся воду. Он умыл лицо без мыла — оно раздражало его кожу. Вместо мыла он воспользовался кремом из баночки, которую достал из портфеля. Затем он принял утреннюю порцию таблеток, переоделся и пошёл вниз — зарабатывать свои полмиллиарда...

Вечером того же дня, после шести часов разговоров и обсуждений, Ньютон долго стоял на балконе в своей комнате и, наслаждаясь прохладой, смотрел на чёрный небосвод. Планеты и звёзды загадочно мерцали в плотной атмосфере, и ему доставляло большое удовольствие наблюдать их непривычное расположение. Но астрономию он знал плохо, и звёздный узор казался ему запутанным — он узнавал лишь Большую Медведицу и несколько созвездий поменьше. Наконец Ньютон вернулся в комнату. Хотел бы он знать, которая из них — Антея... Но он не мог её найти.

3

В один не по сезону тёплый весенний день профессор Натан Брайс, поднимаясь к себе на четвёртый этаж, нашёл на площадке третьего этажа ленту пистонов. Он вспомнил, что вчера вечером слышал в подъезде громкий треск пистонных выстрелов, и поднял ленту, решив спустить её в унитаз в своей квартире. Брайс не сразу опознал маленький свёрток — тот был ярко-жёлтым. В его детстве пистоны всегда были красными с особым ржавым оттенком, и этот цвет всегда казался подходящим для пистонов, фейерверков и всяких таких штуковин. Надо же, теперь появились жёлтые пистоны — а ещё розовые холодильники, зелёные алюминиевые стаканы и прочие подобные нелепости. Поднимаясь по лестнице, Брайс потел и размышлял о тонкостях химической науки, дошедшей уже до производства зелёных алюминиевых стаканов. Ему пришло в голову, что пещерные люди, которые пили из своих грубых ладоней, прекрасно справлялись сами, без глубоких познаний в химической технологии — этой очень непростой науке о поведении молекул и промышленных процессах, за знание которой он, Натан Брайс, получал свои деньги.

Когда Брайс дошёл до своей квартиры, он уже и думать забыл про пистоны. Забот у него и без того хватало. На краю его

большого, покрытого шрамами дубового стола уже шесть недель подряд громоздилась беспорядочная кипа студенческих работ, на которую страшно было смотреть. Рядом со столом стоял древний паровой обогреватель серого цвета — настоящий анахронизм во времена электрического отопления, и на его освящённом веками железном кожухе росла угрожающего вида куча студенческих лабораторных журналов. Она стала уже такой высокой, что маленькая гравюра работы Лазански¹, висевшая над обогревателем, почти полностью скрылась за ней. Видны остались лишь глаза под тяжёлыми веками — наверное, это скучающий бог науки в немой тоске взирал из-за груды лабораторных отчётов. Профессор Брайс имел склонность к странным фантазиям, и его нередко посещали подобные мысли. Ещё ему подумалось, что эта гравюра, портрет бородатого человека, — одна из немногих ценных вещей, нажитых за три года преподавания в этом городке на Среднем Западе, — и вот теперь её не видно из-за работ его, Брайса, собственных студентов.

На свободной от хлама части стола стояла печатная машинка, словно ещё одно мирское божество — примитивное, грубо, прожорливое, — всё ещё зажимая семнадцатую страницу статьи о воздействии ионизирующей радиации на полимерные смолы, никому не нужной статьи, которую, скорее всего, он так и не допишет. Взгляд Брайса задержался на этом гнетущем беспорядке. Словно рухнувший под бомбёжкой город из карточных домиков, разбросанные листки студенческих работ (бесконечные, пугающие аккуратные расчёты окислительно-восстановительных реакций и промышленного получения всяких неприятных кислот) валялись вперемешку со страницами скучнейшей статьи о полимерных смолах. Долгих тридцать секунд он смотрел на всё это в чёрном унынии, держа руки в карманах пальто. Затем, по-

1 Маурисио Лазански (1914–2012) — американский художник-график и гравёр.

скольку в комнате было жарко, он снял пальто, бросил его на золотистый парчовый диван, почесал живот под рубашкой и пошёл на кухню приготовить себе кофе. Раковина была завалена грязными ретортами, мензурками и склянками вперемешку с тарелками, оставшимися от завтрака, — одна из них измазана яичным желтком. Глядя на этот невообразимый бардак, Брайс понял, что вот-вот завопит от отчаяния. Но вместо этого он постоял с минуту, а потом тихонько произнёс: «Брайс, ну ты и свинья!» Затем нашёл более или менее чистую мензурку, сполоснул её, наполнил молотым кофе и горячей водой из-под крана, перемешал это всё лабораторным термометром и выпил, глядя поверх мензурки на большую дорогуюrepidукцию «Падения Икара» Брейгеля¹, которая висела на стене над белой кухонной плитой. Прекрасная картина. Когда-то Брайс любил её, но это осталось в прошлом. Удовольствие, которое она доставляла ему теперь, было чисто рассудочным: ему нравились цвета, формы — то, что привлекает дилетантов. Он прекрасно понимал, что это плохой признак. И чувство это было каким-то образом связано со злосчастной грудью статей, обложивших его стол в соседней комнате. Прикончив свой кофе, он без особенного выражения процитировал тихим речитативом строки из стихотворения Одена² об этой картине:

1 Питер Брейгель Старший, известный также как «Мужицкий» (1525–1569) — голландский живописец и график, самый значительный из носивших эту фамилию художников. Мастер пейзажа и жанровых сцен. Картина «Падение Икара» была написана в 1558 году.

2 Уистен Хью Оден (1907–1973) — англо-американский поэт. Его интеллектуальная лирика обращена как к политической, так и к философско-религиозной проблематике. Одена называют одним из величайших поэтов XX века.

...а на роскошном паруснике народ,
Глянув было, как мальчик упал с небес,
Невозмутимо отбыл по назначению.¹

Брайс поставил мензурку на плиту, не сполоснув. Потом закатал рукава, снял галстук и включил горячую воду. Пока раковина наполнялась, Брайс смотрел, как моющее средство пенится под напором воды из-под крана, словно многоклеточное живое существо или сложный глаз гигантского насекомого-альбиноса. Затем он переложил посуду в пену, в горячую воду, нашёл кухонную губку и принялся за работу. С чего-то же надо было начинать...

Четыре часа спустя Брайс собрал в небольшую стопку проверенные курсовые работы и стал рыться в кармане в поисках резинки, чтобы их перевязать. Тут-то он и обнаружил ленту пистонов. Он достал её из кармана, немного подержал на ладони и глупо ухмыльнулся. Он не взрывал пистоны уже тридцать лет — с тех пор, как во времена давней прыщавой невинности перешёл от пистонного оружия и «Детского сада стихов»² к гигантскому, солидному на вид набору юного химика, который получил от своего дедушки, словно подарок судьбы. Внезапно Брайс пожалел, что у него нет пистонного пистолета: сейчас, в этой пустой квартире, он с удовольствием расстрелял бы все пистоны один за другим. А затем он вспомнил, как однажды, бог знает когда, он задавался вопросом: а что будет, если поджечь целую ленту пистонов разом? Восхитительная, смелая мысль! Правда, он так

1 Отрывок из стихотворения У. Х. Одена «Музей изящных искусств» в переводе С. Михайлова.

2 «Детский сад стихов» — сборник стихов для детей Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894), шотландского писателя и поэта, автора всемирно известных приключенческих романов.

ни разу и не попробовал. Что ж, сейчас самое подходящее время. Устало улыбнувшись, Брайс поднялся и пошёл на кухню. Там он положил ленту пистонов на медную сеточку, сеточку — на треножник, плеснул на пистоны немного спирта из спиртовки, педантично бормоча при этом: «Принудительное воспламенение», взял из кучки деревянную щепку, поджёг её зажигалкой и осторожно поднёс к пистонам. Он предвкушал лишь серию негромких беспорядочных хлопков и немного серого порошкового дыма, но, к приятному удивлению Брайса, горящий свёрток дико заплясал по проволочной сетке, издавая прекрасную неразбериху отменных громких разрывов. Удивительно: из обугленных остатков не вышло вовсе никакого дыма. Брайс наклонился и понюхал небольшую чёрную массу, оставшуюся от эксперимента. Никакого запаха вовсе. Вот это да. Надо же, как быстро летит время! Какой-то бедолага-химик уже нашёл замену пороху. Брайс ненадолго задумался, что бы это могло быть, затем пожал плечами. Как-нибудь на досуге он с этим разберётся. Но ему не хватало запаха пороха — тонкого, острого запаха... Он посмотрел на часы. Семь тридцать. За окном весенние сумерки. Время ужина уже прошло. Брайс зашёл в ванную и вымыл руки и лицо, покачав головой своему серому от усталости отражению в зеркале. Затем взял с дивана пальто, надел его и вышел. Спускаясь по лестнице, он неосознанно проглядывал ступеньки в поисках ещё одной ленты пистонов, но больше ничего не нашёл.

Съев гамбургер и выпив чашку кофе, Брайс решил пойти в кино. У него был тяжёлый день — четыре часа в лаборатории, три часа лекций, четыре часа чтения этих дурацких курсовых. Он направился в центр города, надеясь попасть на научную фантастику — что-нибудь про воскресших динозавров, с идиотским выражением на морде топающих по Манхэттену, или про насекомоподобных пришельцев с Марса, прилетевших уничтожить весь

этот треклятый мир (а туда ему и дорога), чтобы потом разводить букашек себе на пропитание. Но ничего похожего в прокате не было, и он взял билет на мюзикл. Купив попкорн и шоколадный батончик, Брайс вошёл в тёмный маленький зал и занял уединённое место у прохода. Он принял за попкорн, чтобы перебить во рту вкус дешёвой горчицы из гамбургера. Уже началась кинохроника, всегда наводившая на него тоску и тихий ужас. Показывали кадры о массовых беспорядках в Африке. «Сколько лет уже длится эти беспорядки? С начала шестидесятых?» Следом показали речь политика с Золотого Берега, грозящего применением «тактического водородного оружия» против каких-то несчастных «привокаторов». Брайс заёрзal в кресле, устыдившись своей профессии. Много лет назад, когда он был весьма многообещающим аспирантом, ему довелось поработать над прототипом водородной бомбы. Как и у старины Оппенгеймера¹, у него уже тогда возникли глубокие сомнения в правильности того, что он делает. Кинохроника переключилась на панораму ракетных баз вдоль реки Конго, затем на гонки пилотируемых ракет в Аргентине и, наконец, на показы мод в Нью-Йорке, где особое внимание уделялось женским платьям с открытой грудью и мужским брюками с оборками. Но у Брайса не шли из головы африканцы; эти серьёзные чернокожие парни были внуками покрытых пылью угрюмых дикарей из журналов «National Geographic», которые он листал в приёмных врачей и в гостиных респектабельных родственников. На каждой цветной фотографии — обвислые груди женщин и неизменный красный шейный платок. Теперь потомки этих людей носили форму, учились в университетах, пили мартини и со-

¹ Джюлиус Роберт Оппенгеймер (1904–1967) — американский физик-теоретик. Известен как научный руководитель Манхэттенского проекта, в рамках которого в годы Второй мировой войны разрабатывались первые образцы ядерного оружия. Из-за этого Оппенгеймера часто называют «отцом атомной бомбы».

бирали собственные водородные бомбы.

Пошлые, сочные цвета мюзикла своим ослепительным натиском будто пытались стереть воспоминание о кинохронике. Фильм назывался «История Шери Лесли» и был глупым и шумным. Брайс попытался раствориться в бес смысленных движениях и красках, но понял, что не может, и поначалу просто разглядывал тугое корсажи и длинные ноги молоденьких девиц на экране. Это зрелище само по себе помогало отвлечься, но для немолодого вдовца такой способ развеяться был столь же болезненным, сколь и абсурдным. Смущённый этим столкновением с вульгарной чувственностью, Брайс переключил внимание на плёнку и впервые обратил внимание на то, что в техническом отношении качество картинки просто поражало. Контуры и детали, хоть и растянутые на огромном экране, выглядели не менее чёткими, чем при контактной печати. Заметив это, он немного поморгал, а затем протёр очки носовым платком. Без сомнений, картинка была совершенной. Брайс немного разбирался в фотографии; с учетом всего, что он знал о процессах переноса красителей и трёхэмульсионных цветных плёнках, такое качество изображения казалось совершенно недостижимым. Он поймал себя на том, что тихонько присвистнул от изумления, и досмотрел фильм с гораздо большим интересом, отвлекаясь лишь время от времени, когда одна из розовых картинок снимала бюстгальтер, — он до сих пор не привык видеть такое в кино.

После сеанса, по пути к выходу из кинотеатра, Брайс на минутку задержался перед афишой, чтобы посмотреть, что там говорится о цветном процессе. Эту информацию вовсе не трудно было найти. Поперёк цветастых объявлений был растянут рекламный плакат с надписью: «СВЕЖЕЕ ОЩУЩЕНИЕ ЦВЕТА с „КРАСКАМИ МИРА“». Впрочем, там не было ничего другого, кроме маленькой «R» в кружке, что означало «зарегистрирован-

ная торговая марка», и ниже, мельчайшим шрифтом, «зарегистрировано компанией „ВК“». Брайс попытался выудить из своей головы комбинации, которые могли бы подойти к этим буквам, но по странной прихоти ума всё, что он придумал, было совершенно несуразно: Вредные Коршуны, Виргинские Кексы, Великодушные Коммерсанты, Всемирный Коммунизм. Он пожал плечами и, засунув руки в карманы брюк, направился по вечерней улице в освещённый неоновыми огнями центр университетского городка.

Раздосадованный и взвинченный, Брайс не хотел возвращаться домой и снова пялиться в эти курсовые. Он поймал себя на том, что ищет какое-нибудь пивное заведение, облюбованное студентами. В конце концов он зашёл в маленькую пивную под названием «У Генри» — претенциозное местечко с немецкими пивными кружками в окнах. Ему доводилось бывать здесь и раньше, но только по утрам. Таков был один из немногих пороков Брайса. Восемь лет назад, когда умерла его жена (в блистящей чистотой больнице, с трёхфунтовой опухолью в желудке), Брайс обнаружил, что может уверенно сказать кое-что в защиту употребления спиртного по утрам. Совершенно случайно он открыл, как хорошо бывает серым мрачным утром — в его мутном белёсом тумане — поддерживать лёгкое опьянение, находя удовольствие в меланхолии. Но тут требовалась аптечная точность: ошибка могла привести к плохим последствиям. Сорваться было легко, а в серые дни скорбь и жалость к себе, словно усердные мыши, пытались отгрызть кусочек от утреннего опьянения. Но Брайс был умным человеком и знал, что делает. Как и с морфием, здесь всё зависело от дозировки.

Брайс толкнул дверь пивной, где его встретила приглушенная агония музыкального автомата, который возвышался в центре зала, пульсируя басами и вспышками красного света, слов-

но больное, лихорадочно бьющееся сердце. Он неуверенно прошёл между рядами столиков, разделённых пластиковыми перегородками. По утрам эти места обычно пустовали, а сейчас были набиты студентами. Одни из них что-то втолковывали другим; многие носили бороды и одевались по последней моде небрежно — как анархисты из театральных постановок или «агенты иностранных держав» из старых-престарых фильмов тридцатых годов. И кто же за этими бородами? Поэты? Революционеры? Один из них, студент Брайса с курса органической химии, писал в студенческую газету статьи о свободной любви и о «разлагающемся трупе христианской морали, заражающем источники жизни». Брайс кивнул ему, и парень ответил сконфуженным взглядом поверх мрачной бороды. Большинство из них были родом из Небраски и Айовы — фермерские дети, подписывающие петиции о разоружении, рассуждающие о социализме. Он почувствовал себя не в своей тарелке: усталый старый большевик в твидовом пальто среди представителей среднего класса.

Брайс нашёл тихое местечко у стойки, где хозяйничала женщина с седеющей чёлкой и в очках с чёрной оправой, и заказал у неё стакан пива. Он никогда не видел её здесь раньше; по утрам его обслуживал унылый неразговорчивый старик по имени Артур. Может быть, это его жена? Брайс рассеянно улыбнулся ей, взял пиво, и стал пить его большими глотками. Ему было здесь не по себе, и он хотел поскорее уйти. Музикальный автомат, теперь оказавшийся у него за спиной, заиграл народную песню с металлически бренчащей цитрой: «Oh Lordie, pick a bale of cotton! Oh Lordie...»¹ У стойки рядом с Брайсом какая-то бледная девица вещала девушке с печальными глазами что-то о «структуре» поэзии и спрашивала её, «работают» ли стихи. Брайса коробило от подобных разговоров. До чего же грамотные пошли нын-

1 «Pick a bale of cotton» — старая негритянская песня, исполнялась «королём скиффла» Лонни Донеганом.

че дети! Но потом он вспомнил, на каком жаргоне говорил сам в свои двадцать с небольшим, когда проходил спецкурс по английскому языку: «смысловые уровни», «семантическая проблема», «символический горизонт». Да, их было множество — ложных метафор, подменяющих знание и понимание. Брайс допил пиво и, сам не зная зачем, заказал ещё стакан, хотя ему хотелось уйти и оказаться подальше от шума и суесловия. Может, он несправедлив к этим детям, может, он просто напыщенный осёл? Молодые люди всегда кажутся глупыми, обманываясь пустой видимостью, — впрочем, как и все остальные. Уж лучше отрастить бороду, чем вступать в студенческие организации или участвовать в пре-ниях. Они ещё столкнутся с этой разновидностью лёгкого идиотизма — совсем скоро, когда выйдут из школьных стен, чисто выбритые, в поисках работы. Или здесь он тоже не прав? Всегда есть надежда, что они — ну хоть некоторые из них — истинные Эзры Паунды¹, никогда не сбреют бороды, станут убеждёнными фашистами, анархистами, социалистами, сгинут в никому не известных европейских городах — авторы прекрасных стихов и значительных картин, злосчастные мужи, но с именем в грядущем²... Брайс допил второй стакан и принялся за третий. Пока он пил, в его голове вспыхнул образ рекламного плаката с гигантской надписью «Краски мира», и ему пришло на ум, что буква «В» из «ВК», должно быть, означает «всемирный». А что же означает

1 Эзра Уэстон Лумис Паунд (1885–1972) — американский поэт, один из основоположников модернистской литературы. Поддерживал войну против СССР и критиковал внешнеполитический курс Рузельта, призывая его перейти на сторону Третьего рейха. В 1948 году был отдан под суд за пропаганду фашизма, однако был признан недееспособным и помещён в психиатрическую клинику, где провёл 10 лет до помилования в 1958 году.

2 Переиначенная строка из стихотворения Эзры Паунда «Canto I» — «The man of no fortune, but with a name to come», в переводе Владимира Кучерявкина.

«К»? Катализм? Каннибализм? Культуризм? Или — он мрачно усмехнулся — просто «конец»? Брайс понимающе улыбнулся девушке в красной куртке рядом с ним, которая теперь рассуждала о «фактуре» языка. На вид ей было не больше восемнадцати. Она неуверенно подняла на него взгляд серьёзных тёмных глаз. И вдруг его пронзила острыя боль: она была так красива! Брайс перестал улыбаться, быстро допил пиво и вышел. Когда он проходил мимо столиков, бородатый студент с курса органической химии скромно произнёс: «Здравствуйте, профессор Брайс». Брайс кивнул ему, что-то пробормотал в ответ и стал прокладывать себе путь наружу, в тёплую ночь.

Было уже одиннадцать, но домой идти не хотелось. На секунду Брайс подумал, не позвонить ли Гелберу, близкому другу из университета, но решил не звонить. Гелбер был приятный человек, но сейчас Брайс не знал, о чём стал бы с ним разговаривать. Ему не хотелось говорить о себе, своем страхе, своей низкой похоти, своей отвратительной и глупой жизни. Он пошёл дальше.

Незадолго до полуночи он забрёл в круглосуточную аптеку, где не было никого, кроме пожилого продавца за блестящей буфетной стойкой из пластика. Брайс сел и заказал кофе, а когда глаза привыкли к фальшивому блеску флуоресцентных ламп, начал лениво осматриваться вокруг, читать этикетки на баночках с аспирином, фототоварами, упаковками бритвенных лезвий... Он сощурился, у него заболела голова. Пиво, яркий свет... Крем от загара, карманные расчёски. А потом кое-что зацепило его взгляд. Надпись «Фотоплёнка «Краски мира», 35 мм», отпечатанная на каждой из синих коробочек, выставленных в ряд следом за карманными расчёсками, прямо под ценником от кусачек для ногтей. Он вздрогнул, сам не зная почему. Продавец стоял рядом, и Брайс отрывисто произнёс:

— Можно мне посмотреть эту плёнку?

Продавец сощурился — может быть, ему тоже было больно смотреть на свет? — и спросил:

— Какую плёнку?

— Цветную. «Краски мира».

— А! Я просто не...

— Ясно, ясно. — Брайс поразился нетерпению в собственном голосе. У него не было привычки перебивать людей.

Пожилой аптекарь слегка нахмурился, затем пошарил на верху и достал упаковку с плёнкой. С преувеличенной невозмутимостью он положил её на стойку перед Брайсом, не сказав ни слова.

Брайс взял упаковку и посмотрел на этикетку. Под большими буквами было напечатано мелким шрифтом: «Идеально сбалансированная цветная плёнка, без зерна». И выше: «Светочувствительность от 200 до 3000, в зависимости от проявки». «Боже мой! — подумал он, — светочувствительность не может быть такой высокой, да ещё и изменяться!»

Он поднял взгляд на продавца:

— Сколько она стоит?

— Шесть долларов. Это на тридцать шесть кадров. На двадцать кадров — два семьдесят пять.

Брайс взвесил упаковку в руке — та оказалась очень лёгкой.

— Дороговато.

Продавец скривился в каком-то старческом раздражении:

— Вовсе нет, ведь не нужно платить за проявку.

— А, понятно. Они проявляют её для вас. Вы получаете конверт по почте... — Брайс прервал себя на полуслове. Что толку об этом говорить? Кто-то изобрёл новую плёнку, но что ему за дело? Он не фотограф.

Помолчав, продавец возразил:

— Нет. — И, отвернувшись к двери, добавил: — Она проявляется сама.

— Она — что?

— Проявляется сама. Слушайте, вы собираетесь её покупать?

Не отвечая, Брайс покрутил упаковку в руках. На каждой стороне было жирно напечатано слово «самопроявляющаяся». Это потрясло Брайса. «Почему об этом ничего не было в химических журналах? Совершенно новый процесс...»

— Да, — растерянно ответил он, глядя на этикетку. Там, в самом низу, было выведено тонким шрифтом: «ВК». — Да, я её беру. — Он достал бумажник и отсчитал продавцу шесть мятых купюр. — Как она работает?

— Вы кладёте её обратно в контейнер... — Продавец взял деньги. Казалось, он смягчился.

— Обратно в контейнер?

— Маленький контейнер, в котором она лежит. Вы кладёте её обратно в контейнер, когда закончатся кадры. Затем нажимаете кнопку сверху на контейнере. Сами увидите. Там внутри описание. Нажимаете её один или несколько раз — зависит от этой самой «светочувствительности». И всё.

— Ага, — Брайс встал, не допив кофе, и осторожно положил упаковку в карман. Выходя, он спросил продавца: — Давно эта штука появилась в продаже?

— Плёнка? Недели две-три назад. Работает отлично. Идёт просто нарасхват.

Брайс направился прямиком домой, размышляя о плёнке. Разве что-то может быть настолько хорошо, настолько просто? Он рассеянно достал упаковку из кармана и вскрыл её большим пальцем. В ней была синяя жестяная баночка с завинчивающейся

крышкой, из которой торчала красная кнопка. Брайс открыл её. Внутри лежала обычная кассета с 35-миллиметровой плёнкой, завёрнутая в листок с описанием. На внутренней стороне крышки, под кнопкой, обнаружилась маленькая решётка. Он провёл по ней ногтем большого пальца. Походило на фарфор.

Дома Брайс откопал в выдвижном ящике древний аргусовский фотоаппарат. Прежде чем зарядить его, он вытянул фут плёнки из картриджа, засветив её, а затем оторвал. Она оказалась шероховатой на ощупь, ей не хватало обычной гладкости желатиновой эмульсии. Оставшуюся плёнку он зарядил в фотоаппарат и быстро отснял её, фотографируя всё без разбора — стены, обогреватель, стопки бумаг на столе. Светочувствительность при тусклом освещении он выставил на восемьсот. Закончив, Брайс проявил плёнку в жестянном контейнере, нажав на кнопку восемь раз, открыл крышку и принюхался. Наружу вышло едва заметное облачко голубоватого газа с едким, нераспознаваемым запахом. В контейнере не было жидкости. Газовая проявка? Брайс торопливо достал плёнку, вытянув ленту из картриджа, и, держа её против света, обнаружил серию диапозитивов с прекрасными, абсолютно реалистичными цветами и деталями. Он присвистнул и выругался вслух. Затем взял кусок пустой плёнки и ленту диапозитивов и отнёс их на кухню. Там он подготовил материалы для быстрого химического анализа, расставил в ряд мензурки и достал оборудование для титрования. Брайс с головой погрузился в работу, ни на минуту не задумавшись о том, почему же эта плёнка возбуждает в нём такое неистовое любопытство. Что-то не давало ему покоя, но он не обращал внимания — он был слишком поглощён...

* * *

Пять часов спустя, в шесть утра, когда серое небо за окном наполнилось птичьим гамом, Брайс устало опустился на кухонный стул, держа в руке маленький кусочек плёнки. Он не провёл с ней всех возможных опытов, но провёл их достаточно, чтобы выяснить, что ни одного из веществ, обычно используемых в фотографии, ни одной из солей серебра в этой плёнке не было. Несколько минут он сидел, глядя в никуда покрасневшими глазами. Затем поднялся, с огромным трудом доплёлся до спальни и упал, полумёртвый от усталости, на нерасстеленную кровать. За окном кричали птицы и всходило солнце. Брайс уснул не раздевшись, лишь успев пробормотать искажённым хриплым голосом: «Совершенно новая технология... кто-то откопал научный трактат в руинах майя... а может, на другой планете...»

По-весеннему одетые люди сновали по тротуарам, смеяя друг друга в торопливом потоке. Молодые женщины стучали высокими каблуками (Ньютон мог слышать их даже сидя в машине). Многие из них были нарядно одеты, и на ослепительном утреннем солнце их одежда казалась сверхъестественно яркой. Несмотря на боль в чувствительных глазах, Ньютону нравилось смотреть на людей, на всё это буйство красок. Он велел водителю медленно ехать по Парк-авеню. Был чудесный день, один из первых по-настоящему солнечных дней его второй весны на Земле. Улыбаясь, Ньютон откинулся назад, на сделанные специально для него подушки, и машина медленно и плавно двинулась в центр города. Его водитель, Артур, был настоящий профессионал: Ньютон выбрал его за умение выдерживать постоянную скорость и вести машину ровно, без рывков.

Они свернули на Пятую авеню и остановились перед бывшим офисом Фарнсуорта, на котором, сбоку от входа, теперь висела латунная табличка с небольшой выпуклой надписью «Всемирная корпорация». Ньютон затемнил свои солнцезащитные очки, чтобы уберечь глаза от яркого света, и выбрался из лимузина. Стоя на тротуаре, он потянулся, подставив лицо нежно припекающему солнцу, которое для окружающих было лишь

умеренно тёплым.

Артур высунал голову из окна машины и спросил:

— Мне подождать вас, мистер Ньютон?

Ньюトン снова потянулся, упиваясь солнцем и свежим воздухом. Уже больше месяца он не выходил из квартиры.

— Нет, — ответил он. — Я позвоню тебе, Артур. Но не думаю, что ты понадобишься мне до вечера. Если хочешь, можешь сходить в кино.

Он прошёл через главный холл мимо ряда лифтов к специальному кабине в конце холла, где, стоя навытяжку, его ожидал лифтёр в безупречной униформе. Ньюトン улыбнулся про себя, вообразив, какой шквал приказов пронёсся здесь накануне, когда он позвонил и сказал, что приедет утром. Он не был в офисе уже три месяца. Он вообще редко выходил из дома. Молодой лифтёр, заметно волнуясь, заученно произнёс: «Доброе утро, мистер Ньютон». Ньюトン улыбнулся ему и вошёл в лифт.

Медленно и очень плавно он поднялся на седьмой этаж, на котором прежде размещалось адвокатское бюро Фарнсуорта. Когда Ньютон вышел из лифта, Фарнсуорт уже ожидал его. Юрист был одет, как monarch — в серый шёлковый костюм; на его толстом и холёном безымянном пальце сверкал ярко-красный драгоценный камень.

— Хорошо выглядите, мистер Ньютон, — сказал он, пожимая протянутую руку с бережной осторожностью.

Фарнсуорт был наблюдателен: он уже давно подметил, как морщится Ньютон от грубых прикосновений.

— Спасибо, Оливер. Сегодня я чувствую себя особенно хорошо.

Фарнсуорт проводил его по коридору мимо кабинетов к анфиладе комнат с табличкой «ВК». Они прошли мимо целого взвода секретарей, почтительно смолкнувших при их появлении.

лении, в кабинет с маленькими латунными буквами на двери: «О. И. Фарнсуорт, председатель правления».

Как и раньше, кабинет был обставлен разными вещицами в стиле рококо во главе с громадным письменным столом от Каффиери¹, украшенным гротескным орнаментом. Комнату, как всегда, наполняла музыка — звучала скрипичная пьеса. Для слуха Ньютона она была неприятна, но он ничего не сказал.

Несколько минут они говорили о пустяках, пока горничная не принесла им чай, — Ньютон научился пить чай, правда, ему приходилось пить его чуть тёплым. Затем они заговорили о бизнесе: положение их дел в суде, организация и реорганизация правлений, холдинговые компании, гранты, лицензии и патентные отчисления, финансирование новых заводов, стоимость старых, рынки, цены, колебания рыночного спроса на семьдесят три наименования товаров, которые они производили сами, — телевизионные антенны, транзисторы, фотоплёнка, детекторы радиации — и более трёхсот других изобретений, на которые они выдали лицензии, — от процесса нефтепереработки до безопасного заменителя пороха для детских игрушек. Ньютон чувствовал, что Фарнсуорта изумляет — и сегодня даже сильнее, чем обычно, — его деловая хватка, и умышленно допустил пару промахов в расчётах и деталях. Но ему нравилось использовать силу своего антейского ума в этой сфере — хоть он и понимал, что это тщеславное удовольствие и дешёвая гордость. Те же чувства, наверное, испытывал бы любой из них — он всегда думал о людях как о «них», хотя теперь гораздо больше симпатизировал им, — имея дело с группой проворных и изобретательных шимпанзе. Ньютон восхищался ими и поэтому, со своимственным каждому смертному тщеславием, не мог устоять перед искушением ошеломить их своим умственным превосходством. И всё же, как бы

¹ Каффиери — семья итальянских скульпторов, работавших во Франции в 17-18 вв.

это ни было приятно, он должен был помнить, что люди гораздо опаснее, чем шимпанзе, — к тому же, с тех пор как земляне в последний раз видели антейца без маскировки, прошли уже тысячи лет.

Они разговаривали до тех пор, пока горничная не принесла им ланч — сэндвичи с куриной грудкой и бутылку рейнского вина для Фарнсуорта, овсяные печенья и стакан воды для Ньютона. Оказалось, что овсянку организм Ньютона усваивает лучше всего, и он ел её часто. Ещё некоторое время они беседовали о сложности финансирования самых различных предприятий. С некоторых пор Ньютону стало доставлять удовольствие всё, что связано с предпринимательством. Ему пришлось изучать его с нуля — многое об этом обществе и этой планете нельзя было узнать из телепередач — и он обнаружил, что имеет к нему природную склонность; возможно, это был атавизм, унаследованный от древних предков, живших в суровые века расцвета первобытной антейской культуры. В те времена Антея переживала эпоху жёсткого капитализма и войн — ещё до того, как почти иссякли энергетические ресурсы планеты и исчезла вода. На Земле в это время длился второй ледниковый период. Ньютону нравилось играть большими суммами, хотя при его умственных способностях эта игра была не такой уж азартной, да и вступил он в неё, имея в рукаве козырь в виде познаний в электронике, химии и оптике, накопленных на его родной планете за десять тысяч лет развития. Но он ни на минуту не забывал о том, зачем прилетел на Землю. Это знание всегда было с ним, неотступное, как тупая боль в его окрепших, но вечно уставших мышцах, как немыслимая чужеродность этой гигантской и многоликой планеты, к которой он никак не мог привыкнуть, сколько бы о ней ни узнавал.

Ему нравился Фарнсуорт. Ему нравились лишь несколько человек из тех, кого он знал. Он не был знаком ни с одной женщи-

ной, потому что боялся их — почему, он и сам не понимал. Иногда он жалел, что не может позволить себе узнать людей ближе, но это было слишком рискованно. Фарнсуорт, при всём его гедонизме, был умный человек, страстный игрок в финансовые игры; человек, за которым следовало время от времени присматривать; возможно, опасный человек — но разум его имел множество тонких и искусных граней. Он добился своих огромных доходов — доходов, которые Ньютон увеличил втройне, — не только за счёт репутации.

Обстоятельно разъяснив Фарнсуорту, что нужно сделать, Ньютон на миг откинулся в кресле, отдыхая, а затем произнёс:

— Оливер, теперь, когда деньги начали... накапливаться, я хотел бы предпринять кое-что новое. Я уже говорил вам об одном исследовательском проекте...

Фарнсуорт вовсе не выглядел удивлённым. Но, возможно, он предполагал, что целью этого визита окажется что-то более важное.

— Да, мистер Ньютон?

Ньютон слегка улыбнулся.

— Это будет предприятие совсем иного рода, Оливер. И, боюсь, оно потребует значительных вложений. Думаю, вы найдёте чем заняться, налаживая его — по крайней мере, его финансовую сторону. — Он бросил быстрый взгляд за окно, на серые здания Пятой авеню, витрины магазинов и деревья. — Дело будет неприбыльным и, я думаю, лучше всего будет учредить научно-исследовательский фонд.

— Научно-исследовательский фонд? — Юрист поджал губы.

— Вы не ослышались. — Ньютон снова повернулся к Фарнсуорту. — Да, я думаю, мы обоснуемся в Кентукки со всем капиталом, который я смогу собрать. Это составит примерно со-

рок миллионов долларов, если мы заручимся поддержкой банков.

Брови Фарнсуорта взлетели вверх:

— Сорок миллионов?! У вас нет и половины этого, мистер Ньютон. Через шесть месяцев — может быть, но мы ведь ещё только начали...

— Да, я знаю. Но я думаю, мы продадим мои права на «Краски мира» компании «Истмэн кодак». Конечно, вы можете оставить свою долю себе, если хотите. Я уверен, что в «Истмэн» сумеют ими грамотно распорядиться. Они уже на многое готовы, чтобы получить эти права — с условием, что я не стану выпускать конкурирующую цветную плёнку в ближайшие пять лет.

Фарнсуорт побагровел.

— А не всё ли это равно, что продать курицу, несущую золотые яйца?

— Возможно, это так. Но мне нужны эти деньги, и вы не хуже меня знаете, что владелец подобных патентов постоянно рискует попасть под действие антимонопольного закона. К тому же «Кодак» имеет лучший доступ к мировому рынку, чем мы. На самом деле, мы только избавимся от больших хлопот.

Фарнсуорт, немного успокоившись, покачал головой.

— Если бы у меня были права на Библию, я бы их никому не продал. Но вы, наверное, знаете, что делаете. Вы всегда знаете.

5

В Государственном университете города Пендли, что в штате Айова, Натан Брайс заглянул в кабинет к начальнику отдела. Начальника звали профессор Канутти, и его должность называлась «консультант-координатор департамента», что было весьма в духе титулов большинства мелких начальников после великого переименования, которое превратило каждого продавца в торгового представителя, а каждого вахтёра — в смотрителя. До университетов это поветрие добралось не сразу, но оно про никло и сюда, и теперь вместо секретарей здесь были сплошные регистраторы и ассистенты администраторов, а вместо начальников — одни координаторы.

Профессор Канутти — стриженный ёжиком, упитанный и с трубкой в зубах — при виде Брайса просиял притворной улыбкой и жестом пригласил его пройти в кабинет — по светло-бирюзовому ковру к пластиковому стулу нежно-сиреневого цвета.

— Рад тебя видеть, Нэйт.

Брайс едва заметно отмахнулся от «Нэйта» и, взглянув на часы, как будто в спешке, сказал:

— Меня тут кое-что заинтересовало, профессор Канутти. — На самом деле он никуда не спешил — разве что поскорее

закончить этот разговор. Теперь, когда экзамены прошли, ему нечего было делать целую неделю.

Канутти ободряюще улыбнулся, и Брайс немедленно проклял себя за то, что решил начать с этого осла, любителя поиграть в гольф. Но, может быть, Канутти скажет ему что-нибудь полезное — в конце концов, как химик он далеко не дурак.

Брайс достал из кармана коробочку и положил её на стол перед Канутти.

— Вы уже видели такую фотоплёнку? — спросил он.

Канутти взял коробочку мягкими, не знающими мозолей пальцами и озадаченно посмотрел на неё.

— «Краски мира»? Да, я ей пользовался, Нэйт. — Он положил её обратно, будто завершая разговор. — Это отличнейшая плёнка. Самопроявляющаяся.

— Вы знаете, как она работает?

Канутти картишно затянулся своей незажжённой трубкой.

— Нет, Нэйт. Не могу сказать, что знаю. Полагаю, как и любая другая плёнка. Всего лишь чуточку более... сложно. — Он улыбнулся собственной шутке.

— Не совсем. — Брайс потянулся, чтобы взять коробочку, и взвесил её на руке, глядя в ласковое лицо Канутти. — Я провёл с ней несколько тестов, и результаты меня потрясли. Вы же знаете, что лучшие цветные фотоплёнки содержат три слоя эмульсии — по одному для каждого из основных цветов. Так вот, в этой плёнке вовсе нет никакой эмульсии.

Канутти лишь приподнял брови. «Что же ты не удивляешься, придурак?» — подумал Брайс. Вытащив трубку изо рта, Канутти произнёс:

— Верится с трудом. В чём же тогда светочувствительность?

— По-видимому, в самой основе. И, кажется, это сделано при помощи солей бария — одному Богу известно как. Кристаллические соли бария в произвольной дисперсии. И, — он сделал глубокий вдох, — газообразный проявитель. В маленьком резервуаре под крышкой контейнера. Я пытался определить, что в нём, и могу с уверенностью сказать, что там нитрат калия, какой-то пероксид и что-то, что, прости Господи, ведёт себя как кобальт. И всё это слегка радиоактивно, и это, вероятно, что-то объясняет... Но что именно — я не уверен.

Выслушав эту маленькую лекцию, Канутти из вежливости помолчал. Затем сказал:

— Звучит дико, Нэйт. Где её производят?

— Завод в Кентукки. Но компания зарегистрирована в Нью-Йорке, насколько мне удалось выяснить. Их акций нет в биржевых списках.

Канутти слушал, сделав серьёзное выражение лица, — на-верное, подумал Брайс, одно из припасённых для торжественных случаев вроде вступления в новый загородный клуб.

— Понимаю. Что ж, это ловко придумано, правда?

«Ловко придумано? Чёрт подери, что он хочет этим сказать? Конечно, это ловко. Да это просто невозможно!»

— Да... Ловко. Поэтому я и пришёл к вам с просьбой. — Брайс немного поколебался: ему не хотелось просить об одолжении этого напыщенного мелкого материалиста. — Я хотел бы довести дело до конца — выяснить, как, чёрт возьми, оно работает. Я хотел спросить, нельзя ли мне воспользоваться одной из больших исследовательских лабораторий внизу, в подвале — хотя бы между семестрами. Мне мог бы ассистировать кто-нибудь из студентов.

Посреди этой речи Канутти резко откинулся в своём кресле с искусственной обивкой, как будто Брайс осозаемо тол-

кнул его в мягкую пену подушек.

— Все лаборатории заняты, Нэйт, — сказал он. — Ты же знаешь, у нас сейчас больше промышленных и военных проектов, чем мы можем потянуть. Почему бы тебе не написать в компанию, которая выпускает эту плёнку, и не спросить у них?

Брайс ответил, стараясь не повышать голос:

— Я уже писал им. Они не отвечают на письма. Никто ничего о них не знает. О них ничего не пишут в журналах — даже в «Американской фотохимии». — Он немного помолчал. — Прослушайте, профессор Канутти, всё, что мне нужно — это лаборатория... Я могу обойтись и без ассистента.

— Уолт. Уолт Канутти. Но все лаборатории заняты, Нэйт. Координатор Джонсон надерёт мне уши, если я...

— Послушай... Уолт... Это же фундаментальное исследование! Джонсон всегда толкает речи о фундаментальных исследованиях, не так ли? Хребет науки... А мы здесь, кажется, только и знаем что придумывать более дешёвые инсектициды да совершенствовать газовые бомбы.

Канутти приподнял брови. Его пухлое тело по-прежнему покоилось среди подушек.

— Мы не обсуждаем наши военные проекты в подобном тоне, Нэйт. Наши прикладные тактические исследования — это...

— Хорошо, хорошо. — Брайс с трудом понизил голос, стараясь, чтобы он звучал нормально. — Убивать людей — это фундаментально, разумеется. Фактически часть жизни нации. Но эта плёнка...

Насмешка в голосе Брайса заставила Канутти вспыхнуть.

— Послушай, Нэйт, — сказал он, — то, что ты хочешь сделать, — это вмешательство в промышленный процесс. И, более того, в процесс, который и так прекрасно работает. Чего ты так завёлся? Да, плёнка немного необычна. Ну и замечательно.

— Боже мой, — не выдержал Брайс, — эта плёнка более чем необычна. Ты ведь и сам это понимаешь. Ты профессионал. Как химик ты сильнее меня. Разве ты не видишь, какая технология в ней заключена? Боже правый, соли бария и газообразный проявитель! — он внезапно вспомнил о катушке плёнки в своей руке и уставился на неё так, будто это была змея или древняя реликвия. — Это как если бы мы были... как если бы мы были пещерными людьми, вычёсывали блох из подмышек, и один из нас нашёл бы... ленту игрушечных пистонов... — он замолчал на миг, как громом поражённый, подумав: «Господи ты боже мой, пистоны!» — ...и бросил её в огонь. Подумай о традиции, о технической традиции, следуя которой мы изготавливаем полоску бумаги и наносим на неё маленькие точки пороха через равные промежутки, чтобы услышать негромкое «хлоп, хлоп, хлоп!» Или представь, что ты дал жителю Древнего Рима наручные часы, а он знал только о солнечных... — Брайс не закончил сравнение, задумавшись о пистонах, которые взрываются так громко, совсем не оставляя запаха пороха.

Канутти холодно улыбнулся.

— Что ж, Нэйт, ты очень красноречив. Но я не собираюсь так заводиться из-за штуки, которую придумала какая-то увлечённая исследовательская команда. — Он попытался придать голосу шутливый оттенок, чтобы смягчить свой отказ. — Едва ли нас посетил человек из будущего. По крайней мере, не для того, чтобы продать нам фотоплёнку.

Брайс встал, скав коробочку с плёнкой в руке, и тихо сказал:

— Какая ещё, к дьяволу, увлечённая исследовательская команда?! Я готов допустить — учитывая, что в этой плёнке вообще не применяются химические процессы, изобретенные за сто с лишним лет развития фотографии, — что эта технология разра-

ботана не на Земле. Или же где-то в Кентукки скрывается гений, который на следующей неделе начнёт продавать нам вечные двигатели. — Внезапно Брайсу сделалось тошно от этого разговора. Он повернулся и пошёл к двери.

Словно мать вслед убегающему в истерике ребёнку, Канутти сказал в спину Брайсу:

— Я не стал бы слишком много толковать об инопланетянах, Нэйт. Я, конечно, всё понимаю...

— Ну конечно, ты всё понимаешь, — сказал Брайс и вышел.

Он уехал домой первым же поездом монорельса, по дороге высматривая — или, скорее, выслушивая — мальчишек с пистонным оружием.

6

Выйдя из здания аэропорта, Ньютон уже через пять минут понял, что совершил серьёзную ошибку. Не следовало забираться так далеко на юг в летнее время — как бы это ни было необходимо. Надо было послать Фарнсвурта или ещё кого-нибудь, кто купил бы недвижимость и всё устроил. Столбик термометра поднялся выше девяноста градусов¹. Тело Ньютона было рассчитано на температуры от сорока до пятидесяти², и он физиологически не был способен потеть. Когда в такси, по пути из аэропорта в центр Луисвилла, ускорение вдавило его по-прежнему чувствительное к гравитации тело в жёсткую спинку сиденья, Ньютону сделалось дурно почти до беспамятства.

Но за два с лишним года на Земле и десять лет физической подготовки, которую он прошёл ещё на Антее, Ньютон научился терпеть боль и твёрдо, одной силой воли, держать себя хотя бы в смутном сознании. Он с трудом перебрался из машины в гостиничный холл, из холла в лифт — который, к счастью, оказался медленным, с плавным ходом, — а из лифта в свою комнату на третьем этаже, где упал на кровать, как только коридорный оставил его одного. Через минуту он заставил себя добраться до

1 90° F ~ 32° C

2 $40\text{--}50^{\circ}$ F ~ $4,5\text{--}10^{\circ}$ C

кондиционера и переключил его на очень холодный режим, а затем снова рухнул на кровать. Кондиционер был хороший — из тех, что производились по лицензии на основе патентов, принадлежащих Ньютону. Очень скоро в комнате стало достаточно прохладно, но он оставил агрегат включённым, радуясь тому, что его вклад в науку об охлаждении позволил сделать столь необходимые ему уродливые ящички бесшумными.

Время перевалило за полдень, и вскоре Ньютон позвонил вниз, чтобы ему прислали бутылку шабли и немного сыра. Он лишь недавно начал пить вино, с удовольствием открыв, что оно действует на него так же, как на землян. Вино оказалось отличным, хотя сыр был немного резиновым. Ньютон включил телевизор, тоже работавший на патентах «Всемирной корпорации», и откинулся в кресле, решив как-нибудь развлечь себя, раз уж в такой жаркий день он не может заниматься чем-то ещё.

Он не смотрел телевизор уже больше года, и странно было включить его снова в этом роскошном пошлом номере новой гостиницы, так похожем на квартиры, в которых живут частные детективы из телесериалов — с шезлонгами и книжными полками, которыми никто никогда не пользуется, с абстрактными картинами и пластиковыми мини-барами — здесь, в Луисвилле, в Кентукки. Ньютон глядел на маленьких земных мужчин и женщин на экране, так же как много лет назад глядел на них дома, на Антее. Теперь он вспоминал о тех днях, потягивая холодное вино, заедая его сыром — чужая, странная пища, — а звуки мелодрамы наполняли прохладную комнату, и приглушенные голоса из маленького динамика звучали для его чувствительного инопланетного слуха как чуждое гортанное бормотание, которым они, в сущности, и являлись. Совсем не похоже на мурлыкающие звуки его родного языка — несмотря на то, что много веков назад один развился из другого. Впервые за долгие месяцы он разрешил себе

вспомнить о старых друзьях, оставшихся на Антее, о приятных беседах, о пресной рассыпчатой пище, к которой привык с детства, о своей жене и детях. Ньютон вдруг впал в самосозерцательное и горькое состояние, так похожее на человеческую ностальгию — то ли из-за прохлады в комнате, успокоившей его после мучительного путешествия, то ли из-за алкоголя, к которому он ещё не привык. Ему страстно захотелось услышать звук родной речи, увидеть светлые тона антейской земли, почувствовать едкий запах пустыни, услышать тягучие звуки антейской музыки, увидеть тонкие, как ткань, стены домов, пыль антейских городов. И он хотел свою жену, тосковал по её телу, его по-антейски неброской красоте... Тихая, неотступная боль. И вдруг, снова оглядел свою комнату, унылые серые стены и безвкусную обстановку, Ньюトン с отвращением понял, что устал от этого пустого и чужеродного места, от его бессмысленной, кричащей, чувственной культуры, от этого сборища ловких, суэтливых, самовлюбленных обезьян — вульгарных, беспечно не замечающих, как их шаткая цивилизация рушится, рушится, подобно Лондонскому мосту¹ и всем мостам.

Его охватило чувство, которое он ощущал уже и раньше: тяжёлая апатия, вселенская тоска, глубокая усталость от этого беспокойного, суэтного, тлетворного мира и всех его стрекочущих звуков. Он чувствовал, что готов всё бросить, что совершил глупость, немыслимую глупость, ввязавшись двадцать лет назад в эту авантюру. Ньютон снова обвёл комнату усталым взглядом. Что он делает здесь, на другой планете — третьей от Солнца, бесконечно далёкой от его дома? Он встал и выключил телевизор, а затем снова опустился в кресло и продолжил пить. Теперь он ощущал действие алкоголя, но ему было всё равно.

¹ Отсылка к известной с 1744 года детской песенке «London Bridge Is Falling Down» (англ. «Лондонский мост падает»), разные версии которой встречаются во всем мире.

Ньютон пятнадцать лет просматривал программы американского, британского и русского телевидения. Его коллеги собрали огромный архив записей перехваченных телепередач и сорок лет назад — к тому моменту, когда Америка начала непрерывное телевещание, — уже разобрали большую часть языковых тонкостей из радиопередач в FM-диапазоне. Ньютон штудировал их ежедневно, изучая язык, обычай, историю, географию — всё, что было доступно, — пока в итоге, установив исчерпывающее количество перекрёстных ссылок, не запомнил значение таких абстрактных понятий как «жёлтый», «Ватерлоо» и «демократическая республика» (на Антее не было ничего подобного демократии). Ньютон работал, учился, выполнял бесчисленные физические упражнения, томился ожиданием — и все эти годы они совещались, решая, стоит ли вообще затевать это путешествие. У них не было почти никаких источников энергии, кроме солнечных батарей в пустыне. А нужно было так много энергии, чтобы отправить через огромные необитаемые пространства хотя бы одного антейца! Что если он погибнет? Что если достигнув другой планеты, он найдет её уже мёртвой — такой же, какой стала почти вся Антея, — погребённой под атомным шлаком, выжженной огнём обезьяньей ярости? В конце концов Ньютона сообщили, что он отправится в путь на одном из старинных космических кораблей, всё ещё хранившихся под землей. За год до путешествия его известили, что планы наконец определились и корабль будет готов к тому времени, когда планеты займут выгодное для перелёта расположение. Ньютон не мог унять дрожь в руках, когда рассказывал жене о том, что решение принято...

Он просидел в своём номере до пяти часов вечера, не вставая с кресла. Затем поднялся, позвонил в агентство недвижимости и предупредил, что придёт в пять тридцать. Ньютон

вышел из комнаты, оставив в баре полупустую бутылку вина. Он надеялся, что к этому времени на улице станет гораздо прохладнее, но ошибся.

Ньютон остановился в этой гостинице, потому что она была всего в трёх кварталах от агентства, которое он собирался посетить, чтобы совершить давно запланированную большую сделку с недвижимостью. Ньютон вполне мог пройти это расстояние, но из-за вязкого, обжигающе горячего воздуха, словно одеялом накрывшего улицы, у него закружилась голова, и он сделался рассеянным и вялым. Несколько раз у него возникала мысль, что лучше вернуться в гостиницу и вызвать агента по недвижимости к себе, но он всё шёл и шёл.

Когда же Ньютон наконец нашёл нужное здание, то с ужасом обнаружил, что бюро, в которое он направляется, находится на девятнадцатом этаже. Он не ожидал увидеть в Кентукки такие высокие здания, не был к этому готов. Взбираться по лестнице? Об этом не могло быть и речи. Но он ничего не знал о здешних лифтах. Если лифт окажется слишком быстрым или будет дёргаться, это может стать последней каплей для его и без того перегруженного гравитацией тела. Но с виду лифты казались новыми и хорошо сделанными, к тому же в здании работали кондиционеры. Ньютон вошёл в один из лифтов, в котором не было никого, кроме спокойного пожилого лифтёра в униформе табачного цвета. Они дождались ещё одного пассажира, симпатичную кругло лицую женщину — она вбежала, запыхавшись, в последний момент. Затем лифтёр закрыл латунную дверь, Ньюトン произнёс: «Девятнадцатый, пожалуйста», женщина пробормотала: «Двенадцатый», и пожилой человек лениво, несколько надменно положил руку на рычаг ручного управления. В этот момент Ньютон сообразил, что это вовсе не современный кнопочный лифт, а какой-то подновлённый старый, и испугался. Но

понимание пришло слишком поздно, потому что прежде, чем он успел выразить протест, его желудок скрутило, а мышцы сжались от боли, когда лифт дёрнулся, замер, снова дёрнулся, а затем выстрелил вверх, мгновенно удвоив его и без того утрупленный вес. А дальше всё произошло словно в один миг. Ньютон заметил, что женщина уставилась на него, и понял, что у него, должно быть, кровь пошла носом и капает на рубашку. Он взглянул вниз и убедился, что так и есть. В тот же самый миг он услышал — или, скорее, ощутил в своём дрожащем теле — негромкий хруст, его ноги подкосились, и он упал на пол, перекрученный самым нелепым образом. Он увидел, что одна нога сложилась под ним вдвое под неестественным углом, и в тот же миг потерял сознание, погрузившись в черноту, такую же абсолютную, как вакуум, отделяющий его от дома...

Ньютон терял сознание дважды в своей жизни: один раз дома, во время тренировок на центрифуге, второй раз во время дикого ускорения, когда стартовал на своём корабле. Оба раза он сам быстро приходил в себя, пробуждаясь к смятению и боли. На этот раз он тоже очнулся с болью во всём теле, в испуге и замешательстве от того, что не мог понять, где находится. Он лежал на спине, на чём-то мягким и гладким, и в глаза ему был яркий свет. Ньютон сощурился и, скривившись от боли, повернул голову. Он лежал на каком-то диване, а в другом конце комнаты у стола стояла женщина, держа в руке трубку телефона. Она смотрела на него. Ньютон взглянул на неё внимательней и вдруг узнал её — это была та женщина из лифта.

Увидев, что он очнулся, она смущалась и, будто не зная, что делать с телефоном, продолжала безвольно держать трубку в руке. Нерешительно улыбнувшись, она спросила:

— Вы в порядке, мистер?

Ньютон ответил слабым голосом, который прозвучал словно чужой:

— Надеюсь, что да. Я не знаю... — Его ноги были вытянуты на диване. Двигать ими он боялся. Кровь на рубашке была ещё липкая, но уже холодная. Должно быть, он не слишком долго пробыл без сознания. — Кажется, я повредил ноги...

Она покачала головой, серьёзно глядя на него.

— Это уж наверняка. У вас одна нога согнулась, как старая проволока.

Ньютон всё смотрел на неё, не зная, что сказать, и пытался сообразить, что делать дальше. Ему нельзя было попасть в больницу: там будет обследование, рентгеновские снимки...

— Я уже пять минут пытаюсь вызвать вам врача. — Голос у неё был сиплый, и она казалась испуганной. — Уже троим позвонила, но никого нет на месте.

Ньютон моргал, глядя на неё, и пытался собраться с мыслями.

— Нет, — сказал он. — Нет! Не надо...

— Не надо врача? Но вам нужен врач, мистер. Вы сильно ранены. — Видно было, что её гложут сомнения, но она слишком перепугана, чтобы что-нибудь заподозрить.

— Нет. — Ньютон хотел что-то добавить, но его остановил внезапный приступ тошноты. Почти не осознавая, что делает, он свесился с дивана, и его вырвало. При каждой конвульсии его ноги пронзала острые боль. Затем он снова упал навзничь на диван, совершенно обессиленный. Но свет был слишком ярким, он жёг его глаза даже сквозь закрытые веки — тонкие, прозрачные веки — и Ньютон со стоном поднял руку, чтобы их заслонить.

После того, как его вырвало, женщина почему-то успокоилась. Наверное, в этом было что-то узнаваемо человеческое. Её

голос стал более непринужденным.

— Как вам помочь? — спросила она. — Что мне сделать, чтобы вам помочь? — Она задумалась. — Я могу принести вам выпить...

— Нет. Не надо... — Что же делать?

Она вдруг заговорила лёгким тоном, как будто перед этим была близка к истерике и только что пришла в себя.

— Да на вас смотреть страшно, — заявила она.

— Представляю. — Ньютон повернулся лицом к спинке дивана, пытаясь спрятаться от света. — Вы не могли бы... вы можете просто оставить меня одного? Мне станет лучше... если я немного отдохну.

Она тихо рассмеялась.

— Ничего не выйдет. Это контора, утром здесь будет полно людей. Мне дал ключ лифтёр.

— Вот как. — Ему надо было как-то унять боль, иначе он скоро опять потеряет сознание. — Послушайте, — сказал Ньютон, — у меня в кармане ключ от моего номера в гостинице. Отель «Браун». Это в трёх кварталах отсюда, если идти в сторону...

— Я знаю, где отель «Браун».

— Да? Это хорошо. Вы можете взять ключ и найти чёрный портфель в шкафу в спальне? И принести его мне? У меня там... лекарства. Пожалуйста.

Она молчала.

— Я могу заплатить...

— Я не об этом беспокоюсь.

Ньютон повернулся и на секунду приоткрыл глаза, чтобы посмотреть на неё. Её широкое лицо было нахмурено, брови сдвинуты в некой пародии на глубокую задумчивость. Затем она рассмеялась, не глядя на него.

— Я не знаю, пустят ли меня в «Браун» — и разрешат ли

зайти в одну из комнат, как к себе домой.

— Почему нет? — Когда Ньютон говорил, у него что-то болело в груди. Он почувствовал, что снова близок к обмороку.
— Почему вам нельзя?

— Вы не очень-то разбираетесь в одежде, правда, мистер? Не похоже, чтоб вам когда-нибудь приходилось об этом заботиться. На мне простое деревенское платье, да и то порванное. К тому же им не понравится, как от меня пахнет.

— Да? — отозвался он.

— Это джин. Но, может быть, я смогу... — Она как будто задумалась. — Нет, не смогу.

Ньютон снова почувствовал себя нехорошо, его тело как будто плыло. Часто моргая, он заставлял себя держаться, стараясь не обращать внимания на слабость и боль.

— В моём бумажнике. Возьмите несколько двадцатидолларовых банкнот. Дайте денег коридорным. Вы сможете. — Комната закружила у него перед глазами, потускневшие огни гаснущей вереницей поплыли мимо. — Пожалуйста!

Ньютон почувствовал, как она шарит у него в кармане, ощутил её горячее дыхание на своём лице и вскоре услышал, как она схватила кошелёк.

— Господи, — воскликнула она, — как он набит!.. Взять бы да сбежать с ним!

— Не надо, — сказал он. — Пожалуйста, помогите мне. Я богат. Я могу...

— Я не сбегу, — ответила она устало, и добавила уже веселее: — Вы только держитесь, мистер. Я вернусь с вашими лекарствами, даже если мне придется подкупить весь отель. Вы только не волнуйтесь.

Ньютон услышал, как за ней закрылась дверь, а потом потерял сознание...

Казалось, прошло лишь мгновение — и вот она снова вошла в комнату, тяжело дыша, водрузила на стол портфель и открыла его.

А позже, когда он принял обезболивающие капсулы и таблетки для срашивания переломов, явился лифтёр в сопровождении человека, который представился комендантом здания, и Ньютон вынужден был уверить их, что не собирается никому предъявлять иск, что, в самом деле, он чувствует себя прекрасно и что всё обойдётся. Нет, ему не нужно в больницу. Да, он подпишет бумагу о том, что не имеет претензий к владельцам здания. А теперь не помогут ли они ему добраться до такси? Во время этой бурной дискуссии Ньютон несколько раз чуть не упал в обморок и, едва она закончилась, снова лишился чувств.

Очнулся он в такси, рядом с ним сидела та женщина. Она осторожно тряслась его.

— Куда вы хотите ехать? — спросила она. — Где ваш дом?

Ньютон воззрился на неё.

— Я... Я не знаю.

Слегка вздрогнув, Ньютон оторвал взгляд от книги. Он не заметил, как она вошла в комнату. Она часто так делала: неожиданно заговаривала с ним, появляясь словно из ниоткуда, и её хрипловатый серьёзный голос, наверное, мог бы раздражать его. Но она оказалась славной женщиной и к тому же была на чисто лишена подозрительности. За минувшие четыре недели он очень полюбил её, словно некое полезное домашнее животное.

— Ты ведь пойдёшь сегодня вечером в церковь, правда?

Прежде чем ответить, Ньютон передвинул ногу в более удобное положение и оглянулся на неё через плечо. Должно быть, она только что вошла — она держала в руках красную пластиковую сумку для покупок, прижимая её к своей тяжёлой груди, словно младенца.

Она глуповато улыбнулась, и он догадался, что она уже немного пьяна, хотя время едва перевалило за полдень.

— Я вот о чём. Я подумала — может быть, ты захочешь пойти в церковь. — Она поставила сумку на столик около кондиционера, который он купил ей в первые же дни после того, как поселился у неё дома. — Я принесла тебе вина, — добавила она.

Ньютон снова повернулся к больной ноге, вытянутой вперёд и уложенной на маленькую хлипкую тумбочку, набитую старыми комиксами — её единственным чтивом. Его взяла досада. То, что она купила вина, означало, что она определённо воз-

намерилась к вечеру напиться, и, хотя она хорошо переносила алкоголь, Ньютон всегда боялся её опьянения. Даже несмотря на то, что она часто с весёлым удивлением говорила о том, какой он лёгкий и хрупкий, ей, скорее всего, даже в голову не приходило, что она может повредить его кости — тонкие, как у птицы, — если хоть раз споткнётся об него, упадёт на него или даже просто сильно шлёпнет ладонью. Она была крепкой, полной женщиной и была тяжелее него по меньшей мере на пятьдесят фунтов¹.

— Спасибо за заботу, Бетти Джо, — сказал Ньютон. — Вино холодное?

— Ага, — отозвалась Бетти Джо. — На самом деле просто ледяное. — Она вытащила бутылку из сумки, и Ньютон услышал, как та звякнула, задев своих пока невидимых товарок. Она придиричива осмотрела бутылку. — На этот раз оно не из «Райкманз». Я сегодня ходила за пособием и просто прихватила бутылочку на выходе из социальной службы. Там есть маленький магазинчик, «Голдиз Куики». Они частенько устраивают благотворительные раздачи.

Бетти Джо взяла стакан из шеренги, венчавшей древнюю книжную полку, выкрашенную в красный цвет, и поставила его на подоконник. Затем, в какой-то ленивой рассеянности, выдающей её взаимоотношения с алкоголем, она достала из сумки бутылку джина и застыла, держа вино в одной руке и джин в другой, как будто не зная, с чего лучше начать.

— Они держат всё вино в обычном холодильнике, и оно становится слишком холодным. Лучше бы я купила его в «Райкманз». — Она наконец поставила бутылку с вином и открыла джин.

— Ничего страшного, — сказал Ньютон. — Оно быстро согреется.

— Я поставлю его сюда, а ты просто скажи мне, как толь-

1 50 фунтов ~ 23 кг

ко захочешь, слышишь? — Она налила себе полстакана и ушла в свою маленькую кухню. Он услышал, как она загремела сахарницей, насыпая, как обычно, сахар в свой джин, а через минуту она вернулась, потягивая напиток на ходу. — Эх, как же я люблю джин! — сказала она самодовольным тоном.

— Не думаю, что я смогу пойти в церковь, — произнёс Ньютон.

На лице Бетти Джо отразилось искреннее разочарование. Она неуклюже села в старое, обитое ситцем кресло напротив него, одной рукой расправляя на коленях цветастую юбку, а в другой держа стакан.

— Жалко. Это и вправду хорошая церковь, даже высококлассная. Ты вовсе не был бы там не к месту.

Только сейчас он заметил у неё на руке кольцо с бриллиантом. Наверное, она купила это кольцо на его деньги. Ньюトン не жалел для неё денег — она действительно заслужила их, ухаживая за ним. Несмотря на её привычки и болтовню, Бетти Джо оказалась прекрасной сиделкой. К тому же она не задавала лишних вопросов.

Не желая поддерживать разговор о церкви, Ньютон молчал. Бетти Джо тем временем устроилась в кресле поудобнее и всерьёз принялась за свой джин. Она принадлежала к разряду тех непостоянных и сентиментальных прихожанок, которых телеведущие величают глубоко религиозными, — и заявляла, что религия является для неё великим источником силы. Их религия в значительной мере состояла из воскресных дневных лекций о личном обаянии и вечерних лекций по средам о людях, которые достигли успеха в делах благодаря молитве. Их вера основывалась на убеждённости в том, что всё, что ни делается, — всё к лучшему, их мораль состояла в том, что каждый должен сам решать, что для него является правильным. Бетти Джо, как и многие дру-

гие, очевидно, решила в пользу джина и пособия по безработице.

Прожив несколько недель с этой женщиной, Ньютон многое узнал об одной стороне жизни американского общества, о которой телевидение не осведомило его вовсё. Он знал, что сорок лет после Второй мировой войны стали для страны временем экономического расцвета — так мог бы расцветать гигантский и невероятно живучий сорняк. Знал он и о том, кому все эти блага доставались и кем расточались — это был почти всеобъемлющий средний класс, который с каждым годом тратил всё больше времени на всё менее производительный труд, получая за него всё больше денег, — тот самый шикарно одетый и утопающий в роскоши средний класс, который всегда показывали по телевизору, отчего у зрителя легко создавалось впечатление, что все без исключения американцы молоды, загорелы, ясноглазы и честолюбивы. Лишь повстречав Бетти Джо, Ньютон узнал, что существует большой пласт общества, абсолютно не подверженный влиянию этой модели, что огромная инертная масса людей не имеет никаких амбиций и ценностей вообще. Он прочёл достаточно исторической литературы, чтобы понять, что люди вроде Бетти Джо были когда-то заводской беднотой, — но теперь они превратились в индустриальных богачей, живущих со всеми удобствами в построенных государством домах (Бетти Джо снимала трёхкомнатную квартиру в старом кирпичном доме в обширной, пришедшей в упадок жилой застройке) на подачки от бесчисленных благотворительных организаций — «Государственный благотворительный фонд», «Федеральная благотворительность», «Фонд помощи в чрезвычайных ситуациях», «Фонд помощи малоимущим». Это американское общество было настолько богато, что могло предоставить Бетти Джо и ещё восьми или десяти миллионам ей подобных эту убогую роскошь в городах, с джином и поддержанной мебелью, в то время как остальные американцы подставля-

ли солнцу свои румяные щёки, нежась в загородных бассейнах, следовали актуальным течениям в моде и воспитании детей, смешивали напитки, менялись жёнами и устраивали бесконечные игры с религией, психоанализом и «творческим досугом». За исключением Фарнсуорта, который принадлежал к иному, более редкому классу действительно богатых людей, все, кого Ньютону доводилось встречать, относились к этому среднему классу. Все они были очень похожи друг на друга и все они, если застать их врасплох, когда рука не протянута в дружелюбном приветствии, а лицо не закрыто маской самоуверенности и мальчишеского обаяния, выглядели какими-то измученными, какими-то потерянными. Ньютону казалось порой, что на долю Бетти Джо, с её джином, её скукой, её кошками и подержанной мебелью, досталась лучшая часть общественного уклада.

Как-то раз она устроила вечеринку, позвав нескольких «подружек» из соседних квартир. Ньютон прятался от их глаз в её спальне, но прекрасно мог слышать, как они поют старые гимны вроде «Скалы времён» или «Веры наших отцов», пьянея от джина и умиления, и ему казалось, что они получают гораздо большее удовлетворение от этого эмоционального разгула, чем мог получить средний класс от своих римских вечеринок с барбекю, пьяным ночным купанием в бассейнах и быстрым сексом. Но даже Бетти Джо не была вполне искренней по отношению к этим старым наивным гимнам, потому что как только соседки, пошатываясь, разошлись по своим собственным трёхкомнатным клеткам, она плюхнулась на кровать рядом с ним и стала хихикать над глупостью баптистской возрожденческой религии с её гимнами, в которой её воспитала кентуккийская семья, и говорить, что «переросла всё это, хотя иногда это бывает очень даже мило — попеть песни». Ньютон ничего не отвечал, хотя не мог не удивляться. Он несколько раз смотрел передачу «Час возрожде-

нья старины» на старых антейских плёнках, видел он и «современные» религиозные программы, в которых пытались «извлечь творческую пользу из Бога», а музыка состояла исключительно из вальсов Штрауса, сыгранных на электронном органе, и фрагментов увертюры «Поэт и крестьянин». Ньютон вовсе не был уверен, что люди поступают мудро, насаждая это своё странное проявление — которого на Антее не знали, но в зарождении которого на Земле, вероятно, можно было обвинить антейцев, посещавших эту планету в незапамятные времена, — этот особый набор предположений и обязательств, именуемый религией. Впрочем, он не очень хорошо понимал, что это такое. Конечно, антейцы верили, что во Вселенной могут существовать боги или существа, которых можно было бы назвать богами, но для них это не имело большого значения, — так же как, на деле, и для большинства землян. И всё же древняя вера людей в грех и его искупление была ему понятна. Как и другим антейцам, Ньютону было близко знакомо чувство вины и желание её загладить. Но теперь человечество будто пыталось выстроить на замену своим религиям шаткие конструкции из полуверы и сентиментальности, и он не знал, что об этом думать; он и в самом деле не мог понять, почему Бетти Джо так предана мнимой силе, которую получает еженедельными порциями в своей синтетической церкви, — ведь эта сила была, пожалуй, гораздо менее надёжна, чем та, которую она черпала в джине.

Спустя некоторое время Ньюトン попросил её налить вина, и Бетти Джо услужливо подала ему хрустальный винный бокальчик, который купила специально для него, а затем опытной рукой налила вино из бутылки. Он выпил его довольно быстро. За время выздоровления он научился получать от алкоголя гораздо большее удовольствие.

— Что ж, — сказал Ньютон, когда она наполняла для него

второй бокал. — Думаю, я смогу съехать отсюда на следующей неделе.

Бетти Джо помедлила, наливая вино. Потом спросила:

— Зачем, Томми? — Она звала его Томми, когда напивалась. — Тебя никто не гонит.

Господи, до чего же он был странный! Высокий, тощий и большеглазый, как птица, — но по квартире он передвигался по-кошачьи легко, даже со сломанной ногой. Он всё время глотал таблетки и никогда не брился. Кажется, он и не спал никогда. Бетти Джо иногда вставала по ночам, просыпаясь с пересохшим горлом и гудящей головой, если выпила накануне слишком много джина, а он сидел в гостиной с ногой на подставке и читал или слушал маленький проигрыватель золотистого цвета, который привёз ему из Нью-Йорка толстый юрист. А иногда он просто сидел в кресле, подперев руками подбородок, плотно сжав губы, таращился в стену и думал о чём-то — один бог знает о чём. В такие моменты она старалась двигаться бесшумно, чтобы не помешать ему. Но он всегда слышал её, как бы тихо она ни кралась, и она замечала, как он вздрагивает. Но потом он всегда улыбался ей и иногда говорил пару слов. Один раз, на второй неделе его выздоровления, он показался ей таким потерянным и одиноким — он сидел, уставившись в стену, будто пытаясь разглядеть там кого-то, с кем можно поговорить. Со своей сломанной ногой он походил на полуживого птенца, выпавшего из гнезда. Он выглядел таким несчастным, что ей захотелось обнять его голову руками и по-матерински приласкать его. Но она не стала этого делать:

она уже знала, как он не любит, когда до него дотрагиваются. И он был таким хрупким — она могла сделать ему больно. Ей ни за что не забыть, какой он был лёгкий, когда она несла его от лифта — в залитой кровью рубашке и с изогнутой, как проволока, ногой.

Бетти Джо закончила причёсываться и принялась красить губы. Она впервые в жизни взяла губную помаду серебристого цвета и тени для век, такими красятся молоденькие девушки, и, закончив макияж, поглядела на себя в зеркало с некоторым удовольствием. Для своих сорока лет она выглядела не так уж плохо, если скрыть крошечные багрянистые пятнышки вокруг глаз, появившиеся от джина с сахаром. Сегодня вечером она замаскировала их с помощью косметики, которую специально для этого и купила.

Некоторое время она разглядывала своё лицо в зеркале, а затем начала одеваться. Сначала она натянула прозрачные золотистые трусики и бюстгальтер, которые купила сегодня, а затем надела ярко-красные брюки, подходящую к ним блузку и блестящие серьги. Напоследок она нанесла на волосы серебряные блёстки. Теперь она стала похожа на кого-то другого и, стоя перед зеркалом, поначалу чувствовала себя неловко. Что за глупость она затеяла, вырядившись подобным образом? Но где-то в подсознании, в этом пыльном архиве, где безжалостно была пронумерована каждая бутылка джина и где хранились неприятные воспоминания о её муже, по счастью, покойном, — в глубине души она прекрасно понимала, что именно задумала. Но Бетти Джо не стала извлекать эту мысль на поверхность сознания. В этом искусстве она была мастером. Через минуту она уже немногого свыклась с этим новым образом сексапильной вдовы и, одной рукой подхватив стакан с джином с туалетного столика, а другой разглаживая свои обтягивающие алые брюки, распахнула дверь и вошла в комнату, где сидел Томми.

Он разговаривал по телефону, и на маленьком экранчике ей было видно лицо этого юриста, Фарнсуорта. Обычно они созванивались по три-четыре раза в день, а однажды Фарнсуорт явился сам, и с ним несколько молодых людей серьёзного вида. Они целый день о чём-то разговаривали и спорили в её гостиной, не обращая на неё внимания, словно она была частью обстановки. Все, кроме Томми, — тот был вежлив и мил и нежно поблагодарил её, когда она принесла мужчинам кофе и предложила им джин.

Пока он разговаривал с Фарнсуортом, она присела на диван, подобрала старую книжку комиксов и, допивая джин, лениво пролистала несколько страниц с самыми откровенными картинками. Но это ей быстро наскучило, а Томми всё говорил и говорил — о каком-то научном проекте, которым они занимались в южной части штата, и о продаже таких и сяких акций. Она отложила комиксы, допила свой джин и взяла одну из его книг, что лежали на приставном столике. Ему присылали на дом сотни книг, и в комнате уже становилось от них тесно. Книга оказалась каким-то сборником стихов, и она поспешно положила её обратно и взяла другую. Эта называлась «Термоядерное оружие» и была заполнена чертежами и цифрами. Бетти Джо снова почувствовала, насколько глупо выглядит в этой одежде. Она встала и решительно налила джин ещё в два стакана, поставила один на телевизор, а другой забрала с собой на диван. Но даже чувствуя себя глупо, она заметила, что безотчётно принимает соблазнительную позу а-ля кинозвезда, лениво вытягивая на диване полные ноги. Она наблюдала за Томми поверх своего стакана, глядя, как отблеск от лампы играет на его белых волосах, его тонкой, золотистой, почти прозрачной коже, его изящной, по-женски тонкой руке, непринужденно лежащей на столе. Теперь она начала осознавать чего она, собственно, добивается и, лёжа в пол-

умраке, разомлев от джина, почувствовала озорное возбуждение, попытавшись представить это странное, изящное тело рядом со своим. Глядя на него и позволив своему воображению играть с этой мыслью, она понимала, что возбуждается от его необычности — его непонятной, нечеловеческой, несексуальной природы. Может быть, она — вроде тех женщин, которым нравится заниматься любовью с чудаками и калеками? Что ж, он как раз и то, и другое — но сейчас ей было наплевать на всё на свете. Новые брючки обтягивали её ноги, джин горячил изнутри, и ей не было стыдно. Если она сможет вызвать в нём желание — если он вообще способен испытывать желание — она будет гордиться собой. А если нет — всё равно, он такой милый, он не должен обидеться. Её влекло к нему живое тёплое чувство; допив джин, она впервые за многие годы ощутила что-то похожее на любовь — в придачу к желанию, которое она распаляла в себе весь день, с самого утра, когда вышла из дома в своём старом ситцевом платье и купила эти брюки и серёжки, косметику и чулки, не позволяя себе вдуматься в конечный смысл неясного плана, пришедшего ей в голову.

Бетти Джо принялась за следующий стакан, уверяя себя, что ей просто необходимо расслабиться. Но, ожидая конца разговора, она лишь разволновалась. Теперь речь шла о ком-то по имени Брайс, и Фарнсуорт говорил, что этот Брайс пытается встретиться с ним — хочет работать в их проекте, но перед этим желает увидеть Томми, и Томми отвечал, что это невозможно, а Фарнсуорт говорил, что им очень нужны люди с такой подготовкой, как у этого Брайса. Бетти Джо начала терять терпение. Кому он нужен, этот Брайс? Но Томми вдруг завершил разговор, положил трубку и, помолчав с минуту, внимательно посмотрел на неё с задумчивой улыбкой на губах.

— Мой новый дом готов. В южной части штата. Хочешь

поехать туда со мной? В качестве экономки?

Вот это новость! Бетти Джо от удивления захлопала глазами:

— Экономки?

— Да. Дом будет готов в субботу, но там нужно расставить мебель и позаботиться обо всём прочем. Мне нужен кто-то, кто поможет мне со всем этим разобраться. К тому же, — он улыбнулся, встал, опираясь на трость, и, хромая, сделал несколько шагов в сторону Бетти Джо, — ты знаешь, я не люблю общаться с незнакомыми людьми. Ты могла бы разговаривать с ними вместо меня.

Он остановился рядом с ней. Она подняла на него взгляд.

— Я налила тебе выпить. На телевизоре.

В его предложение было трудно поверить. Бетти Джо знала про дом — из-за него к Томми приходили люди из агентства недвижимости на той самой второй неделе. Он купил огромный особняк и девяносто акров¹ земли в горах на востоке.

Он взял стакан, понюхал его и спросил:

— Джин?

— Попробуй! — ответила она. — Он совсем неплохой.

Сладкий.

— Нет, — сказал он. — Нет. Но я с удовольствием выпью с тобой немного вина.

— Конечно, Томми. — Бетти Джо поднялась, слегка пошатываясь, и пошла на кухню за бутылкой содерна и его хрустальным бокалом. — Я тебе не нужна! — крикнула она из кухни.

Он ответил предельно серьёзным тоном:

— Ну конечно ты нужна мне, Бетти Джо.

Она вернулась в комнату и остановилась рядом с ним, передавая ему бокал. До чего же он хороший. Ей стало почти стыдно за то, что она хотела совратить его, как если бы он был

1 900 акров ~ 364 га

ребёнком. На неё накатило пьяное веселье. Он, поди, даже не знает, к чему это всё! Он, наверное, из тех, кто писал в серебряный горшок, когда был маленьkim, и убегал прочь, если какая-нибудь девочка пыталась до него дотронуться. Или, может быть, он голубой? Вечно сидит с книжкой и выглядит так странно... Но говорил он не так, как голубые. Ей нравилось, как он говорит. Сейчас он казался усталым. Но он казался таким всегда.

Болезненно поморщившись, он опустился в кресло и поставил свою трость на пол рядом с собой. Бетти Джо села на диван, а потом легла на бок, лицом к нему. Он смотрел на неё, но, казалось, совсем её не видел. Когда он так смотрел, у неё мурочки пробегали по коже.

— На мне новая одежда, — сказала она.

— Ах, вот как.

— Да, вот так. — Бетти Джо смущённо рассмеялась. — Брюки стоили шестьдесят пять, а блузка пятьдесят, и ещё я купила золотистое бельё и серёжки. — Она подняла ногу, демонстрируя ярко-красные брюки, а потом почесала коленку через ткань. — Ты даёшь мне столько денег, что я могла бы одеваться, как кинозвезда, если бы захотела. Знаешь, я могла бы подтянуть лицо, сбросить вес и всё такое. — С минуту она ощупывала свои серьги, задумчиво подёргивая их и проводя ногтем большого пальца по мягкому золоту, наслаждаясь лёгким намеком на боль в мочках ушей. — Но я не знаю... Я запустила себя довольно давно. С тех пор, как мы с Барни перешли на пособие и бесплатную медицинскую страховку и всё такое, я запустила себя и — чёрт, чем богаты, тем и рады.

Он ничего не ответил и, пока она допивала свой напиток, они сидели в тишине. Наконец он спросил:

— Ты поедешь со мной в мой новый дом?

Бетти Джо потянулась и зевнула, ощущая усталость.

— Ты правда думаешь, что я тебе нужна?

Он посмотрел на неё, и лицо его при этом было таким, каким она его ещё никогда не видела — как будто он умолял её.

— Да, ты нужна мне, — сказал он. — Я знаю очень немногих людей...

— Конечно, — сказала она. — Я поеду. — Она устало махнула рукой. — Всё равно я буду дурой, если не поеду. Наверняка ты станешь платить мне вдвое больше, чем я заслуживаю.

— Хорошо. — Его лицо немного прояснилось, он откинулся в своём кресле и взял книгу.

Прежде чем он успел её открыть, Бетти Джо вспомнила о своём плане. К этому времени она уже остыла, но, поколебавшись с минуту, всё же предприняла последнюю попытку. Правда, теперь ей хотелось спать, и азарт уже угас.

— Ты женат, Томми? — спросила она. Смысл этого вопроса был вполне прозрачен.

Если он и понял к чему она клонит, то не подал виду.

— Да, я женат, — ответил он, учтиво положив книгу на колени и подняв на неё взгляд.

Смутившись, Бетти Джо сказала:

— Я просто хотела узнать. — И затем добавила: — Как она выглядит, твоя жена?

— О, думаю, она похожа меня. Высокая и стройная.

Её смущение вдруг сменилось досадой. Она допила свой джин и сказала почти с вызовом:

— Когда-то и я была стройной.

Устав от всего этого, она встала и пошла к двери в спальню. Как ни крути, вся эта затея была сплошной глупостью. Может быть, он всё-таки голубой — наличие жены ещё ничего не доказывает. Как бы то ни было, он очень странный. Красивый, богатый мужчина, но странный, как зелёное молоко. Всё ещё

раздосадованная, она бросила: «Спокойной ночи», ушла в свою комнату и начала стягивать с себя дорогую одежду. Уже в ночной рубашке, Бетти Джо присела на кровать и немного посидела, думая о своём. Без всех этих узких шмоток ей стало намного удобнее, и, когда она наконец легла, в голове у неё было пусто, и она без труда провалилась в глубокий сон, наполненный приятными безмятежными сновидениями.

Они пролетали над горами, но маленький самолёт был таким устойчивым, а пилот — таким опытным, что не было никакой качки и почти никакого ощущения движения. Они летели над Гарланом — невзрачным городком в Кентукки, распластавшимся у подножия гор, а затем над огромными бесплодными пространствами и дальше, вглубь долины. Брайс, сидевший со стаканом виски в руке, уловил отдалённый отблеск озера, ровная гладь которого сияла, как начищенный пятак, а затем они спустились ниже, потеряв озеро из виду, и приземлились на широкой бетонной полосе, недавно проложенной по плоскому дну долины среди метельчатой травы и вспаханной красной глины, словно евклидова прямая, которую серым мелом начертало наугад какое-то божество с геометрическим мышлением.

Сойдя с трапа самолёта, Брайс угодил в ужасающий грот бульдозеров и толчею одетых в хаки людей, занятых строительством сооружений непонятного назначения; раскрасневшись на летнем солнце, они перекликались хриплыми голосами. Здесь были ангары для техники, какая-то бетонная платформа и ряд бараков. Брайс, только что покинувший тихий и прохладный салон самолёта — личного самолёта Томаса Джерома Ньютона, который тот прислал за ним в Луисвилл, — на мгновение расте-

рялся, опешил от жары, шума, от всей этой лихорадочной и неподдающей объяснению активности.

К нему подошёл молодой человек, похожий на мужественного героя из рекламы сигарет. На нём была строительная каска; закатанные рукава рубашки открывали переизбыток загорелых молодых мышц. Он выглядел в точности как персонаж одного из тех полузабытых рассказов для мальчиков, которые когда-то, на заре туманной честолюбивой юности, побудили его, Брайса, стать инженером — инженером-химиком, человеком науки и действия. Вспомнив о собственном выпирающем брюшке, седине в волосах и привкусе виски во рту, Брайс не улыбнулся, а лишь кивнул в знак приветствия.

Человек в каске протянул руку.

— Вы профессор Брайс?

Брайс ожидал, что рукопожатие будет преувеличенно крепким, но оно оказалось довольно мягким.

— Больше не профессор, — сказал он, — но я — Брайс.

— Прекрасно. Прекрасно. Я Хопкинс. Бригадир. — Его дружелюбие казалось почти собачьим, как будто он пытался заслужить одобрение. — Что вы думаете обо всём этом, доктор Брайс? — Он повёл рукой в направлении строящихся сооружений. Сразу за ними стояла высокая башня — по-видимому, что-то вроде телерадиовещательной антенны.

Брайс прочистил горло.

— Я не знаю. — Он хотел было спросить, что здесь строится, но решил, что его неосведомленность может поставить его в неловкое положение. Почему этот жирный фигляр, Фарнсуорт, не сказал ему, для чего его наняли? — Мистер Ньютон ждёт меня? — спросил он вслух, не глядя на Хопкинса.

— Конечно. Конечно. — Внезапно проявив деловитость, молодой человек провёл Брайса вокруг самолёта, за которым об-

наружилась кабинка монорельса, оседлавшая поблескивающий рельс, который змеясь уходил в холмы, окаймляющие долину, словно тонкая серебристая карандашная линия. Хопкинс открыл дверь кабинки, открыв взгляду приятный тёмный салон с обитым гладкой кожей сиденьем. — Эта штука доставит вас наверх, к дому, за пять минут.

— К дому? А до него далеко?

— Примерно четыре мили. Я позвоню туда, и Бриннар вас встретит. Бриннар — это секретарь мистера Ньютона. Наверное, он и будет проводить собеседование.

Брайс задержался на пороге кабины.

— Разве я не увижу мистера Ньютона? — Эта мысль его расстроила. Неужели, потратив два года, он так и не встретится с тем, кто создал «Краски мира», кто управляет крупнейшими нефтеперегонными заводами в Техасе, кто разработал 3D-теле-видение, многоразовую фотоплёнку, АТФ-процесс переноса красителей — с самым незаурядным в мире гением-изобретателем, а может, даже инопланетянином?

Хопкинс нахмурился.

— Вряд ли... Я здесь уже шесть месяцев, но я никогда его не видел — кроме как за стеклом вот этой самой кабины. Примерно раз в неделю он спускается сюда — наверное, чтобы посмотреть, как продвигается работа. Но он никогда не выходит, а внутри так темно, что не видно его лица. Только силуэт за стеклом.

Брайс сел в кабину.

— И он ни разу не выходил? Чтобы слетать... куда-нибудь? — Он кивнул в сторону самолёта, где бригада механиков, появившаяся словно из ниоткуда, начала проверку двигателей.

Хопкинс ухмыльнулся — глупо, как показалось Брайсу.

— Только ночью, когда его не увидишь. Хотя я знаю, что он высокий и худой. Мне так сказал пилот самолета — но это всё,

что он сказал. Он не слишком-то разговорчив.

— Понятно. — Брайс нажал кнопку на двери, и та стала бесшумно задвигаться. Пока она закрывалась, Хопкинс сказал: «Удачи!», и Брайс быстро ответил: «Спасибо!», но не был уверен, что закрывшаяся дверь не заглушила его голос.

В кабинке было очень прохладно и тихо — как в салоне самолета, она была звукоизолированной. И так же, как самолет, она пришла в движение с едва заметным ускорением, набирая скорость так плавно, что движение почти не ощущалось. Брайс увеличил прозрачность окон, покрутив маленький серебристый регулятор, который был явно для этого и предназначен, и стал смотреть на хрупкие с виду алюминиевые строения и на группы занятых делом людей — зрелище необычное и приятное в этот век автоматизированного производства и шестичасового рабочего дня. Люди на стройке работали бойко, с воодушевлением, обливаясь потом под жарким солнцем Кентукки. Брайсу подумалось, что им, наверное, хорошо платят за то, что они приехали в это захолустье, так далеко от полей для гольфа, муниципальных игорных залов и прочих радостей рабочего человека. Он увидел молодого парня — здесь многие были молоды, — сидящего в кабине гигантского бульдозера; ворочая огромные массы земли, он улыбался от удовольствия, которое доставляло ему это занятие. На мгновение Брайс позавидовал его работе и его молодой безрассудной уверенности, такой естественной под этим жарким солнцем.

Кабинка монорельса миновала строительную площадку и покатилась по холмам, сквозь густые заросли, двигаясь так быстро, что деревья казались расплывчатыми пятнами солнечного света и зелёных листьев, света и тени. Брайс откинулся назад, на необыкновенно удобные подушки, стараясь получить удовольствие от поездки. Но не сумел расслабиться: он был слишком

взбудоражен быстрой сменой событий и общей возбуждённой обстановкой этого нового незнакомого места. Как блаженно далеко он был теперь от Айовы, от своих студентов, от бородатых интеллектуалов, от людей вроде Канутти! Он смотрел в окно на всё ускоряющееся чередование света, тени, света, светло-зелёных и тёмных теней, и затем, внезапно, когда машина разогналась до предела, увидел впереди блеск озера, лежащего в котловине, словно лист дивного серо-голубого металла — гигантский, зеркально-гладкий диск. Сразу за ним, в тени горы, возвышался огромный старинный особняк с белоколонным портиком и большими окнами, закрытыми ставнями. Дом безмятежно стоял у края водной глади, прильнув к подножию горы. Затем дом и озеро, видимые вдалеке, исчезли за очередным холмом, когда монорельс нырнул вниз, и Брайс почувствовал, что кабина замедляет ход. Минуту спустя и дом, и озеро возникли снова. Кабина заскользила по широкой дуге, которая, незаметно снижаясь, спускалась к кромке воды, и Брайс увидел человека, ожидающего его возле дома. Машина мягко остановилась. Брайс перевёл дух, нажал на кнопку, увидел, как обшитая деревом дверь бесшумно отъехала в сторону, и вышел из кабины в прохладную тень горы, в запах сосен и нежный, почти неслышный плеск воды, набегающей на берег озера. Встречавший его человек оказался низеньким и смуглым, с усами и умным взглядом маленьких глаз. Он шагнул вперёд с церемонной улыбкой:

— Доктор Брайс? — произнёс он с французским акцентом.

Брайс внезапно развеселился.

— Месье Бриннар? — спросил он в ответ, протягивая руку. — *Enchanté*¹.

Человек пожал протянутую руку, слегка приподняв брови.

1 *Enchanté* (фр.) — Очень приятно

— Soyez le bienvenu, Monsieur le Docteur. Monsieur Newton vous attend. Alors...¹

У Брайса перехватило дыхание.

— Ньютон хочет видеть меня?

— Да. Я провожу вас.

В доме Брайс был встречен тремя кошками, которые уставились на него, оторвавшись от своих игр. Кажется, это были обычные уличные бродяжки, разве что хорошо откормленные. К появлению Брайса они отнеслись с презрением. Он не любил кошек. Француз молча провёл его через гостиную и вверх по лестнице, покрытой тяжёлым ковром. На стенах висели картины — странные, дорогие на вид полотна незнакомых Брайсу художников. Лестница была очень широкой и загибалась дугой. Брайс отметил, что она оснащена одним из этих моторизированных сидений, которые могли ездить вверх и вниз по перилам. Сейчас оно было сложено. Может быть, Ньютон — инвалид? Казалось, дом пуст, в нём нет никого, кроме самого Брайса, Бриннара и кошек. Брайс оглянулся: кошки всё ещё таращили на него свои круглые, нахальные, любопытные глаза.

В конце лестницы был холл, а в его конце — дверь, которая, очевидно, вела в комнату Ньютона. Дверь открылась, и оттуда вышла полная женщина с очень грустным лицом. На ней был передник. Она подошла к Брайсу, взглянула на него и сказала:

— Вы, наверное, профессор Брайс. — У неё был приятный хрипловатый голос с сочным деревенским выговором.

Брайс кивнул, и она проводила его до двери. Он вошёл один, чувствуя, к своему смущению, что дыхание у него сбилось, а ноги стали словно ватные.

В громадной комнате было холодно. От большого, поч-

¹ Soyez le bienvenu, Monsieur le Docteur. Monsieur Newton vous attend. Alors... (фр.) — Добро пожаловать, доктор. Месье Ньютон ждёт вас. Итак...

ти непрозрачного эркера, смотрящего на озеро, исходил слабый свет. Казалось, вся комната заставлена разноцветной мебелью озадачивающих оттенков: когда глаза Брайса привыкли к тусклому желтоватому свету, громоздкие силуэты диванов, письменного стола и журнальных столиков окрасились в голубые, серые и блёкло-оранжевые тона. С дальней стены на него смотрели две картины: гравюра с изображением огромной птицы — цапли или журавля — и выразительная абстракция в манере Клее¹. Может быть, это и был Клее. Эти две картины плохо сочетались друг с другом. В углу стояла большая птичья клетка, в которой дремал пурпурно-красный попугай. И, наконец, в комнате был человек — высокий, худой. Опираясь на трость, он медленно направился к Брайсу. Лица его нельзя было разглядеть.

— Профессор Брайс? — Голос оказался чистым, приятным, с лёгким акцентом.

— Да. А вы... мистер Ньютон?

— Совершенно верно. Почему бы нам не присесть и не поговорить немного?

Брайс сел, и они несколько минут побеседовали. Ньютон оказался простым и приятным в общении, может быть, с несколько чересчур обходительными манерами, но без тени навязчивости или рисовки. В нём было немало естественного достоинства, и он увлечённо и с пониманием рассказал о картине, которую упомянул Брайс, — всё-таки это был Клее. Говоря о ней, он на минуту встал, чтобы указать на какую-то деталь, и Брайс впервые как следует рассмотрел его лицо. Это было красивое лицо, с тонкими, почти женскими чертами и каким-то непонятным выражением. Тотчас же к Брайсу с новой силой вернулась абсурдная мысль, с которой он забавлялся уже больше года. Он смотрел на

1 Пауль Клее (1879–1940) — немецкий и швейцарский художник, график, теоретик искусства, одна из крупнейших фигур европейского авангарда.

странныго высокого человека, в тусклом свете указывающего изящным пальцем на мрачную, сотканную из нервных изломанных линий картину, и на миг эта мысль показалась ему не такой уж абсурдной. И всё же она была таковой — и когда Ньютон, улыбаясь, повернулся к нему и сказал: «Не выпить ли нам чего-нибудь, профессор Брайс?», иллюзия рассеялась без следа, и логика вновь взяла верх. Бывают на свете люди и более странной наружности, бывали на земле и прежде гениальные изобретатели.

— С удовольствием, — отозвался Брайс и добавил: — Я понимаю, что вы очень занятой человек.

— Вовсе нет. — Ньютон слегка улыбнулся и подошёл к двери. — По крайней мере, не сегодня. Что вы предпочитаете?

— Скотч. — Брайс чуть было не добавил: «Если у вас есть», но поправился. Уж у Ньютона-то наверняка есть скотч. — Скотч с водой.

Вместо того чтобы нажать на кнопку или ударить в гонг — в этом доме ударить в гонг было бы вполне к месту — Ньютон просто открыл дверь и крикнул:

— Бетти Джо! — и, когда она отозвалась, попросил: — Принеси профессору Брайсу скотч с водой и льдом. А мне мой джин с тоником. — Он закрыл дверь и вернулся в своё кресло. — Я лишь недавно приобщился к джину, — сказал он.

При мысли о джине с тоником Брайс внутренне передёрнулся.

— Итак, профессор Брайс, что вы думаете о нашей стройке? Я полагаю, вы заметили всё это... оживление, когда вышли из самолёта?

Брайс откинулся в кресле, почувствовав себя более не-принуждённо. Ньютон был очень любезен; казалось, он искренне заинтересован в том, что скажет собеседник.

— Да, конечно. Всё это выглядит весьма любопытно. Но,

по правде говоря, я не знаю, что вы здесь строите.

Ньютон пристально посмотрел на него, а затем рассмеялся.

— Разве Оливер не рассказал вам об этом в Нью-Йорке?
Брайс покачал головой.

— Оливер умеет хранить тайны. Правда, я никогда не просил его быть настолько скрытным.— Ньютон улыбнулся, и Брайс впервые почувствовал, что эта улыбка вызывает в нём смутное беспокойство, хотя точно не мог сказать, что его тревожит. — Возможно, именно поэтому вы добивались встречи со мной?

Очевидно, он сказал это не всерьёз.

— Может быть, — подыграл ему Брайс. — Но у меня были и другие причины.

— Да. — Ньютон собирался что-то сказать, но умолк, когда открылась дверь и вошла Бетти Джо, неся на подносе бутылки и графины. На этот раз Брайс присмотрелся к ней повнимательнее. Это была довольно миловидная женщина средних лет, вроде тех, кого можно встретить на дневном концерте или в бридж-клубе. Тем не менее, лицо её не было ни пустым, ни глупым. В нём была теплота, а лёгкие морщинки вокруг глаз и в уголках полных губ указывали на добрый и весёлый нрав. Но в качестве единственной прислуги миллионера она была несколько не к месту. Она ничего не сказала, а просто поставила напитки и ушла. Когда она проходила мимо Брайса, он опешил, ощутив смешанный запах алкоголя и духов, который ни с чем нельзя спутать.

Бутылка скотча оказалась открытой, и Брайс, слегка недоумевая, сам смешал себе напиток. Стало быть, вот как учёные-миллионеры ведут дела? Просят подать виски, и полуписьная служанка приносит целую бутылку? Что ж, возможно, это самый лучший способ. Они оба молча наполнили стаканы, и, пригубив

свой, Ньютон неожиданно произнёс:

— Это космический корабль.

Брайс моргнул, не понимая, о чём он говорит.

— Простите?

— То, что мы здесь строим, будет космическим кораблём.

— Вот как? — Это было неожиданно, но не слишком.

Беспилотные космические аппараты различных типов вовсе не были редкостью... Даже кубинский блок запустил собственный зонд несколько месяцев назад. — Значит, вы хотите, чтобы я поработал над металлами корпуса?

— Нет. — Ньютон медленно потягивал свой напиток и глядел в окно, словно думая о чём-то своём. — Корпус уже основательно проработан. Я хотел бы, чтобы вы занялись топливной системой, — нашли материалы, устойчивые к некоторым агрессивным веществам, таким как топливо, отходы и тому подобное.

— Ньюトン повернулся к Брайсу и снова улыбнулся, и Брайс понял, почему эта улыбка вызывает у него смутную тревогу: в ней была тень какой-то необъяснимой усталости. — Боюсь, я очень мало знаю о материалах — их устойчивости к температурам, кислотам и механическим напряжениям. Оливер считает, что вы один из лучших специалистов в этой области.

— Может быть, Фарнсворт и переоценивает меня, но я неплохо в этом разбираюсь.

На этом тема будто бы исчерпала себя, и они немного помолчали. С той секунды, как Ньютон упомянул космический корабль, старое подозрение, конечно, вернулось к Брайсу. Но вместе с ним напрашивалось очевидное опровержение: если бы Ньютон, по некоему безумному допущению, прилетел с другой планеты, он и его люди не стали бы строить космический корабль. Уж что-то, а корабль бы у них уже был. Брайс усмехнулся, заметив, что рассуждает на уровне третьесортного научно-фантастического

романа. Если Ньютон и в самом деле был марсианином или венерианцем, то по законам жанра он должен был сейчас заниматься ввозом тепловых излучателей, чтобы поджарить Нью-Йорк, или разрабатывать план по уничтожению Чикаго, или умыкать юных дев в подземные пещеры для совершения мистических жертвоприношений. Но Бетти Джо? От виски и усталости воображение Брайса разыгралось, и он чуть не рассмеялся вслух, представив себе Бетти Джо на киноафише, а рядом с ней Ньютона в пластиковом шлеме, угрожающего ей лучевым пистолетом — большим серебристым пистолетом с тяжёлыми конвекторными рёбрами и вылетающими из ствола маленькими блестящими зигзагами. Ньюトン по-прежнему рассеянно смотрел в окно. Он уже выпил первый стакан джина и налил себе ещё один. Пьяный марсианин? Инопланетянин, который пьёт джин с тоником?

Вдруг Ньютон обернулся и заговорил — так же неожиданно, как раньше, хотя и безо всякой резкости. Он спросил:

— Зачем вы хотели видеть меня, мистер Брайс? — В его тоне не было настойчивости, только любопытство.

Вопрос застал Брайса врасплох, и, чтобы как-то замаскировать паузу, он налил себе ещё виски. Затем ответил:

— Меня очень впечатлила ваша работа. Фотоплёнка... красители, рентгеновские лучи... и ваши инновации в электронике. Думаю, это самые... самые неординарные идеи, что встречались мне за долгие годы.

— Спасибо. — Ньютон как будто слегка оживился. — Мне казалось, очень немногие знают о том, что я... к этому причастен.

В его усталом бесстрастном голосе было что-то, от чего Брайсу сделалось немного стыдно за себя, за своё любопытство, заставившее его прочесать всю корпорацию вплоть до самого Фарнсуорта, а затем вынудить Фарнсуорта устроить эту встречу. Он чувствовал себя словно ребёнок, который пытался добиться

внимания своего терпеливого отца, но не сумел, а только потревожил и утомил его. В эту минуту он подумал, что, наверное, покраснел, и мысленно возблагодарил царивший в комнате полумрак.

— Я... всегда восхищался выдающимся умом. — Брайс смутился и беззвучно обругал себя, понимая, что выглядит как школьник. Но когда он услышал вежливый и скромный ответ Ньютона, его смущение куда-то испарилось — он вдруг понял, что его собеседник, наверное, просто пьян. Он слышал его отстранённую, безучастную, слегка нечёткую речь, видел растерянный, расфокусированный взгляд его широко открытых глаз и чувствовал, что Ньютон, почти неуловимо, был или очень пьян — спокойным, тихим опьянением, — или очень болен. И внезапно он ощутил прилив острого чувства близости к этому худому одинокому человеку. Уж не был ли и сам он пьян? И не был ли Ньютон, так же, как он сам, мастером тихого утреннего пьянства, так и не нашедшим ни одной причины, почему бы разумному человеку в этом сумасшедшем мире не напиться с утра пораньше? Или это была та самая пресловутая ненормальность гения, безумная и неприкаянная рассеянность, ментальный озон — рождение сияющего разума?

— Оливер договорился с вами об окладе? Вы довольны им?

— Об этом позаботились как нельзя лучше. — Брайс встал, распознав, что этим вопросом Ньютон завершает беседу. — Я вполне доволен своим окладом. — И, пока ему не предложили удалиться, спросил: — Мистер Ньютон, могу ли я задать вам один вопрос, прежде чем уйду?

Ньютон будто бы не слышал его: он всё так же смотрел в окно, бережно держа пустой стакан в своих изящных пальцах. Лицо его, гладкое, без морщин, отчего-то казалось очень старым.

— Конечно, профессор Брайс, — сказал он тихим голосом, почти шёпотом.

Брайсу вновь стало неловко. Этот человек был так невероятно благороден... Брайс откашлялся и заметил, что на другом конце комнаты проснулся попугай и с любопытством уставился на него, как до этого кошки. У него закружилась голова, и теперь-то уж он точно покраснел. Он проговорил, запинаясь:

— На самом деле, это не важно. Я... я спрошу вас как-нибудь в другой раз.

Ньютон смотрел на него так, будто не слышал, и всё ещё ждал, что он скажет. Затем произнёс:

— Конечно. Как-нибудь в другой раз.

Брайс извинился, вышел из комнаты и побрёл через холл, щурясь от яркого света. Когда он спустился вниз, кошеч там уже не было.

10

Следующие полгода Брайс был занят так, как никогда ещё в своей жизни. С той минуты, как Бриннар проводил его к выходу из большого дома и направил в исследовательские лаборатории по другую сторону озера, он с совершенно чуждой ему готовностью и рвением погрузился в выполнение разнообразных задач, которые ставил перед ним Ньютон. Нужно было подобрать и усовершенствовать сплавы, провести бесчтное число опытов, найти образцы пластмасс, металлов, смол и керамики, которые бы безупречно отвечали заданным значениям устойчивости к высоким температурам и кислотам. Это было именно то, чему Брайса учили, и он очень быстро втянулся в работу. В его распоряжении было четырнадцать подчинённых, огромный алюминиевый ангар с лабораториями, почти неограниченный бюджет, личный домик на четыре комнаты и карт-бланш — которым он ни разу не воспользовался — на полёты в Луисвилл, Чикаго и Нью-Йорк. Конечно же, не обходилось и без треволнений и путаницы — особенно это касалось своевременной доставки нужного оборудования и материалов, или вспыхивающих время от времени мелких склок между его подчинёнными. Но даже из-за этих неурядиц работа никогда не останавливалась полностью — настолько она была многогранна. Брайс был если не счастлив, то, во всяком

случае, слишком занят, чтобы быть несчастным. Новое дело увлекло и поглотило его так, как никогда не увлекало преподавание, — а он прекрасно знал, как много в его жизни значит работа. Он был уверен, что окончательно порвал с университетом, так же как много лет назад — с государственной службой, и что ему совершенно необходимо верить в то, чем он занимается теперь. Он был слишком стар, чтобы снова потерпеть поражение, снова погрузиться в безысходность; он бы уже никогда не смог прийти в себя. Цепь событий, начавшаяся с ленты пистонов и основанная на бредовом научно-фантастическом предположении, привела к тому, что по счастливой случайности он получил работу, о которой многие могли только мечтать. Он часто засиживался до ночи, погрузившись в расчёты, и он больше не пил по утрам. Нужно было соблюдать сроки, разные конструкции должны были быть готовы к производству к определённым датам, но Брайса это не тревожило. Он значительно опережал график. То, что исследование было прикладным, а не подлинно фундаментальным, порой беспокоило Брайса, но он был уже не так молод и наивен, чтобы всерьёз волноваться о научных заслугах и вопросах профессиональной этики. Перед ним стоял, наверное, лишь один этический вопрос: не работает ли он над новым оружием, новым способом убийства людей и уничтожения городов? И ответ на него был отрицательным. Они строили транспортное средство для перевозки приборов в пределах Солнечной системы, что само по себе было делом если не стоящим, то, во всяком случае, безвредным.

Одной из рутинных обязанностей Брайса было сверять ход разработок с перечнем технических требований, составленных Ньютоном, который передал ему Бриннар. Эти бумаги — про себя он называл их «инвентарным списком бригадира сантехников» — в основном содержали подробные описания сотен мелких деталей системы охлаждения и системы контроля подачи

топлива — описаний, в которых были указаны точные значения теплопроводности, электрического сопротивления, химической стабильности, массы, температуры воспламенения и других характеристик. Задача Брайса состояла в том, чтобы выискивать материалы, наиболее полно отвечающие этим условиям, а если таковые не находились, то искать те, что заняли бы второе место по пригодности. Во многих случаях это было довольно легко — настолько, что Брайс не мог не удивляться наивности Ньютона в том, что касается материалов; но случалось, что ни одна из известных субстанций не соответствовала требованиям. Тогда он вынужден был обсуждать вопрос с инженерами проекта и находить наиболее искусный компромисс. Затем это компромиссное решение передавалось Бриннару, после чего Ньютон выносил свой вердикт. Инженеры говорили Брайсу, что подобных затруднений за те полгода, что проект шёл полным ходом, было хоть отбавляй. Ньютон был одарённым конструктором, его замысел в целом был самым хитроумным из всего, с чем им приходилось работать, и включал в себя тысячи потрясающих инноваций. Но в него уже вкрались сотни компромиссов, и само по себе строительство корабля было отложено на следующий год. Завершение проекта было запланировано через шесть лет — в 1990 году, — и каждый, казалось, в душе сомневался, что это возможно. Однако эти домыслы не слишком волновали Брайса. Несмотря на неоднозначность его единственной беседы с Ньютоном, он был совершенно уверен в научных дарованиях этой необыкновенной личности.

А через три месяца после приезда в Кентукки Брайс сделал одно открытие. Был прохладный вечер, время шло к полуночи, и он сидел один в своём личном кабинете в торце лабораторного корпуса, устало пробегая глазами бумаги с набором технических требований. Брайс не спешил идти домой, благо

вечер был приятным, и он наслаждался тишиной лаборатории. Он лениво разглядывал один из чертежей Ньютона — схематический набросок системы охлаждения, предназначеннной для отведения циркулирующего тепла, — и отслеживал взаимосвязь между его частями, когда какая-то не поддающаяся определению странность в измерениях и расчётах постепенно начала действовать ему на нервы. Несколько минут он грыз кончик карандаша, глядя то на аккуратно вычерченные схемы, то в окно, выходившее на озеро. В расчётах не было никакой ошибки, но что-то в них его смущало. Он замечал это и раньше, краешком сознания, но никогда не мог понять, в чём именно несообразность. За окном резко очерченный полумесяц висел над чёрным озером, а в отдалении стрекотали невидимые насекомые. Всё казалось загадочным словно лунный пейзаж. Брайс снова посмотрел на лист бумаги, лежащий перед ним на столе. Ряд чисел в середине листа представлял собой последовательность значений теплостойкости — нерегулярную возрастающую последовательность. Это были предварительные условия Ньютона для какой-то разновидности труб. В этой последовательности что-то прослеживалось: она напоминала логарифмическую прогрессию, однако ею не являлась. Но тогда что же это такое? Почему Ньютон взял именно этот набор значений, а не другой? Он должен был быть произвольным. Сами цифры всё равно не играли никакой роли — это были всего лишь предварительные условия. Это Брайсу предстояло найти фактические значения для вещества, которое будет лучше всего соответствовать требованиям. Он смотрел на числа на бумаге в каком-то лёгком трансе, пока цифры не начали сливатся и плясать перед глазами и не утратили для него весь свой смысл, кроме очертаний. Он моргнул и усилием воли отвёл взгляд от бумаг, снова посмотрев в окно, на ночь над Кентукки. Луна переместилась и скрылась за холмами по ту сторону озера. Над чёр-

ной водой горел слабый огонёк в окне второго этажа особняка — наверное, в кабинете Ньютона; а выше него звёзды — мириады тускло мерцающих точек — усеяли чёрное небо, словно крупинки светящегося порошка. Вдруг без видимой причины за окном заквакала лягушка, напугав Брайса. Она квакала ещё несколько минут, оставшись без ответа и без поддержки хора, с призывной дрожью, влажно шлётая где-то в ночи. Брайс представил себе её сплюснутое, как у рептилии, тело — лапы под подбородком — в прохладной, мокрой от росы траве. Низкий звук некоторое время размеренно вибрировал над озером, а затем внезапно стих, на мгновение оставив Брайса в ожидании заключительного такта, который так и не прозвучал. Но тут снова вступил хор насекомых, и Брайс устало вернулся к своим бумагам, и именно тогда, в краткий миг внутреннего озарения, едва окинув взглядом знакомые цифры, он ясно увидел, что же его так смущало. Это была логарифмическая прогрессия, просто должна была быть. Но это не был знакомый логарифм. Его основание равнялось не десяти, не двум, не числу пи — но чему-то неслыханному. Брайс взял со стола логарифмическую линейку и начал расчёт методом проб и ошибок. От усталости не осталось и следа...

Через час он встал, потянулся и, выйдя из кабинета, пошёл по влажной траве к озеру. Луна показалась снова. Некоторое время он смотрел на её отражение в воде, а затем взглянул на окно Ньютона и тихо произнёс вслух вопрос, который созрел в его голове двадцать минут тому назад:

— Кем же надо быть, чтобы оперировать логарифмами по основанию двенадцать?

Но огонёк в окне Ньютона, гораздо более тусклый, чем луна, светил безучастно, а вода у ног Брайса нежно омывала берег в едва различимом, бессмысленном ритме, приглушённом, убаюкивающем и старом, как мир.

1988:

Румпельштильцхен

Осенью горы вокруг озера окрасились в красный, жёлтый, рыжий и коричневый. Вода под холодным небом стала совсем синей, и деревья, покрывавшие горы, отражались в ней цветными пятнами. Когда дул ветер, гоня перед собой рябь, по воде пробегали жёлтые и красные искры и падали листья.

Брайс, часто уходивший с головой в свои мысли, временами выглядывал из дверей лаборатории и смотрел поверх воды на горы и на дом, в котором жил Т. Дж. Ньютон. Дом находился более чем в миle от выстроенных полумесяцем алюминиевых и фанерных строений, к которым относилась и лаборатория. В солнечные дни по другую сторону этой дуги сиял полированный корпус Штуковины — Проекта, Транспорта — как его ни назови. Порой вид серебристого монолита заставлял Брайса испытывать нечто похожее на гордость, временами он казался просто нелепым, словно иллюстрация к детской книжке про космос, а иногда он пугал его. Встав в дверном проёме и глядя на дальний необитаемый берег, Брайс мог наблюдать своеобразный контраст между сооружениями на разных концах панорамы, на который он и раньше часто обращал внимание. По правую руку — старый викторианский особняк с эркерами, белой облицовкой и тремя портиками с огромными бессмысленными колоннами — вопло-

щённая спесь; дом, построенный в дурном тяжеловесном вкусе каким-то безвестным, давно почившим табачным, угольным или лесным магнатом более ста лет тому назад. А по левую руку — самое строгое и футуристическое из всех сооружений — космический корабль. Космический корабль, стоящий посреди кентуккийского пастбища в окружении осенних гор и принадлежащий человеку, который предпочитает жить в особняке с пьяной экономкой, секретарём-французом, попугаями, картинами и кошками. Между кораблём и домом была вода, были горы, был сам Брайс, и было небо.

В одно ноябрьское утро, когда один из ассистентов своей юношеской серьёзностью довёл его до очередного приступа безысходного разочарования в научной работе и во всех этих «молодых учёных», Брайс подошёл к дверному проёму и несколько минут разглядывал знакомый пейзаж. Неожиданно он решил прогуляться. Ему ещё никогда не приходило в голову обойти вокруг озера. Так почему бы не сейчас?

Снаружи было прохладно, и Брайс подумал было, что нужно вернуться в лабораторию за курткой. Но солнце мягко пригревало, как это бывает ноябрьским утром, и у самой воды, куда не падала тень, было достаточно тепло. Он пошёл в направлении особняка, прочь от строительной площадки и корабля. На нём была полинялая клетчатая шерстяная рубашка — десятилетней давности подарок его покойной жены. Пройдя с милю, он согрелся настолько, что ткань стала покалывать руки, и ему пришлось закатать рукава до локтей. Его предплечья, тонкие, белые и покрытые волосками, казались на солнце ужасно бледными — словно руки очень старого человека. Под ногами была галька и порой невысокая трава. По пути он увидел несколько белок и кролика. Один раз на озере прыгнула рыба. Брайс миновал пару строений и что-то вроде мастерской металлообработки.

Какие-то люди махали ему. Один из них окликнул Брайса по имени, но Брайс не узнал его. Улыбнувшись и помахав в ответ, он замедлил шаг и позволил своим мыслям блуждать без цели. Одн раз он остановился и попытался запускать плоские камешки по воде, и ему удалось заставить один из них совершить единственный прыжок. Все остальные входили в воду под неправильным углом и сразу тонули. Почувствовав себя глупо, Брайс покачал головой. Высоко в небе беззвучно пролетела стайка птиц. Брайс пошёл дальше.

Незадолго до полудня он прошёл мимо дома Ньютона. Дом казался запертым и безмолвным. Между ним и кромкой воды было несколько сотен футов. Брайс посмотрел на верхний эркер, но не смог разглядеть ничего, кроме отражающегося в стекле неба. Когда солнце поднялось настолько высоко, насколько было возможно в это время года, Брайс уже добрался до дальнего края озера и шёл вдоль необитаемого берега. Щетинистая трава и сорняки стали рasti гуще. Здесь были кусты, и золотарник, и несколько гнилых брёвен. В какой-то миг он подумал о змеях, которых не любил, но отогнал эту мысль. Потом он увидел ящерицу, неподвижно сидящую на камне, — глаза у неё были словно стеклянные. Брайс почувствовал голод и стал лениво размышлять, что будет с этим делать. Устав, он присел на бревно, лежащее у воды, расстегнул рубашку, отёр шею носовым платком и стал смотреть на воду. На мгновение он почувствовал себя словно Генри Торо¹ и усмехнулся собственным мыслям. «Большинство людей ведёт безнадёжное существование²». Брайс оглянулся

1 Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель. Больше двух лет Торо провёл в построенной им самим хижине на берегу Уолденского пруда, самостоятельно обеспечивая себя всем необходимым для жизни. Этот эксперимент по удалению от общества он описал в книге «Уолден, или Жизнь в лесу».

2 Цитата из Генри Торо.

на дом, полускрытый за деревьями, и увидел в отдалении человека, который шёл в его сторону. Щурясь от яркого света, Брайс несколько секунд разглядывал его и постепенно узнал в идущем Ньютона. Брайс упёр локти в колени и стал взволнованно ждать, когда он подойдёт.

Ньютон нёс на сгибе локтя маленькую корзинку. На нём была белая рубашка с короткими рукавами и широкие светло-серые брюки. Он шёл медленно, держась прямо, при этом двигаясь с лёгкой грацией. Было что-то необъяснимо странное в его походке. Это напомнило Брайсу о том, как он впервые повстречал гомосексуалиста — давно, когда он ещё был слишком юн, чтобы знать, кто это такие. Ньютон шёл не так, как тот человек, но он шёл как никто другой — легко и в то же время тяжело.

Когда Ньютон подошёл достаточно близко, чтобы быть услышанным, он произнёс:

— Я принёс немного сыра и вина.

На нём были тёмные очки.

— Отлично. — Брайс поднялся. — Вы видели, как я проходил мимо дома?

— Да. — Ньютон сел на другой конец бревна — длинного, полукруглого в сечении, и поставил корзинку у ног. Достав из неё бутылку вина и штопор, он протянул их Брайсу. — Откроете?

— Попытаюсь. — Брайс взял бутылку, заметив при этом, что руки у Ньютона такие же худые и бледные, как у него, — только без волос. Пальцы у него были длинные и тонкие, с самыми маленькими суставами, какие Брайс только видел. Когда Ньютон передавал вино, его руки слегка дрожали.

Это оказалось божоле. Брайс зажал холодную и влажную бутылку между колен и начал орудовать штопором, что получалось у него довольно ловко — лучше, чем пускать «блинчики» по воде. Он выдернул пробку с приятным лаконичным хлопком, с

первой же попытки. Ньютон подошёл к Брайсу с двумя стаканами — это были не винные бокалы, а высокие стаканы — и держал их, пока тот наливал вино.

— Не жалейте, — сказал Ньютон и улыбнулся ему, и Брайс наполнил стаканы почти до краёв. У Ньютона был приятный голос, а лёгкий акцент казался вполне естественным.

Вино было превосходное: прохладное и ароматное. Оно освежило пересохшую горталь и мгновенно согрело желудок, даря привкус старого доброго двойного удовольствия от алкоголя — удовольствия физического и духовного — того самого, что поддерживало очень многих людей, поддерживало самого Брайса долгие годы. Сыр оказался твёрдым чеддером, старым и слоистым. Несколько минут они ели и пили молча. На них падала тень, и Брайс снова опустил рукава рубашки. Теперь, когда он сидел неподвижно, ему снова стало прохладно. Интересно, почему Ньютон как будто совсем не мёрзнет в своей лёгкой одежде? Он скорее походил на человека, который будет сидеть у огня, закутавшись в плед, — вроде персонажей Джорджа Арлисса¹ из старых фильмов — худых, бледных и зябких. Но кто мог сказать, что он за персонаж? Может быть, он какой-нибудь иностраный граф из английской комедии или стареющий Гамлет. Или сумасшедший учёный, тайно замышляющий уничтожить этот мир. Или эдакий ненавязчивый Кортес, тихонько строящий себе крепость при помощи местной рабочей силы... Мысль о Кортесе напомнила Брайсу его старую гипотезу об инопланетном происхождении Ньютона, которую он никогда не списывал со счетов. В эту минуту всё казалось возможным. То, что он, Натан Брайс, возможно, пьёт вино и ест сыр в компании человека с Марса, неказалось такой уж бредовой идеей. Почему нет? Когда Кортес за-

¹ Джордж Арлисс (1868–1951) — британский актёр, сценарист и режиссёр, добившийся наибольшего успеха в США. Он стал первым британским актёром, получившим премию «Оскар».

хватил Мексику, у него под командой было не более четырёхсот человек. Смог бы человек с Марса справиться с этим в одиночку? Сейчас, когда солнце светило в лицо, а вино согревало желудок, это не казалось Брайсу невозможным. Ньютон сидел рядом с прямой спиной, с благородным изяществом откусывая кусочки сыра и потягивая вино. В его профиле было что-то от Икабода Крейна¹. Если Ньютон прилетел с Марса, разве мог Брайс быть уверен, что он прилетел один? Почему это не пришло ему в голову раньше? Почему не четыреста марсиан, почему не четыре тысячи? Брайс снова посмотрел на него, и Ньютон, поймав его взгляд, осторожно улыбнулся. Марсианин? С тем же успехом он мог оказаться литовцем или массачусетцем.

Чувствуя себя немного захмелевшим, — сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз напивался днём? — Брайс испытующе посмотрел на Ньютона и спросил:

— Вы литовец?

— Нет. — Ньютон смотрел на озеро и не обернулся на голос Брайса. Затем внезапно произнёс: — Это озеро целиком принадлежит мне. Я купил его.

— Здорово. — Брайс допил вино из своего стакана. Бутылка была пуста.

— Огромное количество воды, — сказал Ньютон. И, повернувшись к Брайсу, спросил: — Как вы думаете, сколько?

— Сколько воды?

— Да. — Ньютон с отсутствующим видом отломил кусочек сыра и надкусил его.

— О Господи, я не знаю. Пять миллионов галлонов? Десять? — Брайс рассмеялся. — Я с трудом могу прикинуть объём серной кислоты в мензурке. — Он посмотрел на озеро. — Двадцать миллионов галлонов? Чёрт, я не обязан это знать. Я узкий

1 Икабод Крейн — герой рассказа американского писателя Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине» (1820).

специалист. — И, вспомнив о репутации Ньютона, он добавил:
— Но вы нет. Вы разбираетесь во всех науках, какие только есть.
Может быть, и в некоторых из тех, которых нет.

— Чушь. Я всего лишь... изобретатель. В лучшем случае.
— Ньютон доел свой сыр. — Думаю, я ещё более узкий специалист, чем вы.

— В чём именно?

Ньютон немного помолчал. Затем сказал:

— Это было бы трудно объяснить. — Он снова улыбнулся, на этот раз загадочно. — Вы любите неразбавленный джин?

— Не особенно. Может быть.

— У меня с собой бутылка. — Ньютон потянулся к корзинке у своих ног и достал оттуда бутылку. Брайс внезапно рассмеялся. Он не мог удержаться: Икабод Крейн с поллитровкой джина в корзинке для ланча! Ньютон щедро налил полный стакан Брайсу, а потом себе. Внезапно он произнёс, всё ещё держа в руке бутылку: — Я слишком много пью.

— Все слишком много пьют. — Брайс попробовал джин. Он не любил его — ему всегда казалось, что джин отдает какой-то парфюмерией. Но всё-таки выпил. Часто ли человеку выпадает шанс напиться со своим боссом? И часто ли случается, что твой босс — Икабод Крейн, Гамлет и Кортес в одном лице — только что сошёл с марсианского судна и к концу года собирается захватить мир при помощи космического корабля? У Брайса затекла спина, и он позволил себе сползти на траву и прислониться к бревну, вытянув ноги к воде. Тридцать миллионов галлонов? Он выпил ещё стакан джина, а затем выудил из кармана смятую пачку сигарет и предложил Ньютону закурить. Ньютон по-прежнему сидел на бревне и с нового ракурса казался Брайсу выше, ещё дальше, чем когда-либо.

— Я пробовал курить около года назад, — сказал Ньютон.

— Мне стало очень плохо.

— Да? — Брайс вытащил сигарету из пачки. — Может быть, мне тогда лучше не курить?

— Пожалуй. — Ньютон взглянул на него. — Как вы думаете, будет война?

Брайс, раздумывая, подержал сигарету в руке, затем застырнул её в озере. Она поплыла.

— А разве сейчас не идут войны? Три... или четыре?

— Три. Но я имею в виду войну с серьёзным оружием. Водородное оружие есть у девяти стран, как минимум двенадцать обладают бактериологическим. Думаете, его пустят в ход?

Брайс сделал большой глоток джина.

— Возможно. Наверняка. Не знаю, почему этого до сих пор не произошло. Я не знаю, почему мы до сих пор не перепились до смерти. Или не залюбили друг друга до смерти. — Корабль стоял напротив них на другой стороне озера, но его не было видно из-за деревьев. Брайс махнул рукой со стаканом в его сторону и спросил: — Это будет оружие? И если да, то для кого оно?

— Нет, это не оружие. Правда нет. — Ньютон, похоже, был пьян. — Я не скажу вам, что это такое. Как скоро?

— Как скоро — что? — Брайс тоже чувствовал себя навеселе. Это был прекрасный день, чтобы напиться. Давно уже с ним такого не случалось.

— Начнётся большая война. Которая разрушит всё.

— Почему бы и не разрушить всё? — Брайс залпом осушил свой стакан и потянулся к корзинке за бутылкой. — Может быть, это самое всё как раз и следует разрушить. — Доставая бутылку, он взглянул на Ньютона, но не смог разглядеть его лица, поскольку солнце стояло прямо за ним. — Вы случайно не с Марса?

— Нет. Через десять лет? Меня учили, что у нас будет по меньшей мере десять лет.

— Где учат таким вещам? — Брайс налил себе полный стакан. — Я бы сказал — пять лет.

— Этого не хватит.

— Не хватит для чего? — Джин уже не был так плох на вкус, даже несмотря на то, что согрелся в стакане.

— Этого не хватит. — Ньютон грустно посмотрел на него.

— Но, возможно, вы ошибаетесь.

— Ладно, три года. Вы с Венеры? С Юпитера? Из Филадельфии?

— Нет. — Он пожал плечами. — Меня зовут Румпельштильцхен¹.

— Какой ещё Румпельштильцхен?

Ньютон наклонился, чтобы взять у Брайса бутылку, и напил себе ещё джина.

1 Румпельштильцхен — злой карлик из сказки братьев Гримм, способный создавать золото из соломы, спрядя её. Краткий сюжет сказки таков:

У одного мельника была дочь, и как-то он похвастался королю, что она умеет прядь из соломы золото. Тот под страхом наказания поручил девушке такую работу. На самом деле она не умела превращать солому в золото, но неожиданно появился карлик и предложил помочь. Девушка за помощь отдала карлику все свои украшения, но король требовал ещё больше золотой пряжи, и девушке пришлось пообещать карлику своего будущего первенца. Потом король взял её в жены, и после рождения ребёнка явился карлик и потребовал свою награду. Королева упрашивала оставить ей дитя, и карлик поставил условие, что если королева угадает его имя, он оставит ей ребёнка. Королева отправила гонцов узнавать редкие имена, и один из гонцов случайно подслушал, как сам карлик напевает песенку:

Нынче пеку, завтра пиво варю,
У королевы дитя отберу;
Ах, хорошо, что никто не знает,
Что Румпельштильцхен меня называют!

Королева назвала имя, и карлик от злости так топнул ногой, что провалился в землю по пояс. Пытаясь выбраться, он разорвал себя пополам.

— Как вы думаете, может быть, она вообще не начнётся?

— Может быть. Что может её предотвратить, Румпельштильцхен? Высшие человеческие инстинкты? Эльфы обитают в пещерах... Значит, вы живёте в пещере, когда не летаете на соседние планеты?

— В пещерах живут тролли. А эльфы живут повсюду. Эльфы обладают силой приспосабливаться к чрезвычайно тяжёлым внешним условиям. Таким, как эти. — Ньютон махнул дрожащей рукой в направлении озера, расплескав джин себе на рубашку. — Я эльф, доктор Брайс, и я всегда и везде один. Совсем один. — Он уставился на воду.

Большая стая уток опустилась на озеро примерно в полумиле от них — наверное, усталые путешественницы на пути к далекому югу. Они качались на поверхности воды как воздушные шарики, дрейфуя, словно были неспособны двигаться сами.

— Если вы прилетели с Марса, конечно вы будете одиночки, — сказал Брайс, глядя на уток. Если бы он прилетел с Марса, он был бы словно одинокая утка на озере — усталая перелётная птица.

— Это не обязательно.

— Что не обязательно?

— Быть с Марса. Думаю, вы достаточно часто чувствовали себя одиноким, доктор Брайс. Чувствовали себя чужаком. Вы случайно не с Марса?

— Вроде бы нет.

— Из Филадельфии?

Брайс рассмеялся:

— Портсмут, Огайо. Это дальше отсюда, чем Марс.

Без какой-либо видимой причины утки на озере испуганно закрякали. Внезапно они снялись с озера, поначалу беспорядочно, но затем выстраиваясь в нечто слабо напоминающее клин.

Брайс смотрел, как они исчезают за горами, всё ещё набирая высоту. Словно в тумане он думал о перелётных птицах, о мигрирующих насекомых и маленьких пушистых зверьках, спешащих по старым-престарым тропинкам к своим древним домам и новым смертям. И вдруг стая уток напомнила ему ракетную эскадрилью, которую он видел на обложке журнала несколько лет назад. Тут Брайс опять подумал о том, что помогает своему странному собеседнику строить этот гладкий, так похожий на ракету корабль, предназначенный то ли для освоения космоса, то ли для экспериментов, то ли для фотосъёмки, то ли для чего-то ещё, — но почему-то сейчас, пьяный и беспечный под полуденным солнцем, он не верил в это, не верил ни на гроши.

Ньютон встал, покачиваясь, и сказал:

— Мы можем пойти к дому. Если хотите, я прикажу Бриннaru отвезти вас домой.

— Да, пожалуй. — Брайс поднялся, отряхнув листья с одежды, и допил свой джин. — Я слишком пьян и слишком стар, чтобы идти пешком.

Они шли молча, немного пошатываясь. Но когда они подошли к дому, Ньютон сказал:

— Я надеюсь, мир продлится ещё десять лет.

— Зачем десять? — спросил Брайс. — Если мир продлится так долго, оружие станет ещё мощнее. И тогда они разнесут всё. Всё вокруг. Может быть, это сделают даже литовцы. Или филадельфийцы.

Ньютон как-то странно посмотрел на него, и Брайсу на мгновение стало не по себе.

— Если у нас будет десять лет, — сказал Ньютон, — может быть, войны не будет вообще. Может быть, она просто не сможет начаться.

— И что же её предотвратит? Человеческая добродетель?

Второе пришествие? — Почему-то Брайс не мог смотреть Ньютону в глаза.

Ньютон впервые рассмеялся, тихим и приятным смехом.

— Может быть, это и вправду будет второе пришествие. Может быть, это будет сам Иисус Христос. Через десять лет.

— Если он придёт, — сказал Брайс, — пусть будет осторожнее.

— Думаю, он вспомнит, что случилось с ним в прошлый раз, — ответил Ньютон.

Из дома им навстречу вышел Бриннар. Брайс почувствовал облегчение: его уже начинало мутить на солнце.

Брайс попросил Бриннара отвезти его прямиком домой, не заезжая в лабораторию. По дороге Бриннар так и сыпал вопросами; Брайс отвечал уклончиво. Когда он оказался дома, было уже пять часов. Он зашёл на кухню, где, как всегда, царил совершеннейший бардак. На стене висела репродукция «Падения Икара», привезенная из Айовы, а в раковине громоздились тарелки, оставшиеся после завтрака. Брайс достал холодную куриную ножку из холодильника в стене и, жуя на ходу, устало поплёлся к кровати, где быстро провалился в сон, положив наполовину обглоданную ножку на прикроватный столик. Ему приснилось множество снов, все они были невнятны, а во многих из них присутствовали перелётные птицы, беспорядочно летящие в холодном синем небе...

Брайс проснулся совершенно бодрым в четыре часа утра. Было темно, во рту поселился гадкий вкус, голова раскалывалась, а шея вспотела под плотным шерстяным воротником. От ходьбы у него отекли ноги, и ужасно хотелось пить. Сидя на краю кровати, он несколько минут смотрел на светящийся циферблат часов, а затем осторожно включил ночник, зажмурив глаза, прежде чем нажать на кнопку. Потом он встал, прошёл, часто моргая, по ко-

ридору в ванную и пустил холодную воду в раковину. Пока она наполнялась, он выпил два стакана воды из стаканчика для зубных щёток, затем закрыл кран, зажёг свет и начал расстёгивать душную клетчатую рубашку. Увидев в зеркале кусочек бледной кожи под полукруглым вырезом майки, Брайс отвёл взгляд. Опустив руки в воду, он подержал их там, чтобы холод усилил движение крови в запястьях, а потом набрал воды в ладони и поплескал на лицо и шею. В конце концов он хорошенко растёрся грубым полотенцем и почистил зубы, избавляясь от мерзкого вкуса во рту. Причесав волосы, Брайс пошёл в спальню за свежей рубашкой — на этот раз он взял голубую сорочку, но без оборок спереди, как носили большинство мужчин.

Всё это время в его голове крутилась старая фраза: как захочешь, так и будет.

На кухне Брайс приготовил себе завтрак — растворил в горячей воде кофейную таблетку и поджарил омлет, щедро приправив его грибами из консервной банки. Ловко свернув омлет при помощи лопатки, он выложил его на тарелку, пока тот был ещё чуточку сырьим в середине. Затем сервировал его вместе с кофе на пластиковом столике, сел и начал медленно есть, давая возможность своему перегруженному джином желудку принять мягкую пищу настолько бережно, насколько мог. Желудок принял её достаточно благосклонно, и Брайс ощущил мимолетную гордость за то, что его не тошнило, — и это после того, как со вчерашнего утра он не ел и не пил ничего, кроме вина, сыра и неразбавленного джина. Брайс содрогнулся. Можно было на худой конец съесть несколько этих таблеток «ПА», которые люди принимают, когда не хотят возиться с настоящим ужином. «ПА» — это такой белок из морских водорослей. Отвратительная мысль — есть тину вместо печёнки с луком. Но, возможно, к таблеткам пора привыкать. Учитывая рост населения, засуху в Азии, фашизм, возрождаю-

щийся в Китае — а значит, и в «свободном мире» с его диктаторами, демагогами и гедонистами, — в будущем всё труднее станет добыть на обед печёнку с луком или говядину с картошкой. Ещё каких-то двадцать лет — и все мы будем есть тину, рыбий жир и углеводы из пробирки, думал Брайс, доедая свой омлет. Когда не останется куриц, яйца можно будет увидеть только в музеях. Может быть, Смитсоновский институт¹ будет выставлять законсервированный омлет, запаянный в пластик. Брайс пил кофе, тоже частично синтетический, и думал о старом изречении биологов, что курицы — это способ яиц размножаться. Это навело его на мысль о том, что скоро некий одарённый юный биолог со стрижкой ёжиком и в брюках с оборками, возможно, найдёт более эффективный способ размножения яиц, устранив куриц вообще. Но, впрочем, вряд ли это будет юное дарование. Скорее уж тем, кто представит общественности пупочное яйцо — наподобие пупочного апельсина — окажется Т. Дж. Ньютон. Упакованное в весёленький пластик, оно будет продвигаться на рынок «Всемирной корпорацией». Самовоспроизводящееся яйцо: вы сажаете его в пруд, и оно растёт как пластиковые бусы, выбрасывая вверх по одному новому яйцу в день. Вот только позже оно не станет довольно кудахтать и никогда не произведёт на свет ни гордого бойцовского петуха, ни глупой курицы, за которой будут гоняться дети, ни жареного цыпленка на ужин.

Допив кофе, Брайс поднял взгляд на «Падение Икара». Теперь он знал, что эта картина начинает для него означать. Он поставил чашку и произнёс вслух: «Кончай играть в интеллектуальные игры, Брайс. Как захочешь, так и будет. Выбирай: Марс или Массачусетс?» И, глядя на руку и ногу упавшего с неба в океан мальчика на исполненной покоя картине, он думал: «Друг или враг?» Он не отрываясь смотрел на картину. «Разрушитель или

¹ Смитсоновский институт — научно-исследовательский и образовательный институт в США и принадлежащий ему комплекс музеев.

спаситель?» В голове у него крутились слова Ньютона: «Может быть, это и вправду будет второе пришествие». Но Икар потерпел неудачу, он опалил крылья и утонул, в то время как Дедал, который не поднялся так высоко, сбежал со своего пустынного острова. Однако не для того, чтобы спасти мир. Может быть даже, чтобы его разрушить. Ведь он изобрёл полёт, а разрушение, когда придёт его час, грянет с неба. «Померкнет воздух рая», думал Брайс. «Чума во мне, о Боже! Господь, помилуй нас...»¹ Брайс потряс головой, пытаясь удержать разбредающиеся мысли. Сейчас важно было решить: Марс или Массачусетс, всё остальное было второстепенно. Итак, что ему известно? Акцент Ньютона, его внешний вид, его походка. А также порождения его ума, за которыми угадывались технологии более чуждые здесь, чем Птолемеевская модель астрономии². Ещё эти фантастические логарифмы, а также то, что Ньюトン был слегка пьян оба раза, когда Брайс его видел. Это могло быть признаком ужасного одиночества, которое может ощущать инопланетянин, или свидетельствовать о его неспособности противостоять культурному шоку. Но быть пьяным — это так по-человечески, и это сводит последний довод на нет. Не слишком ли маловероятно то, что алкоголь воздействует на инопланетянина так же, как на человека? Но Ньюトン наверняка человек — или кто-то очень на него похожий. Возможно, у него человеческая химия крови — тогда он вполне способен пьянеть. И всё же — было бы куда вероятнее, если бы он был из Массачусетса. Или из Литвы. Но почему бы и не пьяный марсианин? Сам Христос пил вино, а ведь он сошёл с небес — фарисеи называли его пьяницей. Пьяница из космоса... Почему он всё время отвле-

1 Цитата из стихотворения Томаса Нэша «Литания во время чумы» (1592) в переводе с англ. Г. Кружкова.

2 Птолемеевская модель астрономии — геоцентрическая модель Солнечной системы, описанная греческим астрономом Птолемеем (ок. 100–170 гг. н.э.)

кается от сути? Кортесу, вероятно, подносили текилу. А ведь он был ещё одним мессией: голубоглазый бог Кетцалькоатль, приведший спасти бедный народ от ацтеков. Через десять лет? Логарифмы по основанию двенадцать. Что же ещё? Что **ещё**?

Временами Ньютон чувствовал, что сходит с ума подобно землянам, хотя для антейца сумасшествие было в принципе невозможно. Он не понимал, что с ним происходит — или уже произошло. От него не скрывали, что задание будет чрезвычайно сложным. Ньютона выбрали для его выполнения за физическую силу и способность приспосабливаться к окружающим условиям. Он знал с самого начала, что возможностей провалиться у него будет хоть отбавляй, что всё это было сплошным риском — сумасбродный план людей, не нашедших иного выхода; и он был готов к неудаче. Но к тому, что произошло на самом деле, он готов не был. Сам план продвигался весьма благополучно — было заработано огромное количество денег, строительство корабля началось почти без затруднений, никто не узнал, кто он такой (хотя многие подозревали — он в этом не сомневался), — и вероятность успеха была теперь так высока. А он, антеец, высшее существо из высшей расы, терял власть над собой, опускался, спивался, превращался в потерянное и глупое существо, предавал своих, а возможно, и самого себя.

Иногда Ньютон винил в этом Бетти Джо — в том, что сам оказался слаб перед лицом этого мира. Как же это было по-человечески — выдумывать подобные оправдания! Он винил её в

том, что прижился здесь и стал одержим смутным чувством вины и ещё более смутными сомнениями. Это она научила его пить джин, и это она показала ему ту сторону человеческой натуры, что бездумно стремится к расслабленной жизни, полной наслаждений и достатка, о которой он ничего не узнал из телепрограмм, на изучение которых потратил пятнадцать лет. В ней он увидел ту дремлющую, хмельную жизненную силу, которая антейцам, при всей их невероятной вневременной мудрости, даже и не снилась. Он чувствовал себя словно человек, живущий среди достаточно дружелюбных, глупых, но по-своему сообразительных животных, который постепенно начинает сознавать, что их понятия и взаимоотношения гораздо сложнее, чем он себе представлял. Не исключено, что рассмотрев их поведение с разных сторон, этот разумный человек обнаружит, что окружающие его животные, которые загаживают собственное логово и поедают собственные отбросы, возможно, счастливее и в чём-то мудрее него.

А может быть, человек, проживший среди животных достаточно долго, становится животным в большей степени, чем ему бы следовало? И всё же это сравнение несправедливо. У него с людьми общие предки, и это родство гораздо теснее, чем родство между разными видами млекопитающих. И он, и земляне — мыслящие существа, которые способны на понимание, предвидение, а также на чувства, которые неточно именуют любовью, состраданием и уважением. А ещё, как обнаружил Ньютон, способны напиваться.

Антейцы были немного знакомы с алкоголем, хотя жиры и углеводы играли весьма незначительную роль в экологии этого мира. У них росли сладкие ягоды, из которых иногда делали что-то вроде лёгкого вина. Конечно, чистый спирт можно было синтезировать довольно легко, и изредка случалось, что кто-нибудь из антейцев напивался. Но постоянное пьянство не встречалось

на Антее: такого явления, как антеец-алкоголик, просто не существовало. Ньютон никогда в жизни не слышал, чтобы кто-то на его планете пил так, как пил теперь он на Земле — ежедневно и беспрерывно.

Алкоголь оказывал на Ньютона не совсем то же действие, что на людей, — по крайней мере, он так считал. Ему никогда не хотелось ни напиться до беспамятства, ни почувствовать себя буйно-счастливым или богоподобным; он хотел лишь освобождения, но не совсем понимал от чего. У него никогда не бывало похмелья, сколько бы он ни выпил. Он почти всегда был один. Ему было бы трудно не пить.

После того как Бриннар увёз Брайса домой, Ньютон прошёл в гостиную, которой никогда не пользовался, и с минуту стоял молча, наслаждаясь прохладой комнаты и её тихим полумраком. Одна из кошек лениво поднялась с дивана, потянулась, подошла к нему и начала, мурлыкая, тереться о его ногу. Ньютон ласково посмотрел на неё. Он очень полюбил кошек. Было в них что-то напоминающее ему об Антее, хотя там и не было подобных животных. Но, казалось, они едва ли принадлежат и этому миру.

Из кухни вошла Бетти Джо, на ней был передник. Она нежно посмотрела на Ньютона, а затем произнесла:

— Томми...

— Да?

— Томми, мистер Фарнсуорт звонил тебе из Нью-Йорка.

Два раза.

Ньютон пожал плечами.

— Он звонит теперь почти каждый день.

— Да, Томми. — Она мягко улыбнулась. — Так или иначе, он сказал, что это важно и что ты должен перезвонить ему как можно скорее.

Ньютон хорошо знал о том, что у Фарнсуорта трудности, но они могли и подождать. Сейчас у него не было сил с ними разбираться. Он посмотрел на часы. Было почти пять.

— Скажи Бриннару, чтобы соединил нас в восемь часов, — сказал он. — Если Оливер позвонит снова, скажи ему, что я занят и поговорю с ним не раньше восьми.

— Хорошо. — После некоторого колебания Бетти Джо спросила: — Хочешь, я приду и посижу с тобой? Может быть, поговорим?

Ньютон видел выражение её лица, её полный надежды взгляд, означающий, что она так же зависима от него в плане общения, как и он от неё. Какими странными компаниями они стали! Но хотя он знал, что она так же одинока, как и он сам, и что она разделяет его чувство отчуждённости, Ньютон был просто не в силах наградить её правом посидеть с ним в тишине. Он улыбнулся настолько ласково, насколько смог.

— Извини, Бетти Джо. Мне нужно немного побывать одному. — С каким трудом стала даваться ему эта натренированная улыбка!

— Конечно, Томми, — ответила Бетти Джо. Она поспешила отвернуться. — Мне нужно на кухню. — В дверях она снова повернулась к нему. — Дай мне знать, если захочешь поужинать, слышишь? Я принесу ужин наверх.

— Хорошо. — Ньютон подошёл к лестнице и решил подняться на маленьком подъёмном кресле, которым не пользовался уже несколько недель. На него навалилась усталость. Когда он сел, одна из кошек прыгнула к нему на колени, и, неожиданно вздрогнув, он сбросил её на пол. Она бесшумно упала, встряхнулась и невозмутимо пошла прочь, не снисходя до того, чтобы оглянуться. Глядя на кошку, Ньютон подумал: «Если бы только разумными обитателями этой планеты были вы...» Затем криво

улыбнулся: «Может быть, так оно и есть».

Как-то раз, больше года назад, он обронил при Фарнсуорте, что заинтересовался музыкой. Это было правдой лишь отчасти, поскольку мелодика и тональная система человеческой музыки всегда были ему немного неприятны. Тем не менее, музыка увлекла Ньютона с исторической точки зрения — как историка его интересовали почти все направления человеческого фольклора и искусства. Это увлечение возникло в те годы, когда он изучал земное телевидение, и укрепилось здесь, на Земле, долгими ночами, проведёнными за чтением. Вскоре после этого случайного упоминания Фарнсуорт подарил Ньютону превосходно откалиброванную октафоническую систему — некоторые её компоненты были основаны на патентах «Всемирной корпорации» — вместе с усилителями, проигрывателями и прочим необходимым оборудованием. Стараниями трёх магистров в области электротехники систему удалось встроить в рабочий кабинет Ньютона. Это вторжение доставило ему беспокойство, но он не хотел ранить чувства Фарнсуорта. На торце книжного шкафа они установили медную панель с пультом управления. Ньютон предпочёл бы что-нибудь более изысканное, чем плоская медь — например, тонко расписанный китайский фарфор. Ещё Фарнсуорт вручил ему кассету с пятью сотнями записей на маленьких стальных шариках — на этих патентах «Всемирная корпорация» заработала не меньше двадцати миллионов долларов. Нажимаешь кнопку — и шарик размером с горошину становится на своё место в картридже. Затем крошечное считающее устройство, медленно двигаясь, распознаёт его молекулярную структуру, и эти узоры преобразуются в звуки — оркестра, музыкального коллектива, гитары или голоса. Ньютон почти никогда не включал музыку. По настоящему Фарнсуорта он прослушал несколько симфоний и квартетов, но совершенно ими не проникся. Странно, что их

смысл остался для него настолько непонятным. Некоторые другие виды искусства, даже в превратной и снисходительной подаче «Воскресного телевидения» (глупейшего и претенциознейшего телеканала), способны были сильно на него воздействовать — особенно скульптура и живопись. Возможно, он видел так же, как люди, но не мог слышать как они.

Когда Ньютон вошёл в кабинет, размышая о кошках и людях, то неожиданно для себя самого решил послушать музыку. Нажав на кнопку, он включил симфонию Гайдна, которую, по мнению Фарнсуорта, просто обязан был послушать. Из колонок отчётило и напористо полились звуки, не несущие, на его взгляд, никакой смысловой или эстетической нагрузки. Ньютон почувствовал себя как американец, который пытается понять китайскую музыку. Он налил себе джина из бутылки, стоявшей на полке, и выпил его неразбавленным, стараясь следить за звуками. Он уже собирался сесть на диван, когда в дверь внезапно постучали. Вздрогнув, Ньютон уронил стакан. Тот разбился у его ног. Впервые в жизни он заорал:

— Какого чёрта?!

Как же он стал похож на людей! Из-за двери донёсся испуганный голос Бетти Джо:

— Снова звонит мистер Фарнсуорт, Томми. Он настаивает. Говорит, что я должна тебя позвать...

Голос Ньютона смягчился, хотя в нём всё ещё слышалось недовольство.

— Скажи ему, что нет. Скажи ему, что сегодня я не хочу никого видеть и ни с кем не разговариваю.

С минуту за дверью была тишина. Ньютон посмотрел на осколки стекла у своих ног, затем запинал самые крупные из них под диван. После чего услышал голос Бетти Джо:

— Хорошо, Томми. Я передам. — Она помолчала. — Ты те-

перь отдохни, Томми, слышишь?

— Хорошо, — ответил он, — я отдохну.

Ньютон услышал, как удаляются её шаги. Затем подошёл к книжному шкафу. Стаканов больше не было. Он начал было звать Бетти Джо, но вместо этого взял почти полную бутылку, открутил крышку и стал пить прямо из горлышка. Он выключил Гайдна — кто мог ожидать, что ему понравится подобная музыка? — и включил сборник народной музыки, старинных негритянских песен. По крайней мере, в словах этих песен было что-то, что он мог понять.

Из колонок зазвучал низкий усталый голос:

Всякий раз, как в дом иду мисс Лулу,

Старый пёс кусаться

Каждый раз, как в дом иду мисс Салли,

Её бульдог кусаться...

Ньютон задумчиво улыбнулся. Слова этой песни задели в нём какую-то струну. Сев на диван с бутылкой в руке, он начал думать о Натане Брайсе и об их сегодняшней беседе.

После первой же встречи с Брайсом Ньютон понял, что тот его подозревает. То обстоятельство, что химик настаивал на личной встрече, выдавало его с головой. Проведя недешёвое расследование, Ньютон удостоверился, что Брайс не является ничьим представителем — он не работал ни на ФБР (как по меньшей мере двое рабочих на строительстве ракеты), ни на какое-либо другое правительственные учреждение. Но тогда, если Брайс каким-то образом разгадал его тайну и его намерения, — как, очевидно, Фарнсуорт и, возможно, кто-то ещё, — то чего ради он, Ньютон, так разоткровенничался с этим человеком? И зачем бросался намёками о себе, толкуя о войне и втором пришествии,

называя себя именем Румпельштильхен — именем злобного карлика, который явился откуда ни возьмись, чтобы превратить солому в золото и с помощью этого неслыханного умения спасти жизнь принцессы; чужака, чьим истинным намерением было украсть её дитя? Был лишь один способ победить его — раскрыть его личность, назвать его имя.

Порою я плачу, как сирота...
Порою я плачу, как сирота...
Славься, аллилуйя!

И почему, подумал он вдруг, Румпельштильхен оставил принцессе возможность обойти условие? Зачем он дал принцессе эту трёхдневную отсрочку на то, чтобы узнать его имя? Была ли это просто излишняя самонадеянность — ибо кто мог бы вообразить или угадать такое имя — или он хотел, чтобы его разоблачили, поймали, лишили того, ради чего он хитрил и колдовал? А он сам, Томас Джером Ньютон, который своим колдовством и уловками превзошёл бы кудесника или эльфа из любой сказки, — а он прочёл их все — не хочет ли он оказаться разоблачённым, пойманым?

Этот парень заходит ко мне
Говорит, что не любит
Приходит, стоит у моих дверей
Говорит, что не любит.

Зачем, думал Ньютон, сжимая в руке бутылку, зачем мне хотеть, чтобы меня разоблачили? Он глядел на этикетку на бутылке, чувствуя странное головокружение. Вдруг запись закончилась. Пока следующий шарик катился на своё место, он сделал

долгий, обжигающий глоток. Затем из колонок на него нещадно обрушились звуки оркестра.

Ньютон устало поднялся, прищурив глаза. Он чувствовал себя обессиленным. Наверное, он не ощущал себя таким слабым с того самого дня в ноябре — как много лет прошло с тех пор! — когда его, перепуганного и одинокого, тошнило на пустоте. Ньютон выключил музыку, а затем подошёл к пульту управления телевизором и включил его. Может быть, покажут какой-нибудь вестерн...

Большое изображение цапли на дальней стене начало расплываться. Когда оно исчезло, на его месте появилось лицо красивого мужчины с притворно-глубокомысленным взглядом, столь свойственным всем политикам, целителям и евангелистам. Его губы двигались беззвучно, а глаза смотрели на Ньютона.

Ньютон включил звук. Голова обрела голос и произнесла: «...Соединённых Штатов Америки как свободного и независимого государства. Мы должны собраться с духом, как люди, за спиной у которых весь свободный мир, и встретить лицом к лицу все вызовы, надежды и страхи этого мира. Мы должны помнить, что Соединённые Штаты, независимо от того, что говорят несведущие, отнюдь не второстепенная сила. Мы должны помнить, что свобода победит, мы должны...»

Тут до Ньютона дошло, что этот человек — президент Соединённых Штатов, и что говорит он с напыщенностью отчаявшегося. Ньютон переключил канал. На экране возникла постельная сцена. Мужчина и женщина, оба в пижамах, обменялись парой избитых непристойных шуточек. Он снова переключил канал в надежде на вестерн. Он любил вестерны. Но там показывали проплаченный властями пропагандистский фильм о достоинствах и добродетелях Америки. На экране замелькали белые церкви Новой Англии, труженики полей — на каждую группу по

одному улыбающемуся чернокожему — и клёны. Таких фильмов в последнее время появлялось всё больше; как и многие популярные журналы, они становились всё более шовинистическими и как никогда были пропитаны сказочной ложью о том, что Америка — это страна богоизбраненных городков и рациональных мегаполисов, процветающих фермеров и добрых докторов, застенчивых домохозяек и филантропствующих миллионеров.

— Боже мой, — сказал Ньютон вслух, — да вы просто перепуганные, жалеющие себя гедонисты. Лгуны! Шовинисты! Глупцы!

Ньютон снова переключил канал, и на экране возникла сцена из ночного клуба. Звучала приглушённая музыка. Ньютон задержался на этом канале, глядя, как движутся тела на танцполе, как мужчины и женщины, разодетые в пух и прах, обнимаются под звуки музыки.

А кто такой я, подумал он, как не перепуганный, погрязший в жалости к себе гедонист? Он допил джин и посмотрел на свои руки, сжимающие бутылку, а затем перевёл взгляд на свои искусственные ногти, которые блестели в мерцающем свете телевидения, словно полупрозрачные монеты. Несколько минут Ньюトン смотрел на них так, будто увидел впервые.

Затем он встал и пошатываясь подошёл к шкафу. Он достал с полки ящичек размером с обувную коробку. На внутренней стороне дверцы шкафа висело большое зеркало. Ньютон посмотрел на своё отражение, на своё высокое, худое тело, затем снова сел на диван. Он поставил ящичек перед собой на мраморный кофейный столик и достал из него пластиковый флакончик. На столике стояла пустая пепельница в форме чаши — китайский фарфор, подарок Фарнсуорта. Ньютон вылил в неё жидкость из флакона, поставил его на стол, а затем погрузил кончики пальцев в пепельницу, будто в чашу для омовения рук. Он подержал их

там с минуту, а затем вынул и резко хлопнул в ладоши. С тихим позывканием его ногти осыпались на мраморный столик. Кончики его пальцев оказались гладкими и гибкими, но слегка воспалёнными.

Из телевизора доносился джаз с шумным, напористым ритмом.

Ньютон встал, подошёл к двери и закрыл её на ключ. Затем вернулся к ящичку на столе, достал из него комок, похожий на ватный, и обмакнул его в ту же жидкость. Ньютон заметил, как дрожат его руки. Он знал, что напился гораздо сильнее, чем когда-либо раньше. Но, видимо, ещё недостаточно.

Он подошёл к зеркалу и прижал влажный комок сначала к одному уху, потом к другому, пока синтетические мочки не отвалились. Расстегнув рубашку, он таким же образом удалил соски и волосы на груди. Волосы и соски держались на тонкой пористой прослойке и отпали все разом. Ньютон поднял все эти накладки и положил их на кофейный столик. Глядя в зеркало, он заговорил на родном языке — сначала тихо, потом громче, пытаясь заглушить звуки джаза из телевизора. Он читал стихотворение, которое сочинил в юности. Язык слушался его плохо. Он был слишком пьян, а может, просто разучился произносить антийские шипящие звуки. Затем, тяжело дыша, Ньютон вынул из ящичка маленький инструмент, похожий на пинцет, и, стоя перед зеркалом, осторожно удалил с глаз тонкие пластиковые линзы. Всё ещё силясь дочитать не дающееся ему стихотворение, он моргнул глазами, зрачки которых оказались вертикальными, как у кошки.

Долго он смотрел на себя, а потом заплакал. Он не всхлипывал, но слёзы лились из его глаз — точно такие же слёзы, как у людей, — и катились вниз по худым щекам. Это были слёзы безысходности.

Затем он спросил себя вслух по-английски:

— Кто ты? И где твой дом?

В зеркале отражалось его собственное тело, но Ньютон не мог признать его за своё. Оно было чужим и пугающим.

Он достал ещё одну бутылку. Музыка прекратилась. Диктор произнёс: «...танцевальный зал отеля «Зеельбах» в центре Луисвилла был показан вам в прямом эфире с помощью серии товаров «Краски мира» — плёнок и проявителей для самых лучших фотографий...»

Ньютон не смотрел на экран — он открывал бутылку. Зазвучал женский голос: «Чтобы сохранить воспоминания о предстоящих праздниках, о ваших детях, о семейных торжествах в День Благодарения и на Рождество, нет ничего прекраснее, чем фотографии «Краски мира», наполненные яркой жизнью...»

А Томас Джером Ньютон лежал на диване с открытой бутылкой джина в руке. Его пальцы без ногтей дрожали, а кошачьи глаза с тоской смотрели в потолок...

3

В воскресенье утром, через пять дней после пьяной беседы с Ньютоном, Брайс сидел у себя дома, пытаясь читать детективный роман. Он сидел у электрокамина в своей маленькой типовой гостиной, одетый лишь в зелёную фланелевую пижаму, и пил третью за утро чашку чёрного кофе. Сегодня он чувствовал себя лучше: загадка личности Ньютона не мучила его так сильно, как в прошедшие несколько дней. Этот вопрос всё ещё оставался для Брайса первостепенно важным, но он решил придерживаться своего рода стратегии — если бдительное выжидание можно было назвать стратегией — и умудрился если не выбросить проблему из головы, то, по крайней мере, перестать думать о ней постоянно. Детективный роман, по счастью, оказался довольно глупым; за окном крепчал мороз. Брайсу было уютно у мнимого очага, и он совершенно никуда не спешил. На стене слева от него висела репродукция «Падения Икара». Он перевесил картину из кухни в гостиную два дня назад.

Брайс прочёл уже почти половину книги, когда услышал тихий стук в дверь. Он недовольно поднялся, спрашивая себя, за каким чёртом он мог кому-то понадобиться в воскресенье утром. Его коллеги вели активную общественную жизнь, но Брайс упорно избегал её, и у него было мало друзей. Во всяком случае, у него

не было настолько близкого друга, чтобы мог заглянуть к нему в воскресное утро. Брайс захватил из спальни халат и открыл дверь.

За порогом, в морозном тумане, дрожа в тонкой нейлоновой куртке, стояла экономка Ньютона.

Она улыбнулась и произнесла:

— Здравствуйте, доктор Брайс.

— Здравствуйте. — Брайс не смог вспомнить, как её зовут, хотя Ньютон однажды называл её при нём по имени. Много слухов ходило о Ньютоне и этой женщине. — Заходите погреться, — пригласил он её.

— Спасибо. — Она вошла быстро, но словно бы извиняясь за вторжение, и закрыла за собой дверь. — Меня прислал мастер Ньютон.

— Вот как? — Брайс проводил её к обогревателю. — Вам бы пальто потеплее.

Казалось, она вспыхнула — а может быть, просто у неё щёки раскраснелись на морозе.

— Я редко выхожу.

Брайс помог ей снять куртку, и она стала греть руки, склонившись над обогревателем. Брайс сел и внимательно посмотрел на неё, ожидая, когда она объяснит причину своего прихода. Её нельзя было назвать непривлекательной: пухлые губы, чёрные волосы, полная фигура в простом синем платье. Она была, наверное, одних с ним лет и, как и он, носила старомодную одежду. Она не пользовалась косметикой, но судя по тому, как разрумянилось от холода её лицо, она в ней и не нуждалась. У неё была тяжёлая грудь, как у крестьянок в русских пропагандистских фильмах, и она смотрелась бы как совершенная, величавая «богиня-мать», если бы не её застенчивый, скромный взгляд и не её деревенские манеры и речь. На руках под короткими рукавами платья у неё

виднелись трогательные чёрные волоски, мягкие и тонкие. Брайсу это понравилось — так же как и то, что она не выщипывала брови.

Внезапно она выпрямилась, улыбнулась более непринуждённо и проговорила:

— Совсем не похоже дровяную печку.

Сначала Брайс не понял, о чём она говорит. Затем, кивнув на светящийся красным светом обогреватель, ответил:

— Нет, конечно нет, — и добавил: — Не хотите присесть?

Она села в кресло напротив него, откинулась назад и положила ноги на оттоманку.

— И к тому же не пахнет дымом. — Она задумалась. — В детстве я жила на ферме, и я ещё помню, как прыгала по утрам вокруг печки, пытаясь одеться. Я клала на неё свою одежду и вставала спиной к огню, чтобы согреться. Я ещё помню этот запах. Но я не слышала запаха дыма уже бог знает сколько — лет двадцать.

— Я тоже, — ответил Брайс.

— Ничто больше не пахнет так же хорошо, как раньше, — сказала она. — Даже кофе — такой, как его теперь делают. Многие вещи вообще больше не пахнут.

— Кстати — не хотите ли чашечку кофе?

— С удовольствием, — ответила она. — Хотите, я принесу?

— Я принесу сам. — Он встал, допивая свою чашку. — Всё равно я собирался налить себе ещё.

Брайс пошёл на кухню и приготовил две чашки кофе из кофейных таблеток — с тех пор как страна разорвала отношения с Бразилией, ничего лучше было не достать. Он принёс кофе на поднос, и, взяв свою чашку, экономка Ньютона мило улыбнулась. Она казалась очень спокойной, словно старая добродушная

собака, — не знающая ни гордости, ни размышлений, которые могли бы нарушить её покой.

Брайс сел в кресло, потягивая кофе.

— Вы правы, — сказал он, — ничто больше не пахнет так, как раньше. А может быть, мы слишком постарели и всё забыли.

Улыбка не сходила с её лица. Она сказала:

— Он хочет знать, поедете ли вы с ним в Чикаго. В следующем месяце.

— Мистер Ньютон?

— Ага. Там будет встреча. Он сказал, что вы, наверное, про неё знаете.

— Встреча? — Некоторое время Брайс задумчиво пил кофе. — А, Институт инженеров-химиков. Зачем он хочет туда поехать?

— Не знаю, — ответила она. — Он сказал, если вы захотите поехать с ним, он придёт сегодня после обеда, чтобы поговорить о поездке. Вы же сегодня не работаете?

— Нет, — ответил Брайс. — Нет, по воскресеньям я дома.

— Голос его не дрогнул, но мозг начал бешено работать. Удобный случай сам шёл к нему в руки. У него был наполовину оформленный план, который родился два дня назад, и если Ньюトン действительно к нему придёт... — Я буду рад поговорить с ним об этом. Он сказал, когда придёт?

— Нет, не сказал. — Она допила кофе и поставила чашку на пол рядом со своим креслом. «Она явно чувствует себя как дома», — подумал Брайс, но он не имел ничего против. Это была естественная непринуждённость, а не показная, как у людей вроде профессора Канутти и всех его коротко стриженых коллег в Айове.

— Он теперь почти ничего не говорит. — В её голосе появилась нотка напряжения. — На самом деле, я его и не вижу

почти. — Кроме напряжения, было в её голосе что-то мрачное, и Брайс задался вопросом, что же всё-таки могло связывать этих двоих. И тут ему пришло на ум, что её появление здесь тоже было удобным случаем — случаем, который может больше и не выпасть.

— Может, он был болен? — Только бы ему удалось её разговорить...

— Насколько я знаю, нет. Он странный. Иногда на него что-то находит. — Она уставилась на раскалённую спираль обогревателя, не глядя на Брайса. — Иногда он разговаривает с этим французом — его зовут Бриннар, — иногда он говорит со мной. Иногда просто сидит в своей комнате. Дни напролёт. Или пьёт — но по нему и не скажешь.

— А что делает Бриннар? В чём состоит его работа?

— Я не знаю. — Она бросила быстрый взгляд на Брайса, а затем снова уставилась в печь. — Я думаю, он телохранитель. — Она снова повернулась к нему, лицо её было озабоченным, встревоженным. — Знаете, мистер Брайс, он носит с собой пистолет. И вы посмотрите, как он двигается! Он такой проворный! — Она покачала головой, как это сделала бы обеспокоенная мать. — Я ему не доверяю, и не думаю, что мистеру Ньютону следует ему доверять.

— У многих состоятельных людей есть телохранители. А помимо этого он что-то вроде секретаря, не так ли?

Она коротко усмехнулась:

— Мистер Ньютон не пишет писем.

— Да уж, думаю, что не пишет.

По-прежнему глядя на обогреватель, она робко спросила:

— Не нальёте ли вы мне чего-нибудь выпить?

— Конечно. — Брайс поспешно вскочил — пожалуй, даже слишком. — Джин?

Она подняла на него взгляд:

— Да, джина, пожалуйста.

Было в ней что-то горестное, и Брайс вдруг подумал, что, наверное, она очень одинока и, наверное, ей практически не с кем поговорить. Ему стало жаль её — эту потерянную, старомодную деревенскую жительницу, — и в то же время он пришёл в восторг от мысли, что она вполне созрела для того, чтобы вытянуть из неё нужные сведения. Достаточно будет умаслить её малой толикой джина, позволить смотреть на огонь и дождаться, пока она заговорит. Брайс улыбнулся собственному коварству.

Когда он доставал бутылку с джином с полки над раковиной, она крикнула из гостиной:

— Не могли бы вы положить в джин немножка сахара?

— Сахара? — Ох ничего себе!

— Да. Ложки три.

— Хорошо, — ответил Брайс, покачав головой, и добавил:

— Я забыл ваше имя.

В её голосе всё ещё слышалось напряжение — как будто она пыталась скрыть, как он дрожит, или удержаться от слёз:

— Меня зовут Бетти Джо. Бетти Джо Мошер.

В её ответе было некое кроткое достоинство — и Брайс тут же устыдился того, что не запомнил её имя. Положив сахар в стакан и наливая в него джин, он почувствовал ещё больший стыд за то, что собирается её использовать.

— Вы из Кентукки? — спросил Брайс со всей возможной вежливостью. Он наполнил стакан почти до краёв и размешал сахар.

— Да. Я из Ирвина. Примерно семь миль от Ирвина. Это на север отсюда.

Брайс поднёс Бетти Джо стакан, и она взяла его с благодарностью, стараясь при этом выглядеть сдержанной, что было

одновременно трогательно и смешно. Эта женщина начинала ему нравиться.

— Ваши родители живы? — Брайс напомнил себе, что собирался вытянуть из неё сведения о Ньютоне, а не о ней самой. Почему его мысли всё время отклоняются от главного, от самого главного?

— Мать умерла. — Бетти Джо отхлебнула джин, задумчиво покатала его во рту, проглотила и зажмурилась от удовольствия. — Я определённо люблю джин! — заявила она. — Папа продал ферму правительству для гидро... гидро...

— Гидропонной станции?

— Точно. Где делают эту противную еду из баков. Так или иначе, папа сейчас на пособии — в Чикаго, в муниципальной квартире, — как и я жила в Луисвилле, пока не встретила Томми.

— Томми?

Бетти Джо криво улыбнулась.

— Мистера Ньютона. Иногда я называю его Томми. Раньше я думала, что ему это нравится.

Брайс набрал в лёгкие воздуха и спросил, не глядя на неё:

— Как вы с ним познакомились?

Она отпила ещё один глоток джина, посмаковала его, проглотила. Затем негромко рассмеялась.

— В лифте. Я поднималась на лифте в Луисвилле — в окружную социальную службу — и Томми тоже был там. Какой же он был странный! Мне это сразу бросилось в глаза. А потом он сломал ногу прямо в лифте.

— Сломал ногу?

— Вот именно. Звучит ужасно забавно, но это именно так. Этот лифт оказался для него чересчур. Если б вы знали, какой он лёгкий...

— Лёгкий?

— Да, лёгкий. Вы могли бы поднять его одной рукой. У него кости не прочнее птичьих. Говорю вам, он странный. Господи, он хороший человек, и такой умный, и богатый, и такой терпеливый. Но, мистер Брайс...

— Да?

— Мистер Брайс, я думаю, он болен, очень болен. Телом болен — боже мой, видели бы вы, сколько таблеток он глотает! — и с головой у него... что-то неладно. Я хочу помочь, но не знаю, с какой стороны подступиться. А врачей он к себе и близко не подпускает. — Бетти Джо допила свой стакан и наклонилась вперёд, как будто для того, чтобы посплетничать. Но на лице её была печаль — печаль слишком искренняя, чтобы быть фальшивкой для оправдания сплетен. — Мистер Брайс, мне кажется, что он вообще никогда не спит. Я с ним уже почти год и я никогда не видела его спящим. Он просто не человек.

Разум Брайса раскрылся как затвор объектива. Холодок пробежал у него от затылка по плечам и вниз по позвоночнику.

— Хотите ещё джина? — спросил он. И затем добавил, чувствуя внутри что-то среднее между смехом и всхлипом: — Я к вам присоединюсь...

Прежде чем уйти, Бетти Джо выпила ещё два стакана. Она не рассказала больше ничего особенного про Ньютона — возможно, потому что Брайс больше не хотел ничего спрашивать. Он чувствовал, что не следует этого делать. Но когда она уходила — ничуть не пошатываясь, поскольку переносила алкоголь не хуже матроса, — она сказала, надевая куртку:

— Мистер Брайс, я глупая, необразованная женщина, но я вам по-настоящему благодарна за беседу.

— Мне было очень приятно, — ответил он. — Заходите ещё, когда пожелаете.

Она прищурилась:

— Правда?

Брайс не имел этого в виду буквально, но теперь повторил, действительно имея это в виду:

— Я бы хотел, чтобы вы пришли ещё. Мне тоже почти не с кем общаться.

— Спасибо, — сказала Бетти Джо и добавила, выходя в зимний полдень: — Значит, нас теперь трое таких, правда?

Брайс не знал, много ли времени у него осталось до прихода Ньютона, но он знал, что должен поторопиться, если хочет успеть вовремя. Он был возбужден до предела. Оdevаясь, он непрерывно бормотал: «Никакой это не Массачусетс, это Марс. Это должен быть Марс...» Хотел ли он, чтобы это был Марс?

Оdevвшись, Брайс накинул пальто и вышел из дома. До лаборатории было пять минут ходу. На улице шёл снег, и холод ненадолго отвлёк его внимание от мыслей, вертевшихся в голове, от загадки, которая вот-вот разрешится раз и навсегда, если он правильно настроит аппаратуру и успеет её установить.

В лаборатории находились трое из его ассистентов. Брайс хрюпли поздоровался с ними и не стал отвечать на их замечания о погоде. Он спиной почувствовал их любопытные взгляды, когда начал разбирать маленький приборчик в лаборатории металлов — устройство для анализа воздействия рентгеновского излучения на металлы, — но сделал вид, что не замечает приподнятых бровей. Дело не заняло много времени — ему нужно было всего лишь открутить болты, крепившие камеру и лёгкий электронно-лучевой генератор к их корпусам. Он вполне мог донести их до дома в одиночку. Брайс убедился, что камера заряжена (высокоскоростной рентгеновской плёнкой производства «Всемирной корпорации»), и вышел, неся камеру в одной руке, а генератор в другой. Прежде чем захлопнуть дверь, он обратился к ассистентам:

— Слушайте, почему бы вам не устроить сегодня выходной? Идёт?

Они немного озадаченно взглянули на него, и один из них ответил:

— Хорошо, доктор Брайс, — и посмотрел на остальных.

— Вот и отлично. — Брайс закрыл дверь и удалился.

Рядом с имитацией камина в гостиной Брайса была неиспользуемая в это время года вентиляционная отдушина. Двадцать минут работы и изрядное количество проклятий — и вот камера с широко открытым затвором установлена за решёткой вентиляции. К счастью, плёнка от «Всемирной корпорации», как и многие из патентов Ньютона, имела огромное техническое преимущество перед своими предшественницами: видимый свет не воздействовал на неё совершенно. Она была чувствительна только к рентгеновским лучам.

Трубка генератора также была произведена компанией «ВК». Она работала подобно стробоскопу, посылая в пространство одну мгновенную концентрированную вспышку рентгеновского излучения — чрезвычайно удобно для высокочастотных методов исследования. Для того, что задумал Брайс, это, возможно, было ещё удобней. Он установил трубку в хлебнице на кухне, нацелив её сквозь стену на камеру с открытым затвором. Затем Брайс вытянул электрический шнур из дверцы хлебницы и включил его в розетку над раковиной. Хлебницу он оставил немного приоткрытой, так чтобы можно было просунуть в неё руку и повернуть выключатель на боку маленького трансформатора, который обеспечивал питанием электронно-лучевую трубку.

Вернувшись в гостиную, Брайс аккуратно установил самое удобное кресло точно между камерой и трубкой. Затем сел в другое кресло и стал ждать Томаса Джерома Ньютона.

Ждать пришлось долго. Брайс проголодался. Он попробовал подкрепиться бутербродом, но не смог его доесть. Он прошёлся по комнате, снова взял детективный роман, но не смог сосредоточиться на чтении. Каждые пять минут он ходил на кухню, чтобы проверить расположение электронно-лучевой трубы в хлебнице. В какой-то миг он вдруг решил удостовериться, что установка работает правильно. Он повернул выключатель в положение «вкл.», подождал, пока прибор нагреется, а затем нажал на кнопку, послав невидимую глазом вспышку, которая прошла сквозь стену, сквозь кресло, сквозь объектив камеры и оставила след на плёнке, закреплённой внутри. Едва успев нажать на кнопку, Брайс беззвучно и зло обругал сам себя: валая дурака, он израсходовал плёнку.

Добрых двадцать минут ушло у него на то, чтобы снова вытащить решётку воздуховода и достать из него камеру. Затем нужно было вынуть из камеры плёнку, которая приобрела коричневатый оттенок, — это говорило о том, что она уже отснята, — и заменить её новой плёнкой из обоймы. Взмокнув от страха, что Ньютон может постучать в дверь в любую секунду, Брайс снова установил камеру в воздуховод, проверил объектив, дрожащими руками аккуратно направил камеру на кресло и вернул решётку

на место. Затем он убедился, что объектив находится на одной линии с отверстием в решётке, так чтобы на пути сигнала не стоял никакой металл.

Когда раздался стук во входную дверь, Брайс уже мыл руки, закатав рукава. Он заставил себя подойти к двери не торопясь и открыл её с полотенцем в руках.

На снегу перед дверью стоял Ньютон, на нём были тёмные очки и тонкая куртка. Он улыбался — легко, почти насмешливо и, в отличие от Бетти Джо, совсем не выглядел замёрзшим. Марс, подумал Брайс, впуская его. Марс — холодная планета.

— Добрый день, — сказал Ньютон. — Надеюсь, я вам не помешал.

Брайс постарался говорить ровным голосом и сам удивился, что у него получилось.

— Нет, вовсе нет. Я ничем не занят. Не хотите ли присесть? — Брайс сделал приглашающий жест по направлению к креслу у вентиляционной решётки. В это мгновение он подумал о Дамокле и о висящем над троном мече.

— Нет, — ответил Ньютон. — Нет, спасибо. Я всё утро сидел. — Он снял куртку и повесил её на спинку кресла, оставшись в рубашке, — как всегда, с короткими рукавами. Рукава топорчились в стороны, и от этого его худые руки походили на курительные трубки с длинным чубуком.

— Принести вам чего-нибудь выпить? — Если у Ньютона в руке будет стакан, возможно, он сядет.

— Нет, спасибо. Я... воздержусь сегодня. — Ньютон подошёл к боковой стене и стал рассматривать висящую на ней картину. Пока он молча стоял, Брайс сел в кресло. Затем Ньютон произнёс: — Замечательная картина, доктор Брайс. Это Брейгель, не так ли?

— Да. — Конечно, это был Брейгель. Кто угодно сказал

бы, что это Брейгель. Почему он не садится? Брайс начал было похрустывать пальцами, но сразу прекратил. Ньютон рассеянно смахнул с волос растаявшие снежинки. Будь он чуть выше ростом, этим жестом он ободрал бы костяшки пальцев о потолок.

— Как она называется? — спросил Ньютон. — Эта картина?

Ньютон должен был бы сам это знать — вещь была достаточно известная.

— Она называется «Падение Икара». Это Икар в воде.

Ньютон продолжал её разглядывать.

— Очень красиво, — заключил он. — И пейзаж так похож на здешний. Горы, снег и вода. — Он повернулся к Брайсу. — Правда, на картине кто-то пашет в поле, и солнце стоит ниже. Там, должно быть, позже, чем у нас сейчас...

От досады, всё ещё волнуясь, Брайс отвечал нелюбезно.

— Почему не раньше? — сказал он.

Ньютон улыбнулся очень странной улыбкой, глядя куда-то вдалек.

— Вряд ли это могло произойти утром, не правда ли?

Брайс не ответил. Но, конечно, Ньютон был прав. Когда Икар начал падать, солнце было в зените. Должно быть, он падал очень долго. На картине солнце наполовину скрылось за горизонтом, а Икар, бьющий ногами по воде, — никем не замеченный, утопающий из-за собственного безрассудства, — изображён в следующий миг после удара о воду. Наверное, он падал с самого полудня...

Ньютон прервал его размышления.

— Бетти Джо сказала мне, что вы готовы поехать со мной в Чикаго.

— Да. Но скажите, зачем вам нужно в Чикаго?

Ньютон сделал жест, который, казалось, был ему совсем

несвойственен, — пожал плечами и развел руками, повернув ладони вверх. Должно быть, он перенял этот жест у Бриннера.

— Ну, мне нужны еще химики. Я думал, это будет неплохой способ их нанять.

— А мне?

— Вы — химик. Или, скорее, инженер-химик.

Брайс ответил не сразу. То, что он собирался сказать, было невежливо, но вроде бы Ньютон ничего не имел против откровенности.

— У вас достаточно сотрудников по найму персонала, мистер Ньютон, — сказал он. Затем выдавил из себя смешок: — Мне пришлось пробиться через целую армию, чтобы встретиться с вами.

— Вы правы, — ответил Ньютон. Он обернулся и на миг снова взглянул на картину, а затем произнёс: — Возможно, на самом деле я хочу... устроить себе каникулы. Увидеть новые места.

— Вы никогда раньше не были в Чикаго?

— Нет. Боюсь, что на этой земле я вроде отшельника.

При этом замечании Брайс чуть не вспыхнул. Он повернулся к искусственной печке и произнёс:

— Чикаго в рождественские дни — не лучшее место для каникул.

— Я ничего не имею против холодной погоды, — возразил Ньютон. — А вы?

Брайс нервно рассмеялся.

— Я не так устойчив к холodu, как вы. Но я могу его вытерпеть.

— Отлично. — Ньютон подошел к креслу, взял свою куртку и начал одеваться. — Я рад, что вы поедете со мной.

Глядя, как этот человек — человек ли? — собирается уйти, Брайс запаниковал. Скорее всего, другой такой возможности у

него не будет...

— Погодите минутку, — произнёс он, запинаясь, — я хочу... налить себе чего-нибудь.

Ньютон ничего не ответил. Брайс вышел из комнаты и пошёл на кухню. В дверях он обернулся, желая убедиться, что Ньютон всё ещё стоит за креслом. Сердце его упало: Ньютон опять подошёл к картине и стоял перед ней, задумчиво её разглядывая. Он стоял склонившись, потому что голова его была выше картины по меньшей мере на фут.

Брайс налил себе двойной скотч и долил в стакан воды из-под крана. Он никогда не клал лёд в свои напитки. Затем он торопливо отпил глоток, стоя у раковины и тихо проклиная своё невезение, заставившее Ньютона остаться на ногах.

Вернувшись в гостиную, он увидел, что Ньютон сидит.

Повернув голову, он смотрел на Брайса.

— Думаю, мне лучше остаться, — сказал он. — Нам нужно обсудить наши планы.

— Конечно, — ответил Брайс. — Нужно всё обсудить. — На мгновение он замер как вкопанный, а затем поспешил произнёс: — Я... я забыл положить лёд. В свой стакан. Прошу прощения. — Он вернулся на кухню.

Брайс просунул дрожащую руку внутрь хлебницы и повернул выключатель. Пока прибор прогревался, он подошёл к холодильнику и набрал льда из ведёрка. Это был один из тех редких случаев, когда он испытывал благодарность за то, что технология не стоит на месте: как хорошо, что больше не нужно бороться со льдом, вмёрзшим в лоток. Он бросил в стакан два кубика, расплескав виски на рубашку. Затем вернулся к хлебнице, сделал глубокий вдох и нажал на кнопку.

Раздался короткий, почти неслышный гул, и наступила тишина.

Выключив установку, Брайс вернулся в гостиную. Ньютон по-прежнему сидел в кресле, но теперь глядел на камин. Некоторое время Брайс не мог отвести взгляд от вентиляционной решетки, за которой стояла камера с отснятой плёнкой.

Пытаясь прогнать тревожные мысли, он потряс головой. Было бы глупо выдать себя теперь, когда дело уже сделано. Он почувствовал себя предателем — человеком, который только что обманул друга.

Ньютон сказал:

— Думаю, мы полетим.

Брайс не смог удержаться.

— Как Икар? — спросил он, усмехнувшись.

Ньютон рассмеялся.

— Надеюсь, всё же, как Дедал. Тонуть мне что-то не хочется.

Теперь пришёл черёд Брайса стоять. Сядь он, ему пришлось бы смотреть Ньютону в глаза, а этого ему вовсе не хотелось.

— На вашем самолёте? — спросил он.

— Да. Думаю, мы вылетим в рождественское утро. Но только если Бриннар сможет договориться на это время о месте в чикагском аэропорту. Что-то мне подсказывает, что там будет давка.

Брайс уже допивал свой скотч — гораздо быстрее, чем обычно.

— Именно в Рождество — не обязательно, — сказал он.

— Это время — как раз что-то вроде просвета между наплывами.

— Затем он спросил, сам точно не зная, зачем ему это нужно: — Бетти Джо поедет с нами?

Ньютон помедлил с ответом.

— Нет, — сказал он. — Только мы двое.

Брайс несколько утратил чувство реальности — так же он ощущал себя в тот день, когда они вдвоём пили джин и беседовали на берегу озера.

— Она не будет по вас скучать? — спросил он. Конечно, это было не его дело.

— Может быть. — Казалось, Ньютона совсем не задел этот вопрос. — Думаю, я буду скучать по ней не меньше, доктор Брайс. Но она не поедет. — Он немного помолчал, глядя на очаг. — Вы будете готовы выехать в восемь утра? Я пошлю Бриннара вас забрать — если хотите, прямо от вашего дома.

— Прекрасно. — Запрокинув голову, Брайс вылил в рот остатки скотча. — Как долго мы там пробудем?

— Два-три дня. — Ньютон встал и снова начал одеваться. Брайса окатила волна облегчения — он уже чувствовал, что больше не может держать себя в руках. Что там со снимком?...

— Думаю, вам понадобится пара чистых рубашек, — сказал Ньютон. — Все расходы я беру на себя.

— Почему бы нет? — Брайс нервно хохотнул. — Вы же миллионер.

— Именно, — подтвердил Ньютон, застегивая молнию на куртке. Брайс сидел в кресле и смотрел вверх. Ньютон, худой и загорелый, возвышался над ним, словно статуя. — Вот именно. Я миллионер.

Затем он, нагнувшись, прошёл через дверной проём и легко шагнул под падающий снег...

У Брайса от волнения дрожали пальцы, и ему было стыдно за свое нетерпение, когда он снял решетку вентиляции, вытащил камеру, положил её на диван и вынул плёнку. Затем он надел пальто, осторожно положил снимок в карман и направился по снегу, уже довольно глубокому, к лаборатории. Ему стоило боль-

ших усилий не перейти на бег.

Лаборатория была пуста — как хорошо, что он заранее разогнал своих ассистентов. Брайс направился прямиком в комнатау, служащую одновременно фотолабораторией и киноаппаратной. Он не задержался, чтобы включить отопление, хотя помещение уже совсем выстудилось. Он просто не стал снимать пальто.

Вытащив негатив из контейнера газовой проявки, Брайс никак не мог вложить его в проектор — так сильно у него тряслись руки. Но всё-таки он справился.

Когда Брайс включил проектор и взглянул на экран на дальней стене, у него сдавило горло, а руки совсем перестали дрожать. Целую минуту он смотрел на экран. Затем резко отвернулся и вышел из аппаратной в лабораторию — огромное, длинное помещение, пустое и очень холодное. Он насвистывал сквозь зубы мелодию, и почему-то это была «Если б вы знали Сьюзи, как я знаю Сьюзи...»

А потом, один в пустой комнате, он негромко рассмеялся вслух.

— Да, — сказал он, и слово вернулось к нему эхом, отразившись от дальней стены в конце комнаты, вернулось несколько приглушённое, пролетев над стойками с пробирками, газовыми горелками, склянками и тигелями, сушильными печами и испытательными установками. — Да, — повторил он, — да, сэр Румпельштильцхен.

Прежде чем извлечь плёнку из проектора, он снова посмотрел на изображение на стене — окаймлённое тонким контуром кресла изображение неправдоподобного скелета в невероятном теле — без грудины, без копчика, без колеблющихся рёбер. Хрящевые шейные позвонки, крошечные, заострённые лопатки, сросшиеся второе и третье рёбра. Господи, подумал он. Госпо-

ди. Венера, Уран, Юпитер, Нептун или Марс. Господи!

А в нижнем углу плёнки он увидел маленькие, едва различимые буквы: «ВК». И эти буквы, значение которых открылось ему больше года назад, когда он впервые заинтересовался источником цветной плёнки, вдруг явили ему свой пугающий скрытый смысл.

«Всемирная корпорация».

5

В самолёте они почти не разговаривали. Брайс взялся было читать какие-то материалы по металлургическим исследованиям, но мысли его блуждали, и он всё время отвлекался. То и дело он поглядывал в другой конец узкого салона, туда, где сидел Ньютон, невозмутимый, со стаканом воды в одной руке и книгой в другой. Книга называлась «Избранные стихи Уоллеса Стивенса». Лицо Ньютона было безмятежно; казалось, он полностью поглощён своим занятием. Стены салона украшали большие цветные фотографии водных птиц: журавли, фламинго, цапли и утки. Когда Брайс впервые оказался на борту этого самолёта, во время его первого путешествия на стройку, эти картины, расположенные здесь с таким вкусом, привели его в восторг; теперь они заставляли его чувствовать себя неуютно, казались почти зловещими. Ньютон потягивал воду, переворачивал страницы, пару раз улыбнулся Брайсу, но ничего не говорил. В маленьком иллюминаторе позади Ньютона виднелся прямоугольник грязно-серого неба.

Им понадобилось чуть меньше часа, чтобы долететь до Чикаго, и ещё десять минут, чтобы приземлиться. Они сошли с трапа самолёта на стеклянистый снег, ребристый, смёрзшийся и грязный, угодив в столпотворение унылых грузовиков непо-

нятного назначения и толчею решительного вида людей. Ветер будто швырнул Брайсу в лицо целой горстью маленьких иголок. Брайс поглубже зарылся подбородком в шарф, поднял воротник пальто и надвинул пониже шляпу, взглянув при этом на своего спутника. Казалось, холодный ветер пронял даже Ньютона, судя по тому, как он спрятал руки в карманы и поёжился. На Брайсе было тёплое пальто, на Ньютоне — лишь твидовый пиджак и шерстяные брюки. Видеть его в такой одежде было непривычно. Интересно, как бы он выглядел в шляпе, подумал Брайс. Может быть, человеку с Марса пошёл бы котелок?

Их самолёт отбуксировал с поля курносый тягач. Казалось, изящный маленький джет следует за тягачом угрюмо, словно страдая от бесчестья находиться на земле. Кто-то прокричал кому-то «Весёлого Рождества!», и Брайс внезапно вспомнил, что на дворе и впрямь Рождество. Ньютон обогнал его, погружённый в свои мысли, и Брайс последовал за ним, медленно и осторожно переступая через возвышенности и кратеры изо льда под его ногами, похожие на грязно-серую поверхность луны.

В здании аэропорта было жарко, душно, шумно и людно. Посреди зала ожидания стояла гигантская вращающаяся рождественская ёлка из пластика, украшенная пластиковым снегом, пластиковыми сосульками и отвратительно мигающей гирляндой. «Белое Рождество»¹, исполняемое невидимым слашавым хором под колокольца и электронный орган, время от времени взвивалось над гулом толпы: «I'm dream-ing of a white ChriSS-mass...» Старая добрая святочная песня. Спрятанные где-то воздуховоды источали аромат сосны — или пихтового масла, вроде того, каким пользуются в общественных банях. Стояли группами визгливые женщины в мехах, целеустремлённо пересекали

1 «White Christmas» — американская рождественская эстрадная песня, написанная Ирвингом Берлином. Впервые была исполнена Бингом Кросби на Рождество 1941 года.

зал мужчины с портфелями, свёртками и фотоаппаратами. К какой-то пьяный с рябым лицом рухнул в кресло из искусственной кожи. Рядом с Брайсом какой-то ребёнок во всю мочь проорал другому ребёнку: «Сам такой!». Брайс не расслышал ответа. «May your day be merry and bright, and may all your Chrissss-massss-esss be whiiite!»

— Наша машина должна ждать нас у входа, — сказал Ньютон. Что-то в его голосе наводило на мысль о боли.

Брайс кивнул. Они молча протиснулись сквозь толпу и вышли на улицу. Как хорошо было оказаться на холодном воздухе!

Машина с шофером в униформе уже ждала у входа. Когда они удобно устроились внутри, Брайс спросил:

— Как вам Чикаго?

Ньютон коротко взглянул на него и ответил:

— Я и забыл обо всех этих людях. — Он с натянутой улыбкой процитировал Данте: — Ужели смерть столь многих истребила?

Если ты Данте среди проклятых — а ты, наверное, и есть, — то я Вергилий¹, подумал Брайс.

Пообедав в гостиничном номере, они поднялись на лифте в зал, где слонялись делегаты, старательно принимающие вид людей довольных, важных и раскованных. Зал был обставлен мебелью из алюминия и красного дерева в современном японском стиле, который в настоящее время служил заменой элегантности. Несколько часов они провели в разговорах с людьми, с которыми Брайс был шапочно знаком, — и большая часть которых была ему несимпатична; трое из них выказали интерес к работе на Ньютона. Они назначили несколько встреч. Сам Ньютон говорил мало. Когда его представляли, он кивал и улыбался и время от времени

¹ В «Божественной комедии» Данте древнеримский поэт Вергилий выступает в роли его проводника по кругам ада.

делал замечания. Он привлёк некоторое внимание — когда прошёл слух о том, кто он такой, — но, казалось, этого и не заметил. У Брайса создалось явственное впечатление, что Ньютон очень напряжён, хотя лицо его оставалось таким же безмятежным, как всегда.

Их пригласили на коктейльную вечеринку в номере люкс — её устраивала какая-то инженерная фирма (все расходы, конечно, вычитались из налогов). Ньютон принял приглашение. Человек с лицом хорька, пригласивший их на вечеринку, при его согласии, казалось, просиял. Глядя снизу вверх на Ньютона, который был на голову выше него, он проговорил:

— Это большая честь для нас, мистер Ньютон. Большая честь — иметь возможность поговорить с вами.

— Спасибо, — ответил Ньютон с неизменной улыбкой. Когда этот человек отошёл, он обратился к Брайсу: — Теперь я хотел бы прогуляться. Не составите мне компанию?

Брайс с облегчением кивнул.

— Я схожу за пальто.

На пути к лифту ему повстречалась группа из троих мужчин в дорогих деловых костюмах, с важным видом что-то громогласно обсуждавших. Проходя мимо, Брайс услышал, как один из них говорил: «...не только в Вашингтоне. Нет, нельзя сказать, что у химического оружия нет будущего. Эта отрасль нуждается в новых людях».

Несмотря на Рождество, магазины были открыты, а улицы запруженены людьми. Большинство из них смотрели прямо перед собой с застывшим выражением на лицах. Ньютон занервничал: казалось, он воспринимал толпу так, будто это волна или осязаемое энергетическое поле — вроде поля от тысячи электромагнитов, — готовое его поглотить. Складывалось впечатление, что ему стоит больших усилий просто продолжать идти.

Они зашли в несколько магазинов; в каждом на них обрушивались яркий свет и липкая духота.

— Думаю, мне нужно купить подарок для Бетти Джо, — сказал Ньютон.

В конце концов Ньютон купил в ювелирной лавке изящные маленькие часы — белый мрамор и золото. Брайс помог ему отнести ярко упакованную коробку с часами в отель.

— Думаете, они ей понравятся? — спросил Ньюトン.

Брайс пожал плечами:

— Конечно, понравятся.

Начинался снегопад...

Весь день до позднего вечера шли бесконечные собрания, но Ньютон ни словом о них не обмолвился, и Брайс облегчённо вздохнул — он вовсе не жаждал попасть ни на одно из них. Он просто не выносил подобной чепухи — всех этих разглагольствований о «проблемах» и «осуществимых концепциях». Остаток дня они провели, интервьюируя тех троих, кого заинтересовала работа на «Всемирную корпорацию». Двое из них согласились приступить к работе весной — не удивительно, если учесть, какой оклад предложил им Ньютон. Один из них должен был заняться охлаждающими жидкостями для двигателей корабля, другой, весьма способный и приятный молодой человек, должен был поступить в команду Брайса. Он был специалистом по коррозии. Казалось, Ньютон вполне доволен, что заполучил этих двоих, и в то же время было видно, что его это не очень-то волнует. Во время собеседования он был рассеян, и большую часть разговора Брайсу пришлось вести самому. Когда они закончили, Ньютон как будто вздохнул с облегчением. Но что за чувства он испытывал на самом деле, понять было очень сложно. Интересно было бы узнать, что происходит в этом странном, чуждом сознанию и

что скрывает эта машинальная улыбка — эта лёгкая, мудрая, задумчивая улыбка.

Коктейльная вечеринка проходила в пентхаусе. Они вошли через короткую прихожую в просторную комнату с синими коврами. Здесь было полно людей, в основном мужчин, они разговаривали приглушёнными голосами. Одна из стен комнаты состояла целиком из стекла, и огни города усеивали её поверхность, словно некая замысловатая молекулярная модель. Вся мебель была в стиле Людовика XV, и это пришлось Брайсу по душе. Картины на стене тоже были хороши. Из спрятанных где-то динамиков тихо, но отчётиво изливалась барочная фуга — Брайс слышал эту пьесу впервые, но она ему понравилась. Бах? Вивальди? Ему нравилась эта комната, и он почувствовал, что на таких условиях вполне готов вынести эту вечеринку. И всё же эта стеклянная стена и мерцающие на её поверхности огни Чикаго смотрелись здесь несколько неуместно.

Какой-то человек отделился от группы и с обаятельной улыбкой подошёл их поприветствовать. Внезапно Брайс узнал в нём того мужчину, что говорил о химическом оружии. На нём был скроенный точно по фигуре чёрный костюм, и он был уже слегка навеселе.

— Добро пожаловать в наше убежище от обычайтелей, — сказал он, протягивая руку. — Я Фред Бенедикт. Бар вон там. — Он заговорщически кивнул в сторону дверного проёма.

Брайс пожал ему руку, несколько раздосадованный расчётико твёрдым ответным пожатием, и представил себя и Ньютона.

Это произвело на Бенедикта большое впечатление.

— Томас Ньютон! — воскликнул он. — Боже мой, я надеялся, что вы зайдёте. Знаете, за вами ужеочно закрепилась репутация... — Бенедикт смущённо запнулся, — отшельника. — Он

рассмеялся. Ньютон посмотрел на него сверху вниз всё с той же безмятежной улыбкой. Справившись с замешательством, Бенедикт продолжил: — Томас Джей Ньютон — вы знаете, как трудно поверить в то, что вы на самом деле существуете? Моя компания взяла у вас — то есть, у «Всемирной» — в лизинг семь процессов, но единственный мысленный образ, который возникал у меня в связи с вами — это что-то вроде компьютера.

— Может быть, я и есть вычислительная машина, — ответил Ньюトン. И добавил: — Как называется ваша компания, мистер Бенедикт?

На секунду на лице Бенедикта отразилось опасение — а не издеваются ли над ним? Что, подумал Брайс, вполне могло быть правдой.

— Я из «Фьючерс анлимитед». В основном химическое оружие, хотя мы делаем и кое-что из пластика — контейнеры и тому подобное. — Он слегка поклонился от пояса в попытке казаться забавным. — К вашим услугам.

Ньютон ответил:

— Благодарю, — и сделал шаг в направлении дверного проёма, ведущего к бару. — Приятное тут у вас местечко.

— Нам оно тоже нравится. К тому же всё вычитается из налогов. — Как только Ньютон попытался сбежать, он торопливо произнёс: — Позвольте предложить вам напитки, мистер Ньютон. Мне бы хотелось познакомить вас с некоторыми нашими гостями. — Он словно не совсем понимал, что ему делать с этим высоким странным гостем, но боялся отпустить его от себя.

— Не беспокойтесь, мистер Бенедикт, — ответил Ньютон.
— Мы присоединимся к вам позже.

Бенедикт отнюдь не выглядел польщённым, но протестовать не стал.

Войдя в бар, Брайс заметил:

— Я и не знал, что вы так знамениты. Год назад, когда я пытался вас разыскать, никто о вас даже и не слышал.

— Нельзя хранить тайну вечно, — ответил Ньютон, на этот раз без улыбки.

Эта комната была меньше первой, но столь же элегантна. Над полированной стойкой бара висел «Завтрак на траве» Мане. Пожилой седовласый бармен имел даже более утончённый вид, чем учёные и дельцы в соседней комнате. Сидя за стойкой, Брайс обратил внимание на то, какой поношенный костюм на нём сам — серый костюм, купленный четыре года назад в районном универмаге. А ещё он знал, что у его рубашки потёртый воротничок и слишком длинные рукава.

Он заказал мартини, а Ньютон — простую воду без льда. Пока бармен разливал напитки, Брайс окинул взглядом комнату и произнёс:

— Знаете, иногда я думаю, что после защиты диссертации мне надо было устроиться в какую-нибудь фирму вроде этой. — Он сухо рассмеялся. — Я мог бы зарабатывать восемь тысяч в месяц и жить вот так. — Он махнул рукой в сторону другой комнаты, позволив себе на мгновение задержать взгляд на роскошно одетой женщине средних лет с расчётливо сбережённой фигурой и лицом, наводящим на мысль о деньгах и удовольствиях. Зелёные тени для глаз и рот, созданный для секса. — Я мог бы разрабатывать новые виды пластика для пупсиков или смазки для подвесных моторов.

— Или отравляющие газы? — Ньюトン взял свой стакан и, открыв маленькую серебристую коробочку, достал из неё таблетку.

— Почему бы и нет? — Брайс подхватил свой мартини, стараясь его не расплескать. — Кто-то же должен делать отравляющие газы. — Он отпил из своего стакана. Мартини оказался

таким сухим, что обжёг ему язык и горло и заставил его голос понизиться на октаву. — Известно ведь, что нам нужны отравляющие газы, чтобы предотвращать войны? Это же доказано.

— Правда? — откликнулся Ньютон. — Разве вы не работали в своё время над водородной бомбой — до того, как стали преподавать?

— Было дело. Откуда вы знаете?

Ньюトン улыбнулся ему — не машинально, но искренне забавляясь.

— Я наводил справки.

Брайс сделал глоток побольше.

— По поводу чего? Моей благонадёжности?

— Что вы... Простое любопытство. — Ньютон секунду помолчал, а затем спросил: — Зачем вам понадобилось работать над бомбой?

Брайс на минуту задумался. Исповедоваться марсианину в баре — до чего смешная ситуация. Но, возможно, это было как раз то что нужно.

— Сначала я не знал, что это будет бомба, — сказал он. — К тому же в то время я верил в чистую науку. Достичь звёзд... Секреты атома... Наша единственная надежда в мире хаоса... — Он допил свой мартини.

— И вы больше в это не верите?

— Нет.

Музыка в соседней комнате сменилась неуловимо знакомым мадригалом. Изящная мелодия развивалась замысловато, хотя старинная полифоническая музыка всегда производила на Брайса ложное впечатление наивности. Но было ли оно ложным? Разве наряду с утончённым искусством не существовало наивное искусство? А также продажное искусство? И разве это не верно в отношении науки? Может ли химия быть более продажной, чем

ботаника? Нет, вздор. В науке есть какая-то польза, цель...

— Думаю, я тоже нет, — сказал Ньютон.

— Закажу-ка я ещё мартини, — сказал Брайс. Старый добрый, бесспорно продажный мартини. В голове у него всплыли слова: «О вы, маловерные!» Он рассмеялся своим мыслям и взглянул на Ньютона. Тот пил свою воду, сидя с прямой спиной.

На этот раз мартини уже не так обжёг горло, и Брайс заказал ещё стакан. В конце концов, платит торговец химическим оружием. Или налогоплательщики? Это как посмотреть. Брайс пожал плечами. Как бы то ни было, каждый заплатит за всё. Марс и Массачусетс — всем и повсюду придётся платить.

— Вернёмся в другую комнату, — предложил Брайс. Взяв очередной стакан мартини, он аккуратно отпил из него, стараясь не разлить. Его взгляд упал на манжеты рубашки, целиком покававшиеся из-под рукавов его пиджака словно широкие потёртые наручники.

Когда они подошли к двери в большую комнату, путь им преградил низенький коренастый человек, который что-то вёщал с оживлением подвыпившего. Брайс спешно отвернулся, надеясь, что этот человек его не узнает. Это был Уолтер Канутти из Университета Пендли в Айове.

— Брайс! — воскликнул Канутти. — Будь я проклят! Натан Брайс!

— Здравствуйте, профессор Канутти. — Брайс неловко переложил стакан с мартини в левую руку, и они обменялись рукопожатием. Лицо Канутти пылало — очевидно, он был уже хорошо навеселе. На нём был зелёный шёлковый пиджак и кремовая рубашка со скромными оборками на воротнике. Этот наряд был для него уж слишком юношеским. Если не обращать внимания на его розовые пухлые щёки, он походил на манекенщика с обложки журнала мужской моды. Брайс постарался скрыть отвращение в

голосе.

— Приятно видеть вас снова!

Канутти вопросительно посмотрел на Ньютона, и Брайсу ничего не оставалось, как представить их друг другу. Он запутался в именах и разозлился на себя за неуклюжесть.

На Канутти имя Ньютона произвело ещё большее впечатление, чем на Бенедикта. Он потряс руку Ньютона обеими руками, говоря при этом:

— Да! Да, конечно! «Всемирная корпорация»! Крупнейшая со времён «Дженерал динамикс»! — Он так льстил, будто надеялся на выгодный исследовательский контракт для Пендли. Для Брайса всегда было кошмаром видеть, как профессора пресмыкаются перед бизнесменами — теми самыми людьми, которых они высмеивают в приватных беседах, — всякий раз, когда на горизонте замаячит исследовательский контракт.

Ньютон в ответ что-то пробормотал и улыбнулся, и в конце концов Канутти отпустил его руку, сделал попытку по-мальчишески усмехнуться и сказал:

— Ну! — Он закинул руку на плечо Брайса. — Да, много воды утекло, Нэйт. — Внезапно его осенила какая-то мысль, и Брайс внутренне содрогнулся от дурного предчувствия. Канутти посмотрел сначала на Брайса, потом на Ньютона и спросил: — Что, Нэйт, ты работаешь на «Всемирную корпорацию»?

Брайс ничего не ответил, заранее зная, что будет дальше.

За него ответил Ньютон:

— Доктор Брайс с нами уже больше года.

— Ну, будь я... — Лицо Канутти над оборачтым воротником стало пунцовым. — Будь я проклят! Работает на «Всемирную корпорацию»! — Выражение неудержимого веселья разлилось по его полнощёкому лицу, и Брайс, допив мартини залпом, почувствовал, что готов припечатать это лицо каблуком. Усмешка

перешла в хихиканье, а затем Канутти повернулся к Ньютону и заявил: — Ой, как же это забавно! Я просто должен вам об этом рассказать, мистер Ньютон. — Он снова захихикал. — Нэйт не обидится, я уверен, ведь это дело прошлое. Но знаете, мистер Ньютон, когда Нэйт уходил от нас, из Пендли, он чуть голову себе не сломал над теми штуками, которые он, наверное, теперь помогает вам делать во «Всемирной корпорации».

— Вот как? — отозвался Ньютон, чтобы заполнить паузу.

— Но соль вот в чём. — Канутти неуклюже вытянул руку и положил её на плечо Брайса. Брайс почувствовал, что готов её отгрызть, но как заворожённый внимал тому, что, как он знал, за этим последует.

— Соль в том, что наш старик Нэйт думал, что все эти штуковины, которые вы делаете, вы производите при помощи какого-то вуду. Правда, Нэйт?

— Точно, — поддакнул Брайс. — Вуду.

Канутти засмеялся.

— Нэйт один из лучших людей в своей области, как вы наверняка уже знаете, мистер Ньюトン. Но, наверное, что-то ударило ему в голову. Он решил, что ваша цветная плёнка изобретена на Марсе.

— Да что вы? — сказал Ньютон.

— Вот-вот, на Марсе или где-нибудь ещё. «На другой планете» — вот что он сказал. — Канутти сжал плечо Брайса, чтобы показать, что не хотел его обидеть. — Держу пари, когда он встретил вас впервые, он ожидал увидеть существа с тремя головами. А то и со щупальцами.

Ньютон улыбнулся от всего сердца.

— Это и правда забавно. — Он посмотрел на Брайса. — Простите, что разочаровал вас, — добавил он.

Брайс отвёл взгляд.

— Отнюдь не разочаровали, — ответил он. Руки у него дрожали. Он поставил свой стакан на столик и с трудом засунул их в карманы.

Канутти снова заговорил, на этот раз о какой-то журнальной статье, которую он прочёл, — что-то о корпорации Ньютона и её вкладе в валовой национальный продукт. Внезапно Брайс перебил его.

— Прошу прощения, — сказал он. — Думаю, я возьму себе ещё чего-нибудь выпить. — Он развернулся и быстро пошёл назад в бар, ни на кого из них при этом не взглянув.

Но получив свой напиток, Брайс расхотел его пить. Бар вдруг стал действовать на него угнетающе; бармен больше не выглядел утончённым, а казался всего лишь манерным лакеем. Музыка, доносившаяся из соседней комнаты, — на этот раз многоголосое песнопение — казалась надрывной и пронзительной. В баре было слишком много людей, а голоса их звучали чересчур громко. Брайс огляделся вокруг, будто в безумии: все мужчины были холёными и самодовольными, женщины походили на гарпий. «К чёрту всё», подумал он. «К чертям всё это». Он оттолкнулся от стойки и, оставив напиток нетронутым, решительно направился обратно в главную комнату.

Ньютон ждал его в одиночестве.

Брайс посмотрел ему прямо в глаза, стараясь не отвести взгляд.

— Где Канутти? — спросил он.

— Я сказал ему, что мы уходим. — Ньютон пожал плечами в этом невозможном французском жесте, который Брайс замечал за ним и раньше. — Неприятный человек, правда?

Брайс ещё какое-то время смотрел на Ньютона, в его глаза, в которых ничего нельзя было прочесть. Затем сказал:

— Уйдёмте отсюда.

Бок о бок, не говоря ни слова, они прошли по длинному, покрытому тяжёлыми коврами коридору в свою комнату. Брайс открыл дверь своим ключом и, пропустив Ньютона вперёд, закрыл её за собой. Затем спросил спокойным, ровным голосом:

— Так вы с другой планеты?

Ньютон сел на краешек кровати, устало улыбнулся и ответил:

— Конечно я с другой планеты.

Что тут можно было сказать? Брайс поймал себя на том, что как заведённый повторяет: «Господи Иисусе! Господи Иисусе!» Он опустился в кресло и уставился на свои ботинки.

— Господи Иисусе.

Довольно долго сидел он так, глядя на свои ботинки. Да, он уже всё знал, но услышать это своими ушами оказалось ещё одним потрясением.

Ньютон спросил:

— Не хотите чего-нибудь выпить?

Брайс поднял взгляд на Ньютона и внезапно рассмеялся.

— Господи, да.

Ньютон дотянулся до телефона у кровати и вызвал коридорного. Он заказал две бутылки джина, вермут и лёд. Повесив трубку, он заявил:

— Давайте напьёмся, доктор Брайс. Разве это не повод?

Пока не пришёл коридорный, привезя с собой тележку со спиртным, льдом и кувшином мартини, они ни о чём не говорили. На тележке стоял поднос с двумя блюдцами — на одном был коктейльный лук, лимонная цедра и зелёные оливки, на другом — орешки. Когда коридорный ушёл, Ньютон попросил:

— Не могли бы вы разлить напитки? Я буду неразбавленный джин. — Он всё ещё сидел на краю кровати.

— Конечно. — Брайс поднялся. У него закружилась голо-

ва. — Это Марс?

Голос Ньютона прозвучал как-то странно. А может быть, просто Брайс был пьян?

— Разве это имеет значение?

— Конечно, имеет. Вы с этой... солнечной системы?

— Да. Насколько я знаю, других не существует.

— Нет других планетарных систем?

Ньютон взял стакан джина, протянутый Брайсом, и задумчиво держал его в руке.

— Только звёзды, — сказал он, — ни одной планеты. По крайней мере, ни одной, о которой бы я знал.

Брайс помешивал мартини. Его руки больше совсем не дрожали — он перешагнул через некий порог. Он чувствовал, что больше ничто не сможет его взволновать, ничто не сможет потрясти.

— Как давно вы здесь? — спросил он, продолжая помешивать мартини и слушая, как лёд позвякивает о стенки кувшина.

— Разве вы ещё недостаточно мешали свой напиток? — спросил Ньютон. — Лучше пейте. — Он сделал глоток из своего стакана. — Я на вашей Земле уже пять лет.

Брайс перестал размешивать мартини и налил его в стакан. Затем, поддавшись внезапному порыву, он бросил туда три оливки. Немного мартини расплескалось на белую льняную салфетку на тележке, оставив мокрые пятна.

— Вы собираетесь остаться? — спросил он. Прозвучало это так, будто он расспрашивает другого туриста, сидя за столиком в парижском кафе. Не хватало только фотоаппарата на шее у Ньютона.

— Да, я собираюсь остаться.

Сев, Брайс заметил, что его взгляд блуждает по комнате.

Это была приятная комната с бледно-зелёными стенами, на которых висели картины невинного содержания.

Он перевёл взгляд на Ньютона. Томаса Джерома Ньютона, с Марса. С Марса или откуда-то ещё.

— Вы человек? — спросил Брайс.

Стакан Ньютона уже наполовину опустел.

— Вопрос толкования, — ответил он. — Как бы то ни было, во мне достаточно от человека.

Брайс хотел спросить: «Достаточно для чего?», но передумал. Пора было переходить ко второму главному вопросу, ведь ответ на первый он уже получил.

— Зачем вы здесь? — спросил он. — Что вы задумали?

Ньютон встал, налил себе ещё джина и снова сел на кровать. Он посмотрел на Брайса, мягко держа стакан в своей тонкой руке.

— Я не уверен, что знаю, зачем я здесь, — ответил он.

— Как это — не уверены, что знаете? — переспросил Брайс.

Ньютон поставил стакан на прикроватный столик и начал снимать ботинки.

— Поначалу я думал, что знаю. Первые два года на Земле я был занят, очень занят. Но в прошедшем году у меня появилось больше времени для размышлений. Может быть, даже слишком много. — Он аккуратно поставил ботинки под кровать. Затем вытянул свои длинные ноги на спинку кровати и откинулся на подушку.

Что и говорить, в этой позе он выглядел весьма по-человечески.

— Для чего предназначен корабль? Это ведь корабль, а не просто исследовательский аппарат, не так ли?

— Это корабль. Точнее говоря, паром.

Какое-то время после разговора с Канутти Брайс чувствовал себя оглушённым, всё казалось ему нереальным. Но теперь к нему начало возвращаться понимание действительности, и учёный внутри него вновь заявил о себе. Он отставил стакан, решив пока больше не пить. Сейчас важно было сохранять ясность мысли. Но когда он ставил стакан, рука его дрожала.

— Значит, вы рассчитываете привезти сюда других ваших... людей? На этом пароме?

— Да.

— Есть здесь кто-то ещё кроме вас?

— Я здесь один.

— Но зачем строить корабль здесь? Наверняка они у вас уже есть — там, откуда вы прибыли. Вы же сами как-то сюда попали.

— Я прилетел сюда на одноместном катере. Понимаете, проблема в топливе. Его хватило лишь на то, чтобы послать одного из нас, и только в один конец.

— Ядерное топливо? Уран или что-то подобное?

— Да. Разумеется. Но у нас почти ничего не осталось. Ни нефти, ни угля, ни гидроэлектроэнергии. — Ньютон улыбнулся.

— У нас есть, наверное, сотни кораблей гораздо больших размеров, чем тот, что мы строим в Кентукки, но нет возможности доставить их сюда. Ими не пользовались уже больше пятисот ваших лет. Тот, на котором я прилетел, вовсе не был предназначен для межпланетных перелётов. Он был задуман как аварийное судно — спасательная шлюпка. После приземления я уничтожил двигатели и контрольный пульт, оставив в поле пустую оболочку. Я видел заметки в газетах о том, что какой-то фермер берёт по пятьдесят центов с носа за показ. Он построил над оболочкой навес и продает там безалкогольные напитки. Я желаю ему всего наилучшего.

— А это не опасно?

— Думаете, меня обнаружит ФБР или кто-то ещё? Вряд ли. Самое плохое, что может случиться — это какая-нибудь статейка в воскресном издании о возможном вторжении из космоса. Но для читателей воскресных газет всегда найдётся что-нибудь более диковинное, чем оболочка от космического корабля, обнаруженная в полях Кентукки. Я не думаю, чтобы кто-нибудь влиятельный принял это всерьёз.

Брайс внимательно посмотрел на Ньютона.

— А что, «вторжение из космоса» — это всего лишь чепуза?

Ньютон расстегнул воротник рубашки.

— Полагаю, что да.

— Тогда зачем вашим людям понадобилось лететь сюда? В качестве туристов?

Ньютон рассмеялся.

— Не совсем. Мы могли бы вам помочь.

— В чём? — Почему-то Брайсу не понравился тон Ньютона. — Помочь нам в чём?

— Если поторопимся, мы можем спасти вас от самоуничтожения. — Затем, как только Брайс заговорил, он перебил его: — Позвольте мне выговориться. Думаю, вы даже не представляете, какое удовольствие мне доставляет говорить об этом — говорить долго. — Ньютон больше не притронулся к своему стакану, с тех пор как лёг на кровать. Он сложил ладони на животе и, мягко глядя на Брайса, продолжил: — Знаете, у нас тоже были войны. Гораздо больше войн, чем было у вас, и мы выжили лишь чудом. Бомбы — вот куда ушли все наши радиоактивные материалы. Мы были очень могущественным народом, очень могущественным... Но это было давно. Теперь мы едва выживаем. — Он опустил взгляд на свои руки, как бы в раздумье. — Забавно — в большин-

стве ваших романов о жизни на других планетах предполагается, что на каждой планете есть только один разумный вид, один тип общественного устройства, один язык, одно правительство. У нас на Антее — наша планета называется Антея, хотя, конечно, в ваших астрономических атласах у неё другое название — когда-то существовало три разумных вида и семь основных правительств. Теперь остался, можно сказать, только один вид — мой собственный. Мы уцелели — после пяти войн с применением атомного оружия. И нас осталось не так уж много. Но мы много знаем о ведении войн. И у нас серьёзные технические знания. — Ньютон не отрывал взгляда от своих рук, а голос его звучал монотонно, будто он произносил давно заготовленную речь. — Я здесь уже пять лет, и у меня собственности больше, чем на триста миллионов долларов. За следующие пять лет я удвою эту сумму. И это только начало. Если план осуществится, то со временем эквивалент «Всемирной корпорации» появится в каждой крупной стране. Затем мы вмешаемся в политику. И в оборону. Мы многое знаем об оружии и о защите от него. Вашему оружию ещё далеко до совершенства. Мы можем, к примеру, обманывать радары — что было совершенно необходимо во время моего приземления и будет ещё нужнее для возвращения парома. Мы можем создать энергетическую систему, предотвращающую взрыв любого вашего атомного оружия в радиусе пяти миль.

— Думаете, этого будет достаточно?

— Я не знаю. Но моё начальство — не дураки, а они считают, что это может быть сделано. Пока мы держим нашу технику и знания под контролем, выстраиваем экономику маленькой страны здесь, скупаем излишки продовольствия там, запускаем промышленность где-то ещё, даём одному народу оружие, а другому защиту от него...

— Чёрт возьми, но вы же не боги.

— Нет. Но спасали ли вас когда-нибудь ваши боги?

— Я не знаю. Нет, конечно нет. — Брайс зажёг сигарету. Это удалось ему с третьей попытки: его руки просто отказывались быть твёрдыми. Он сделал глубокую затяжку, пытаясь успокоиться. Он чувствовал себя словно софомор¹, разглагольствующий о судьбах человечества. Но этот разговор не был таким уж абстрактным философствованием. — Разве у человечества нет права избрать свой собственный способ саморазрушения? — спросил он.

Прежде чем ответить, Ньютон немного помолчал.

— Вы и вправду верите, что у человечества есть такое право?

Брайс положил недокуренную сигарету в пепельницу.

— Да. Нет... Я не знаю. Разве нет такого понятия, как судьба человечества? Право осуществить себя, прожить свою собственную жизнь и принять все последствия? — Брайса внезапно пронзила мысль, что Ньютон — единственное связующее звено с — как он её назвал? — Антеей. Если убить Ньютона, то его план не сможет воплотиться, и всё будет кончено. А Ньютон слаб, очень слаб. На минуту эта мысль захватила его: он, Брайс, был в шаге от того, чтобы стать героем из героев — человеком, который спасёт мир тяжёлым ударом кулака. Звучало это весьма забавно, но Брайсу было не до смеха.

— Может быть, и есть такое понятие, как судьба человечества, — ответил Ньютон. — Но мне почему-то думается, что она будет похожа на судьбу странствующего голубя². Или на судьбу этих больших существ с маленькими мозгами — кажется,

1 Софомор — студент второго курса, буквально — «мудродур» (от греч. «сοφία» — «мудрость» и «μορία» — «глупость»).

2 Странствующий голубь — вымершая птица семейства голубиных. До XIX века являлась одной из самых распространённых птиц на Земле.

их называют динозаврами.

Прозвучало это несколько надменно.

— Совсем необязательно, что мы вымрем. Уже подписан договор о разоружении. Не все из нас безумны.

— Но большинство из вас — да. Достаточное количество — хватит и нескольких безумцев в нужных местах. Кажется, ваш Гитлер был одержим термоядерными бомбами и межконтинентальными ракетами? Разве не применил бы он их, невзирая на последствия? Ближе к концу ему нечего было терять.

— Откуда мне знать, что ваши антейцы не станут гитлерами?

Ньютон отвёл взгляд.

— Это возможно, но маловероятно.

— Вы из демократического общества?

— У нас на Антее нет ничего похожего на демократическое общество. Нет у нас и демократических социальных институтов. Но у нас нет намерения управлять вами, даже если бы это было возможно.

— Тогда как же вы это назовёте, — возразил Брайс, — если вы планируете, что группа антейцев будет манипулировать людьми и правительствами по всей земле?

— Мы могли бы называть это так, как только что назвали вы — манипуляция, или руководство. Но это не сработает. Не сработает вовсе. Скорее вы взорвёте ваш мир, или обнаружите нас и начнёте охоту на ведьм — мы ведь уязвимы. Даже если мы получим большую власть, мы не можем контролировать каждую случайность. Но мы можем снизить вероятность появления гитлеров и защитить ваши главные города от разрушения. И это, — он пожал плечами, — больше, чем можете сделать вы.

— И вы хотите сделать это, только чтобы нам помочь? — Брайс уловил в собственном голосе язвительную нотку и понаде-

ялся, что Ньютон её не заметит.

— Если Ньютон и обратил внимание, то не подал виду.

— Конечно нет. Мы хотим спастись сами. Но, — улыбнулся он, — мы не желаем, чтобы индейцы спалили нашу резервацию, как только мы в ней обоснуемся.

— От чего вы спасаетесь?

— От вымирания. У нас почти не осталось воды, топлива, природных ресурсов. У нас есть солнечная энергия — немного, ведь мы так далеко от Солнца, — и у нас ещё сохранились большие запасы еды. Но и они истощаются. Нас осталось меньше трёхсот.

— Меньше трёхсот? Господи, да вы почти стёрли себя с лица земли!

— Что верно, то верно. Полагаю, если мы не придём, это скоро случится и с вами.

— Может быть, вам и стоит прийти, — сказал Брайс. — Может, и стоит. — У него ком встал в горле. — Но если что-нибудь... случиться с вами до того, как корабль будет построен? Ведь это будет конец?

— Да. Это будет конец.

— Не найдётся топлива для другого корабля?

— Нет.

— Тогда, — сказал Брайс, ощущив прилив возбуждения, — что может помешать мне остановить всё это — это вторжение, или манипуляцию? Может быть, мне стоит вас убить? Вы очень слабы, я знаю. Думаю, у вас кости, как у птицы, судя по тому, что мне говорила Бетти Джо.

Лицо Ньютона оставалось совершенно невозмутимым.

— Вы хотите меня остановить? Вы совершенно правы — вы можете свернуть мне шею, как цыплёнку. Хотите? Теперь, когда вы знаете, что моё имя — Румпельштильчхен, хотите ли вы

выгнать меня из дворца?

— Я не знаю. — Брайс опустил глаза.

Ньютон мягко произнёс:

— Румпельштильцхен превращал солому в золото.

Внезапно разгневавшись, Брайс поднял взгляд.

— Да. Но он пытался украсть у принцессы ребёнка.

— Конечно, пытался, — сказал Ньютон. — Но если бы он не перепрял солому в золото, принцесса умерла бы. И никакого ребёнка вообще бы не было.

— Ладно, — ответил Брайс. — Я не стану сворачивать вам шею, чтобы спасти мир.

— Знаете что? — сказал Ньютон, — Теперь я почти желаю, чтобы вы могли. Для меня всё стало бы гораздо проще. — Он помолчал. — Но вы не можете.

— Почему не могу?

— Думаете, отправляясь в ваш мир, я не подготовился к возможности разоблачения? Хотя я и не собирался никому рассказывать то, что рассказал вам. Но случилось уже столько всего, чего я никак не ожидал. — Он снова опустил взгляд на руки, будто бы изучая свои ногти. — Так или иначе, у меня есть оружие. Я всегда ношу его с собой.

— Антейское оружие?

— Да. Весьма эффективное. Вы не успеете даже пересечь комнату, чтобы добраться до моей кровати.

Брайс судорожно вздохнул.

— Как оно работает?

Ньютон ухмыльнулся.

— Разве конкуренты делятся своими секретами? — парировал он. — Не пора ли пустить его в ход?

То, как Ньютон это произнёс, — не ирония, и не псевдо-зловещее выражение самого вопроса, но еле уловимая стран-

ность в его манере говорить — напомнило Брайсу о том, что всё-таки он имеет дело не с человеком. Искусный внешний налёт человечности, который Ньютон напускал на себя, вероятно, был всего лишь тем, чем и казался: очень тонким налётом. То, что за ним скрывалось, — самая сущность Ньютона, его особенная антийская природа — скорее всего, было непостижимо не только для него, Брайса, но и ни для кого на Земле. То, как Ньютон чувствовал или думал на самом деле, по-видимому, было выше его понимания, совершенно ему недоступно.

— Каким бы ни было ваше оружие, — произнёс Брайс более осторожно, — я надеюсь, вам не придётся его применять. — Затем он снова огляделся вокруг в этом просторном гостиничном номере, посмотрел на почти нетронутый поднос со спиртным и снова на Ньютона, полулежащего на кровати. — Бог мой! — сказал он. — Невероятно — сидеть в этой комнате и думать, что разговариваешь с инопланетянином.

— Да, — отозвался Ньютон. — Я как раз думал о том же. Знаете ли, я ведь тоже разговариваю с инопланетянином.

Брайс встал и потянулся. Затем он подошёл к окну, раздвинул шторы и посмотрел вниз, на улицу. Повсюду сияли автомобильные огни — почти неподвижные. Огромный, ярко освещенный рекламный щит прямо напротив отеля изображал Санта Клауса, пьющего кока-колу. Грозди мерцающих ламп заставляли Санту подмигивать, а его напиток —искриться. Где-то в отдалении куранты еле слышно наигрывали рождественский гимн «Придите к младенцу».

Брайс снова повернулся к Ньютону, который лежал всё в той же позе.

— Зачем вы рассказали? Вы были не обязаны.

— Мне хотелось рассказать. — Ньюトン улыбнулся. — В последнее время я вовсе не уверен в своих мотивах. Я не знаю,

почему мне захотелось вам всё рассказать. Антейцы не всезнающие. В любом случае, вы были уже в курсе.

— Вы имеете в виду то, что сказал Канутти? С моей стороны это мог быть всего лишь выстрел наугад. И я вполне мог промахнуться.

— Я не о том, что сказал профессор Канутти. Хотя я нахожу вашу реакцию на его слова уморительной; я думал, вас хватит апоплексический удар, когда он произнёс слово «Марс». Однако это ваша вина, что он завёл этот разговор, а не моя.

— Почему не ваша?

— Ну, доктор Брайс, между мной и вами есть много различий, о которых вы вряд ли осведомлены. Одно из них заключается в том, что моё зрение гораздо острее вашего и его рабочий диапазон частот лежит значительно выше. Это означает, что я не могу видеть цвет, который вы называете красным. Но я могу видеть рентгеновские лучи.

Брайс открыл было рот, чтобы заговорить, но ничего не сказал.

— Однажды я видел вспышку, — продолжал Ньютон. — Нетрудно было догадаться, что вы делаете. — Он с любопытством посмотрел на Брайса. — Как вышел снимок?

Брайс почувствовал себя словно уличённый школьник.

— Снимок получился… примечательный.

Ньютон кивнул.

— Так я и думал. Если бы вы могли видеть мои внутренние органы, вас бы ожидало ещё несколько сюрпризов. Мне довелось однажды посетить музей естествознания в Нью-Йорке. Весьма познавательное место для… для туриста. Мне тогда пришло на ум, что в этом здании я единственный по-настоящему уникальный биологический вид. Я представил себя замаринованным в банке с надписью на этикетке: «Инопланетный гумано-

ид». Я немедленно покинул это место.

Брайс не смог удержаться от смеха. Да и Ньютон, после того как сделал своё признание, казался более открытым, парадоксальным образом более «человеком» — теперь, когда дал понять, что по существу таковым не является. Его лицо стало более выразительным, а поведение более непринуждённым, чем Брайс когда-либо за ним замечал. Но намёк на другого Ньютона, совершенно антейского Ньютона, чужого и недосягаемого, никуда не исчез.

— Вы собираетесь вернуться на вашу планету? — спросил Брайс. — На корабле?

— Нет. В этом нет необходимости. Кораблём будут управлять с Антеи. Боюсь, я здесь в вечном изгнании.

— Вы скучаете по вашим... вашему народу?

— Скучаю.

Брайс вернулся к своему креслу и снова сел.

— Но вы их скоро увидите?

Ньюトン поколебался.

— Возможно.

— Почему возможно? Что-то может пойти не так?

— Я не думал об этом. Я уже говорил вам, что совсем не уверен в том, что собираюсь делать.

Брайс посмотрел на него озадаченно.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Ну, — слабо улыбнулся Ньютон, — некоторое время назад я решил не завершать план, не посыпать никуда корабль — даже не доводить до конца его сооружение. Нужно лишь отдать приказ.

— Ради бога, почему?

— О, план был разумный, хоть и отчаянный. Но что нам ещё оставалось? — Ньютон смотрел на Брайса, но словно бы не

видел его. — Как бы то ни было, я начал сомневаться в его конечной ценности. В вашей культуре, в вашем обществе есть кое-что, о чём мы не подозревали. Знаете, доктор Брайс, — подвинувшись на кровати, Ньютон наклонился к Брайсу, — мне иногда начинает казаться, что в ближайшие пару лет я сойду с ума. Я не уверен, что мой народ сможет выдержать жизнь в вашем мире. Мы слишком долго жили в башне из слоновой кости.

— Но вы могли бы изолировать себя от остального мира. У вас же есть деньги — вы могли бы остаться сами по себе, создать своё собственное общество. — Что это он делает? Защищает антейское... вторжение? Ведь буквально только что оно его поразило и напугало! — Вы могли бы построить в Кентукки свой собственный город.

— И ждать, когда упадут бомбы? Тогда уж лучше остаться на Антее. Там мы сможем прожить ещё по меньшей мере пятьдесят лет. Если мы собираемся жить здесь, это не будет обособленной колонией отщепенцев. Мы должны будем рассеяться по всему миру и внедриться на места влияния. Иначе было бы глупо с нашей стороны прилетать сюда.

— Что бы вы ни делали, вы одинаково рискуете. Если вы боитесь вступать с нами в тесный контакт, может быть стоит поставить на то, что мы сами решим свои проблемы? — Брайс криво улыбнулся. — Будьте нашими гостями!

— Доктор Брайс, — сказал Ньютон без улыбки на лице, — мы гораздо мудрее вас. Поверьте мне, мы гораздо мудрее, чем вы можете себе представить. И мы уверены, вне всяких разумных сомнений, что если предоставить вас самим себе, то не позже чем через тридцать лет ваш мир превратится в кучу радиоактивного щебня. — Он мрачно продолжил: — Сказать по правде, нас приводит в ужас то, что вы готовы сотворить с таким прекрасным, плодородным миром. Мы разрушили наш уже очень давно, но

мы изначально имели гораздо меньше, чем имеете вы. — Ньютон заговорил взволнованным голосом, движения его сделались напряжёнными. — Да понимаете ли вы, что не только погубите свою цивилизацию (уж какую ни на есть) и перебьёте большую часть населения, так вы ещё и отравите рыбу в реках, зверей в лесах, птиц в небе, почву, воду? Иногда вы для нас словно стая обезьян, которых пустили с ножами и молотками в музей, и они тотчас же принялись резать полотна и крошить статуи.

Некоторое время Брайс молчал. Затем ответил:

— Но те, кто нарисовал картины и изваял статуи, — это были люди.

— Лишь немногие из них, — возразил Ньютон. — Лишь немногие. — Внезапно он встал и произнёс: — Думаю, я сыт Чикаго по горло. Не хотите отправиться домой?

— Сейчас? — Брайс посмотрел на часы. Попретьяго утра! Рождество уже прошло.

— Думаете, вы заснёте сегодня ночью? — спросил Ньютон.

Брайс пожал плечами.

— Вряд ли. — И, вспомнив, что ему говорила Бетти Джо, спросил: — Вы ведь вообще не спите, правда?

— Иногда сплю, — ответил Ньютон, — но не часто. — Он сел на кровати рядом с телефоном. — Я должен разбудить нашего пилота. И ещё нам нужна машина, чтобы добраться до аэропорта...

Раздобыть машину оказалось непросто — они прибыли в аэропорт лишь к четырём утра. К этому времени на Брайса навалилась дремота, а в ушах появился лёгкий звон. Ньютон не вызывал никаких признаков усталости. По его лицу, как всегда, нельзя было прочесть ни одной мысли.

В аэропорту была неразбериха, и взлёт откладывался не-

сколько раз. Когда они наконец взлетели над озером Мичиган, уже начала заниматься нежная розовая заря.

Когда они прибыли в Кентукки, уже рассвело — начинался ясный морозный день. Первым, что они увидели, заходя на посадку, был ослепительно сияющий корпус корабля — или парома. В лучах утреннего солнца он походил на гладко отполированный монумент. А вслед за тем, пролетая над аэродромом, они увидели кое-что неожиданное. На дальнем конце взлётно-посадочной полосы, рядом с ангаром Ньютона, грациозно возвышался белый самолёт великолепной обтекаемой формы. Он был в два раза больше того, на котором летели они. На его крыльях виднелась маркировка американских военно-воздушных сил.

— Хм, — сказал Ньютон, — интересно, кто приехал нас навестить.

Им пришлось миновать белый самолёт на пути к монорельсу, и, поравнявшись с ним, Брайс невольно поразился его красоте — его изящным пропорциям и грации очертаний.

— Если бы только мы всё могли делать так же красиво, — произнёс он.

Ньютон тоже смотрел на самолёт.

— Но вы не можете, — сказал он.

В кабине монорельса они ехали молча. У Брайса от усталости начало ломить руки и ноги, но его разум переполняли чёткие, живые образы, идеи, наполовину оформленные мысли.

Брайс собирался пойти домой, но когда Ньюトン пригласил его к себе на завтрак, он согласился. Это было проще, чем самому искать себе пропитание.

Бетти Джо была уже на ногах, на ней было оранжевое кимоно, волосы собраны под шёлковую косынку. Лицо у неё было озабоченное, а глаза — красные и припухшие. Открыв дверь, она сказала:

— Здесь какие-то люди, мистер Ньютон. Я не знаю... —
Она умолкла.

Они прошли мимо неё в гостиную. В креслах сидело пятеро мужчин. Когда Ньюトン и Брайс вошли в комнату, они поспешили встали.

В центре группы стоял Бриннар. Кроме него там было трое мужчин в штатском, а четвёртый, в синей униформе, очевидно, был пилотом BBC. Бриннар бегло представил их Ньютону. Затем Ньютон, не садясь, спросил:

— Долго вы нас ждали?

— Нет, — ответил Бриннар, — вовсе нет. На самом деле, нам пришлось задержать вас в аэропорту Чикаго до нашего прибытия. Время было рассчитано очень точно. Надеюсь, этой задержкой мы не причинили вам слишком больших неудобств?

У Ньютона ни один мускул не дрогнул на лице.

— Как вам удалось это проделать?

— Что ж, мистер Ньютон, — сказал Бриннар. — Я из Федерального бюро расследований. Эти люди — мои коллеги.

Ньютон произнёс с лёгкой запинкой:

— Это весьма любопытно. Так значит вы... шпион?

— Боюсь, что да. Как бы то ни было, мистер Ньютон, мне приказано взять вас под арест и привезти с собой.

Ньютон вздохнул — медленно, глубоко и очень по-человечески.

— За что меня арестовывают?

Бриннар вежливо улыбнулся.

— Вы обвиняетесь в незаконном въезде в страну. Мы думаем, что вы иностранец, мистер Ньютон.

Некоторое время Ньютон стоял молча. Затем спросил:

— Могу я сначала позавтракать?

Бриннар немножко поколебался, затем улыбнулся с неожи-

данной благодушностью.

— Не вижу причин для отказа, мистер Ньютон, — ответил он. — Думаю, нам можно присоединиться? Мои коллеги лежали сюда из Луисвилла. Им всем пришлось встать в четыре утра, чтоб совершить этот арест.

Бетти Джо приготовила омлет и кофе. Пока они завтракали, Ньюトン вскользь поинтересовался, может ли он позвонить своему адвокату.

— Боюсь, что нет, — ответил Бриннар.

— Разве нет такого конституционного права?

— Есть. — Бриннар отставил свою чашку. — Но лично у вас нет никаких конституционных прав. Как я уже говорил, мы считаем, что вы не являетесь гражданином Соединённых Штатов Америки.

Ньютон отложил книгу. Через несколько минут должен был прийти доктор, к тому же ему всё равно не читалось. За две недели заключения он мало чем занимался кроме чтения, если не считать тех моментов, когда его осматривали врачи — физиологи, антропологи, психиатры — или допрашивали люди в строгих костюмах — должно быть, правительственные чиновники. Они никогда не говорили ему кто они такие, сколько бы он ни спрашивал. Он перечитал Спинозу, Гегеля, Шпенглера, Китса, Новый Завет и принял за несколько новых книг по лингвистике. Ему приносили всё, чего бы он ни попросил, — очень быстро и с подчёркнутой вежливостью. Кроме того, здесь был музыкальный проигрыватель, который он включал нечасто, коллекция кинофильмов, телевизор от «Всемирной корпорации» и бар — но ни одного окна, сквозь которое можно было бы увидеть Вашингтон. Ему сказали, что они где-то неподалёку от города, но не уточнили насколько близко. По вечерам он смотрел телевизор — отчасти из ностальгии, иногда из любопытства. Временами его имя упоминалось в новостных сводках — правительство не могло без шума посадить под замок человека его благосостояния. Но эти упоминания всегда были неопределёнными, исходили из неназванных официальных источников и содержали фразы вроде

«находится под подозрением». Говорили, что он «незарегистрированный иммигрант», но ни один из официальных источников не разъяснял, откуда он прибыл — или откуда, по их мнению, он мог прибыть. Один телевизионный комментатор, известный своим сдержанным остроумием, ехидно заявил: «Из всего, что мы услышали со стороны Вашингтона, можно заключить, что мистер Ньютон, который в настоящее время находится под следствием и содержится под стражей, является либо выходцем из Внешней Монголии, либо пришельцем из космоса».

Ньютон знал, что его начальство на Антее будет перехватывать эти передачи, и его немного позабавила мысль о том, в какой ужас они придут, когда узнают о его положении, и как будут пытаться понять, что же произошло на самом деле.

Честно говоря, он и сам не знал, что произошло на самом деле. По всей видимости, правительство его в чём-то подозревало — что не удивительно, если учесть, сколько сведений они получили от Бриннара в течение тех полутура лет, что он проработал у Ньютона секретарём. К тому же Бриннэр, который был правой рукой Ньютона в проекте, наверняка водворил немало шпионов на каждом уровне организации, так что у правительства в руках, несомненно, было море информации — как обо всей его деятельности, так и о самом проекте. Правда, было кое-что, что Ньютон держал в тайне даже от Бриннара, — об этом они вряд ли могли прознать. И всё-таки было совершенно непонятно, что им от него нужно. Иногда Ньютон спрашивал себя, что будет, если он скажет допрашивающим его чиновникам: «На самом деле я пришелец из космоса и собираюсь захватить Землю». Как они отнесутся к такому заявлению? Как угодно, но поверят едва ли.

У него не было связи с корпорацией, и иногда ему хотелось узнать, что с ней произошло. Руководит ли ей Фарнсуорт по-прежнему? Ньютон не получал никакой почты, никаких звон-

ков. В его гостиной стоял телефон, но он никогда не звонил, и ему не разрешалось звонить с него. Телефон был бледно-голубого цвета и стоял на столике красного дерева. Несколько раз он пытался с него позвонить, но каждый раз, когда он поднимал трубку, чей-то голос — очевидно, записанный на плёнку — говорил: «Мы сожалеем, но это телефон ограниченного пользования». Голос был приятный, женский, искусственный. Он никогда не объяснял, в чём именно заключается ограничение. Иногда, когда Ньютон чувствовал себя одиноко или был слегка пьян, — теперь, не испытывая больше такого давления, он не пил так много, как раньше, — он поднимал трубку только для того, чтобы услышать голос, произносивший: «Мы сожалеем, но это телефон ограниченного пользования». Голос был настолько плавным, что невольно наводил на мысли о безграничной вежливости электронного разума.

Доктор пришёл, как всегда, вовремя — охранник впустил его ровно в одиннадцать часов. В руке он нёс чемоданчик. Его сопровождала медсестра с умывалено бесстрастным выражением на лице — на нём словно было написано: «Мне всё равно от чего вы умрёте, но моё участие в этом будет добросовестным». Она была блондинкой — на человеческий взгляд, весьма привлекательной. Доктора звали Мартинес, он был физиологом.

— Доброе утро, доктор, — сказал Ньютон. — Чем могу быть полезен?

Доктор улыбнулся с деланной непринуждённостью.

— Ещё одна проба, мистер Ньюトン. Ещё одна маленькая проба. — Он говорил с лёгким испанским акцентом. Ньютону он, пожалуй, нравился — он был не таким формальным, как большинство людей, с которыми ему приходилось иметь дело.

— Кажется, вы уже узнали обо мне всё, что хотели, — возразил Ньютон. — Вы просвечивали меня рентгеновскими луча-

ми, забирали образцы крови и лимфы, измеряли электрические импульсы моего мозга, снимали с меня мерку и брали пробы непосредственно из моих костей, печени и почек. Я не думаю, что смогу удивить вас чем-нибудь ещё.

Доктор покачал головой и коротко хохотнул.

— Видит бог, вы показались нам... занятным. У вас довольно необычный набор органов.

— Я урод, доктор.

Доктор снова засмеялся, на этот раз натянуто.

— Что ж мы будем с вами делать, если у вас вдруг разовьётся аппендицит или что-нибудь в этом роде? Мы просто не будем знать, где искать.

Ньютон улыбнулся.

— Вам не стоит об этом беспокоиться. У меня нет аппендикса. — Он откинулся на спинку кресла. — Но, полагаю, вы всё равно меня прооперируете. Наверное, вы будете просто в воссторге от возможности вскрыть меня и посмотреть, что же еще необычного можно отыскать у меня внутри.

— Ну, не знаю, — ответил доктор. — На самом деле, первое, что мы о вас выяснили, — после того как сосчитали пальцы у вас на ногах, — это то, что у вас нет червеобразного отростка. Вообще-то, мы много чего у вас не досчитались. У нас ведь очень современное оборудование, знаете ли. — Он резко повернулся к медсестре. — Мисс Григгс, пожалуйста, введите мистеру Ньютону нембукаин.

Ньютон вздрогнул.

— Доктор, — сказал он, — я уже говорил вам, что анестетики на мою нервную систему не действуют, а лишь вызывают головную боль. Если вы собираетесь делать что-то болезненное, нет никакого смысла делать это еще болезненней.

Медсестра, не поведя и бровью, начала готовить шприц

для подкожной инъекции. Мартинес улыбнулся покровительственной улыбкой, явно припасённой на случай неловких попыток пациентов постичь смысл медицинских процедур.

— Вы, видимо, просто не понимаете, насколько сильна будет боль, если не сделать наркоз.

В Ньютоне начал закипать гнев. Он ощущал себя словно разумный человек, окружённый любопытными и самодовольными обезьянами, и это ощущение за последние недели очень обострилось. Вот только это он сидел в клетке, тогда как обезьяны приходили и уходили, изучая его и пытаясь казаться знающими.

— Доктор,— сказал он, — разве вы не видели результаты проверки моих умственных способностей?

Доктор Мартинес открыл свой чемоданчик, лежащий на столе, и достал оттуда какие-то бланки. На каждом листке стоял чёткий штамп «Совершенно секретно».

— Проверка умственных способностей не входит в сферу моей компетенции, мистер Ньютон. И, как вы наверняка уже знаете, все эти данные строго засекречены.

— Знаю. Но вы же их видели.

Доктор прочистил горло и начал заполнять бланк: дата, тип теста.

— Ну, тут ходили некоторые слухи.

Теперь Ньютон разозлился по-настоящему.

— Могу себе представить! Значит, вы осознаёте, что мои умственные способности превышают ваши раза в два? Так почему вы не можете поверить, что я сам знаю, действует на меня местный наркоз или нет?

— Мы досконально изучили строение вашей нервной системы. Нет никаких причин, по которым нембукаин мог бы действовать на вас иначе, чем... чем на кого-либо ещё.

— Может быть, вы знаете о нервных системах не так мно-

го, как думаете.

— Может быть. — Доктор заполнил бланк и положил на него свой карандаш вместо пресс-папье. Совершенно ненужного пресс-папье, ведь в помещении не было ни окон, ни сквозняка. — Может быть. Но это опять-таки вне сферы моей компетенции.

Ньютон взглянул на медсестру, держащую наготове шприц. Казалось, она старательно делает вид, будто не слышала их разговора. На короткий миг Ньютон задался вопросом: как же они заставляют этих людей молчать об их необычном узнике? Как им удаётся держать их подальше от журналистов — или, если уж на то пошло, подальше от игры в бридж в кругу друзей? Может быть, правительство держит всех, кто имел с ним дело, в изоляции? Но это было бы слишком хлопотно. Однако они явно прилагали к этому большие усилия. Его почти позабавила мысль о том, какие безумные предположения ходят о нём между теми немногими, кто знает о его странностях.

— Что же входит в сферу вашей компетенции, доктор? — спросил Ньюトン.

Доктор Мартинес пожал плечами.

— Главным образом кости и мышцы.

— Звучит неплохо. — Доктор взял у медсестры шприц, и Ньюトン, покорившись, стал закатывать рукав рубашки.

— Вы можете снять рубашку совсем, — сказал доктор. — Сегодня мы будем работать с вашей спиной.

Без возражений Ньютон начал расстёгивать рубашку. Расстегнув её наполовину, он услышал, как медсестра тихонько перевела дыхание. Ньютон взглянул на неё снизу вверх. Очевидно, ей мало о чём рассказывали, поскольку она изо всех сил старалась не смотреть на его грудь, на которой не было ни волос, ни сосков. Разумеется, они довольно быстро обнаружили его маскировку, и он её больше не носил. Интересно, подумал он, какой у

ней будет вид, когда она подойдет достаточно близко, чтобы разглядеть его зрачки?

Когда Ньютон снял рубашку, медсестра сделала ему два укола по обеим сторонам позвоночника. Хоть она и старалась быть осторожной, боль оказалась очень сильна. Когда с этим было покончено, Ньютон спросил:

— Что вы собираетесь делать теперь?

Доктор отметил время укола в своём бланке. Затем ответил:

— Для начала я подожду двадцать минут, пока... подействует нембукаин. После чего я собираюсь взять из вашего позвоночника пробы костного мозга.

Какое-то мгновение Ньютон смотрел на него, не говоря ни слова. Затем произнёс:

— Разве вы ещё не знаете? В моих костях нет мозга. Они полые.

Доктор моргнул.

— Послушайте, — возразил он, — там не может не быть костного мозга. Красные кровяные тельца...

Ньютон не привык перебивать людей, но на этот раз он изменил своей привычке:

— Я не знаю ни о красных кровяных тельцах, ни о костном мозге. Скорее всего, я разбираюсь в физиологии не хуже вас. Но в моих костях нет мозга. И мне точно не доставит удовольствия это болезненное исследование, нужное только для того, чтобы вы — или кто бы ни стоял над вами — могли удовлетворить своё любопытство в отношении моих... особенностей. Я говорил вам уже десятки раз, что я мутант — урод. Моё слово для вас совсем ничего не значит?

— Мне очень жаль, — сказал доктор. Казалось, ему действительно жаль.

Какое-то время Ньютон смотрел поверх головы доктора на плохую репродукцию вангоговской «Женщины из Арля». Какое отношение может иметь женщина из Арля к правительству Соединённых Штатов?

— Хотел бы я как-нибудь встретиться с вашим начальством, — сказал он. — А пока мы ждём, когда подействует ваш недействующий нембукаин, я, пожалуй, попробую своё собственное обезболивающее.

Доктор сделал озадаченное лицо.

— Джин, — пояснил Ньютон. — Разбавленный джин. Не хотите присоединиться?

Доктор машинально улыбнулся. Хорошие врачи всегда улыбаются остротам своих пациентов — даже физиологи-исследователи, прошедшие проверку на верность правительству, должны улыбаться.

— Простите, — ответил он. — Я на службе.

Ньютон сам не ожидал, что так разозлится. А он-то ещё думал, что доктор Мартинес ему нравится.

— Ну же, доктор. Держу пари, что вы весьма высокооплачиваемый практикующий врач в своей... сфере компетенции, и у вас в кабинете есть бар из красного дерева. Могу вас заверить, что не напью вам больше, чем нужно, — я не хочу, чтобы ваша рука прогнула, когда вы будете прокалывать мой позвоночник.

— У меня нет кабинета, — ответил доктор. — Я работаю в лаборатории. Обычно мы не пьём на работе.

Ньютон по какой-то необъяснимой причине смерил его пристальным взглядом.

— Нет, наверное, и правда не пьёте. — Он посмотрел на медсестру, пребывающую в явном замешательстве, но когда она открыла рот, чтобы заговорить, он повторил: — Наверное, нет.

Таковы правила. — Он встал и улыбнулся им сверху вниз. — Я выпью один.

Приятно было оказаться выше них. Ньютон подошёл к бару в углу комнаты и налил себе полный стакан джина. Увидев, как медсестра раскладывает на столе инструменты, воду он решил не добавлять. Там было несколько игл, маленький скальпель и какие-то зажимы — всё из нержавеющей стали. Они тускло поблескивали...

После того как врач и медсестра ушли, Ньютон ещё больше часа лежал ничком на кровати. Он не стал снова надевать рубашку, и, если не считать бинтов, спина его была обнажена. Он чувствовал лёгкий озноб — непривычное для него ощущение, — но и пальцем не пошевелил, чтобы укрыться. В течение нескольких минут боль была нестерпимой, и, хотя она уже прошла, он был обессилен этой болью и страхом, который ей предшествовал. Его всегда пугало ожидание боли, ещё с детства.

Ньютону пришло на ум, что они, должно быть, знают, какие страдания ему причиняют, что они, наверное, просто пытают его, что это какой-то плохо продуманный способ промывания мозгов в надежде сломить его дух. Особенно пугающей была мысль, что если это так, то они, наверное, только начали. И всё же это было маловероятно. Несмотря на непрерывную холодную войну, которая могла послужить оправданием, и несмотря на насилие, на которое демократические государства в эти дни закрывали глаза, — им вряд ли удалось бы выйти сухими из воды. К тому же на дворе был год президентских выборов. Уже неслись с трибун предвыборные речи, обличающие произвол правящей партии. В одной из таких речей упоминалось имя Ньютона. Несколько раз прозвучало слово «замалчивание».

Видимо, единственной причиной того, что его подвергают

этим болезненным процедурам, было обыкновенное чиновничье любопытство. Возможно, им просто хотелось неоспоримо доказать, что он не человек, доказать, что он и вправду тот, кого они в нём подозревают, — подозревают, но не могут назвать открыто ввиду полной нелепости такого предположения. Если таков был ход их мысли, — что вполне вероятно, — то они ошибались с самого начала. Потому что какие бы нечеловеческие признаки они у него ни обнаружили, всегда проще было допустить, что он человек с физическими отклонениями, мутант или урод, чем то, что он с другой планеты. Но они словно не видели этого противоречия. Что они надеются выведать в подробностях, чего уже не знают в целом? И что они могут доказать? И, в конце концов, что они будут делать, если найдут непреложные доказательства?

Но вообще-то ему было наплевать — плевать, что они узнают о нём, плевать даже на старый план, придуманный двадцать лет назад в другой части Солнечной системы. Без долгих размышлений Ньютон пришёл к выводу, что план окончательно провален, и почувствовал неимоверное облегчение. Гораздо сильнее его волновало когда они, наконец, закончат со своими бесчеловечными опытами, обследованиями и допросами и оставят его в покое. А быть заключённым для Ньютона было не так уж страшно — во многих отношениях это больше отвечало его образу жизни и больше нравилось ему, чем свобода.

Люди из ФБР вели себя довольно вежливо, но два дня бессмысленных вопросов вымотали Брайса настолько, что у него даже не оставалось сил разозлиться на пренебрежение, которое проглядывало сквозь их учтивость. Если бы его не отпустили на третий день, он просто сошёл бы с ума. И всё-таки на него не слишком давили; на самом деле, его вряд ли сочли хоть сколько-нибудь значимым.

На третий день утром пришёл сотрудник ФБР, чтобы, как обычно, забрать его из «Уай-эм-си-эй»¹ и отвезти за четыре квартала от неё в Федеральное управление в центре Цинциннати. Размещение в «Уай-эм-си-эй» утомило Брайса не меньше допросов. Если бы он мог заподозрить у ФБР хоть капельку воображения, то обвинил бы их в том, что они поселили его в ней с явным намерением сломить его дух всем этим потрёпанным оживлением, которое царило здесь пополам с мрачной дубовой мебелью и залами никем не читаных христианских брошюр.

На этот раз его отвели в другую комнату в Федеральном управлении — комнату, похожую на зубоврачебный кабинет, где лаборант сделал ему пару подкожных инъекций, измерил пульс и

¹ YMCA(Young Men's Christian Association) — Молодёжная христианская ассоциация.

кровяное давление и даже сделал несколько рентгеновских снимков черепа. Всё это было, как ему объяснили, «рутинной идентификационной процедурой». Брайс не мог себе даже представить, каким образом данные о его пульсе смогут помочь его опознать, но он знал, что лучше не спрашивать. Затем они неожиданно закончили, и конвойир Брайса сообщил, что у ФБР больше нет к нему вопросов. Брайс посмотрел на часы. Было пол-одиннадцатого утра.

Выйдя из комнаты, он направился по коридору к главному входу. Здесь его ожидало очередное потрясение: в комнату, из которой он только что вышел, сотрудница ФБР вела женщину. Это была Бетти Джо. Она лишь успела молча улыбнуться Брайсу, и надзирательница торопливо провела её мимо.

Брайс удивился сам себе: несмотря на усталость, он ощущал какое-то внутреннее волнение, почти восторг при виде её открытого круглого лица в этом нелепом, до унылости строгом коридоре Федерального бюро расследований.

Сидя на ступеньках у входа в здание в лучах холодного декабряского солнца, Брайс ждал, пока выйдет Бетти Джо. Был уже почти полдень, когда она вышла и тяжело и застенчиво опустилась на ступеньку рядом с ним. Сильный аромат её сладких духов на студёном воздухе создавал ощущение тепла. Мимо широкими шагами взбежал по лестнице резвый молодой человек с дипломатом в руке, сделав вид, будто их не замечает. Брайс повернулся к Бетти Джо. К его удивлению, глаза у неё были припухшие, будто она недавно плакала. Он обеспокоенно взглянул на неё.

— Где они вас держали?

— В «Уай-дабл ю-си-эй»¹. — Она пожала плечами. — Мне было, в общем-то, всё равно.

Можно было догадаться, что они поселили её там, но ему

1 YWCA (Young Women's Christian Association) — Молодёжная женская христианская ассоциация.

как-то не пришло это в голову.

— Я жил в другой, — сказал Брайс. — В «Уай-эм». Как они с вами обращались? Я имею в виду ФБР. — Как же глупо было перебрасываться всеми этими сокращениями — ФБР, «Уай-эм-си-эй»...

— Да вроде ничего. — Бетти Джо покачала головой и облизнула губы. Брайсу понравился этот жест: у неё были полные губы, покрасневшие на морозе без всякой помады. — Но они задавали уйму вопросов. О Томми.

Почему-то при упоминании о Ньютоне Брайс смутился. Ему не хотелось говорить об антейце.

Бетти Джо словно почувствовала его замешательство — а может, смутилась сама. Немного помолчав, она спросила:

— Не хотите пойти пообедать?

— Неплохая идея. — Брайс встал и запахнул пальто. Затем наклонился и помог подняться Бетти Джо, взяв обе её руки в свои.

Им повезло — они нашли приятный тихий ресторанчик и сытно пообедали. Здесь подавали натуральную еду, без синтетики, и даже настоящий кофе, хоть и стоил он целых тридцать пять центов за чашку. Но ни у кого из них не было недостатка в деньгах.

За едой они почти не разговаривали — тем более о Ньютоне. Брайс поинтересовался у Бетти Джо о её планах на будущее и выяснил, что никаких планов у неё нет. Когда они пообедали, он спросил:

— Что будем делать теперь?

Бетти Джо уже полегчало, она успокоилась и ожила.

— Может быть, сходим в зоопарк? — предложила она.

— Почему бы нет? — Брайсу это показалось хорошей идеей. — Давайте возьмём такси.

В зоопарке почти не было посетителей — наверное, из-за рождественских каникул, — и это было Брайсу по душе. Все звери прятались в своих зимних домиках, и только Брайс с Бетти Джо ходили от одного здания к другому, весело переговариваясь. Ему нравились большие надменные кошки, особенно пантеры, а ей — яркие тропические птицы. Брайс обрадовался, что к обезьянам Бетти Джо проявила не больше интереса, чем он сам, — ему они всегда казались бесстыжими маленькими тварями. Если бы она, как многие женщины, сочла их милыми и смешными, он пришёл бы в ужас. Он не находил в них совершенно ничего забавного.

Ещё Брайс порадовался, что можно купить пива в киоске — где бы вы подумали? — у входа в аквариум. Они взяли пиво с собой внутрь — хотя знак этого строго воспрещал — и уселись в сумеречном свете перед большим резервуаром, в котором плавал огромный сом. Это было большое, красивое, мирное на вид создание, с тонкими свисающими усами и толстой серой кожей. Сом понуро смотрел, как они пьют пиво.

Они посидели немного в тишине, глядя на сома, а потом Бетти Джо спросила:

— Как вы думаете, что они сделают с Томми?

Брайс вдруг понял, что только и ждал, когда она снова заговорит о Ньютоне.

— Я не знаю, — ответил он. — Но не думаю, что они причинят ему вред.

Бетти Джо отпила из своего стакана.

— Они говорят, что он... не американец.

— Это правда.

— Вы уверены, доктор Брайс?

Брайс хотел было попросить называть его Натаном, но решил, что это пока неуместно.

— Я думаю, они правы, — отозвался он. Интересно, каким же образом они смогут его депортировать, если узнают правду?

— Думаете, его долго продержат?

Брайс вспомнил тот рентгеновский снимок, а ещё он вспомнил, как тщательно проверяли его самого в этом маленьком зубоврачебном кабинете, и до него вдруг дошло зачем они это делали. Они хотели удостовериться, что Брайс — не антеец.

— Да, — ответил он. — Я думаю, его продержат долго. Так долго, как только смогут.

Бетти Джо ничего не ответила, и Брайс взглянул на неё. Она держала свой бумажный стаканчик на коленях обеими руками и смотрела в него, как в колодец. Плоский, рассеянный свет от резервуара с соком не отбрасывал бликов на её лицо, и её простые черты без единой морщинки и то, как надёжно и уравновешенно сидела она на скамейке, — всё это делало её похожей на изящную статую. Он смотрел на неё молча — казалось, целую вечность.

Затем Бетти Джо взглянула на него, и ему стало понятно, почему она тогда плакала.

— Наверное, вы будете по нему скучать, — сказал Брайс и одним глотком осушил стакан.

Выражение её лица не изменилось.

— Конечно, буду, — тихо произнесла она. — Пойдёмте посмотрим на других рыб.

Они посмотрели на других рыб, но больше ни одна не понравилась Брайсу так, как старый сом.

Когда настало время взять такси обратно в город, Брайс вдруг понял, что у него нет адреса, который он мог бы назвать шоферу, что ему некуда пойти. Он взглянул на Бетти Джо, стоявшую рядом с ним в лучах зимнего солнца.

— Где вы собирались остановиться? — спросил он у неё.

— Я не знаю, — ответила она. — У меня в Цинциннати никого нет.

— Вы ведь можете вернуться к своей семье в... где они живут?

— В Ирвине. Это не очень далеко. — Бетти Джо задумчиво посмотрела на него. — Но я к ним не хочу. Мы никогда не ладили.

Не очень-то задумываясь, что это означает, Брайс спросил:

— Может быть, останетесь со мной? В гостинице, для начала? А потом, если захотите, мы можем подыскать квартиру.

Бетти Джо на миг остолбенела, и Брайс испугался, что оскорбил её. Но она шагнула к нему и сказала:

— Господи... Да! Мы должны остаться вместе, доктор Брайс.

8

Пошёл второй месяц заключения. Ньютон снова запил — сам не зная почему. Одиночество не было тому причиной: с тех пор как Ньютон исповедался перед Брайсом, он не слишком нуждался в общении. Теперь, когда заботы стали незатейливы, а ответственности почти не осталось, огромный груз напряжения, с которым он работал все эти годы, исчез. В оправдание пьянству осталась лишь одна тревога: следовать ли плану и дальше, если правительство это ему когда-нибудь позволит? И всё же Ньютон не часто об этом думал — неважно, пьян он был или трезв — уж очень мала была вероятность того, что у него будет в дальнейшем хоть какой-нибудь выбор.

Он по-прежнему много читал, а в последнее время увлёкся авангардной литературой. Особенно ему нравились сложные для понимания стихи жёстких поэтических форм, что печатали в авангардистских журнальчиках, — секстины, вилланеллы, баллады — которые, хоть и не могли похвастаться богатым содержанием, часто очаровывали его великолепной игрой слов. Ньютон даже попробовал сложить итальянский сонет — александрийским стихом, — но понял, что пугающе бездарен, ещё до того, как одолел первое восьмистишие. Когда-нибудь он попытается написать его на антейском...

Кроме стихов он поглощал немало научной и исторической литературы. Тюремщики Ньютона снабжали его книгами так же щедро, как и джином. Чего бы он ни попросил у человека, который приносил ему еду и прибирал комнату, — тот лишь приподнимал бровь, и не позднее чем на следующий день книга была у Ньютона. Как будто их этому специально учили! Однажды Ньютон попросил арабский перевод «Унесённых ветром» — из чистого любопытства — и сотрудник ФБР невозмутимо доставил ему книгу через пять часов. Поскольку Ньютон не знал арабского, да и вообще не очень-то любил романы, он приспособилувесистый том в качестве подпорки для книг.

Ньютону в его положении недоставало лишь возможности выйти на свежий воздух, а ещё порой ему хотелось увидеться с Бетти Джо или Натаном Брайсом, единственными людьми на этой планете, которых он мог бы назвать друзьями. У него было ещё какое-то чувство по отношению к Антее — ведь у него остались там жена и дети, — но он не смог бы его назвать. Он больше не думал о доме так уж часто. Он прижился.

К концу второго месяца тюремщики Ньютона вроде бы закончили с медицинским обследованием, оставив ему несколько неприятных воспоминаний и периодические слабые боли в спине. Их допросы стали к этому времени докучливо повторяющимися — видимо, у них иссякла фантазия. Однако никто из них так и не задал самого очевидного вопроса: не прилетел ли он с другой планеты? Ньютон был уверен, что они подозревают его именно в этом, но они никогда не спрашивали прямо. Боялись ли они, что их осмеют, или это было частью тщательно разработанной психологической техники? Временами он почти решался рассказать им всю правду, которой они бы всё равно не поверили. А можно было заявить, что он с Венеры или Марса, и настаивать на этом, пока они не убедятся, что у него не все дома. Вот только

вряд ли они так глупы.

Но в один прекрасный день они вдруг сменили тактику. Это оказалось большой неожиданностью и, в конечном счёте, большим облегчением.

Допрос начался как обычно; его вёл некто мистер Боуэн, который с самого начала допрашивал Ньютона по меньшей мере раз в неделю. Хотя ни один из допрашивающих не называл Ньютона свою должность, Боуэн всегда производил на него впечатление более важной особы, чем все остальные. Его секретарь казался чуть более расторопным, одежда — чуть дороже, круги под глазами — чуть темнее. Он вполне мог оказаться заместителем министра или кем-то столь же значимым в ЦРУ. И ума ему явно было не занимать.

Войдя, Боуэн сердечно поприветствовал Ньютона, сел в кресло и закурил сигарету. Ньютон не любил запаха сигаретного дыма, но он уже давно перестал протестовать, тем более что в комнате работал кондиционер. Секретарь уселся за рабочий стол Ньютона. К счастью, он не курил. Ньютон довольно приветливо поздоровался, хотя с дивана подниматься не стал. Всё это была лишь ничего не значащая игра в кошки-мышки, но он не желал играть в игры.

Боуэн, как обычно, без промедления перешёл к сути:

— Я должен признать, мистер Ньютон, — сказал он, — что вы для нас всё такая же загадка, как и раньше. Мы до сих пор не знаем кто вы и откуда прибыли.

Ньютон посмотрел на него в упор.

— Я — Томас Джером Ньютон из Айдл Крика, штат Кентукки. Я физически неполноценен. В окружном суде округа Бассет хранится запись о моём рождении — вы её видели. Я родился там в 1918 году.

— Получается, вам сейчас семьдесят лет... Вы выглядите

на сорок.

Ньютон пожал плечами.

— Говорю же, я — урод. Мутант. Возможно, новый биологический вид. Не думаю, что это незаконно.

Всё это было сказано уже не в первый раз, но ему не трудно было повторить.

— Нет, в этом нет ничего незаконного. Но мы думаем, что ваша запись о рождении — подделка. А это как раз незаконно.

— Вы можете это доказать?

— Похоже, что нет. Что бы вы ни делали, вы делаете это хорошо, мистер Ньютон. Если вы смогли создать плёнку «Краски мира», то уж подделать эту запись не составило бы вам большого труда. Конечно, запись 1918 года не так-то легко проверить. Никого уже не осталось в живых и всё такое. Но вот ведь странно: мы не можем найти никого, кто знал бы вас ребёнком. И ещё более странно: мы не можем найти никого, кто знал бы вас дольше пяти лет. — Боуэн затушил окурок и с отсутствующим видом почесал ухо. — Не расскажете ещё разок, как так вышло, мистер Ньютон?

Ньютон задался праздным вопросом: посещают ли следователи специальные курсы, где их учат таким приёмам, как почёсывание уха, или они их подхватывают из кинофильмов?

Он ответил так, как отвечал уже раньше:

— Из-за моего уродства, мистер Боуэн. Моя мать почти никому меня не показывала. Вы наверняка уже подметили, что я не из тех, кого пугает лишение свободы. В то время было не трудно держать ребёнка взаперти. Особенно в той части Кентукки.

— И вы никогда не ходили в школу?

— Никогда.

— Однако вы один из самых образованных людей, которых я когда-либо встречал, — возразил Боуэн и тут же, прежде

чем Ньютон успел ответить, добавил: — Да-да, я знаю, ваш мозг тоже подвергся мутации. — Боуэн подавил зевок. Казалось, ему это всё смертельно наскучило.

— Так и есть.

— И вы скрывались в какой-то уединённой кентуккийской башне из слоновой кости, пока вам не исполнилось шестьдесят пять, и никто никогда вас не видел и не слышал о вас? — Боуэн устало улыбнулся.

Конечно, это звучало нелепо, но что Ньютон мог поделать? Ясно, что только дурак поверит в подобную историю, но ему нужно было выдать им хоть что-нибудь. Да, он мог затратить больше усилий на подлог документов и подкуп чиновников, чтобы создать себе более убедительное прошлое, но этот план отвергли как слишком рискованный ещё задолго до того, как он покинул Антею. Даже поиск специалиста по части подделки документов оказался делом сложным и опасным.

— Это так. — Ньютон улыбнулся. — Меня никто не видел, пока мне не исполнилось шестьдесят пять — за исключением нескольких давно умерших родственников.

Вдруг Боуэн выдал кое-что новенькое:

— И тут вы решили заняться продажей колец по провинциальным городкам? — спросил он резким тоном. — Вы изготовили — из подручных материалов, не иначе — около сотни совершенно одинаковых золотых колец. И внезапно надумали — в возрасте шестидесяти пяти лет — заняться розничной торговлей?

Это застало Ньютона врасплох. Раньше они не упоминали о кольцах, хотя он и предполагал, что им о них известно. Он улыбнулся при мысли о том, какое бредовое объяснение ему придётся сочинить на этот раз.

— Это правда, — признался он.

— Значит, вы откопали это золото у себя на заднем дворе, а затем при помощи набора юного химика отлили кольца и выгравировали на них ваше имя кончиком булавки. И всё это ради того, чтобы продавать их маленьким ювелирным лавкам ниже себестоимости?

Эта тирада невольно рассмешила Ньютона.

— Кроме всего прочего, я ещё и эксцентричен, мистер Боуэн.

— Вы не настолько эксцентричны, — ответил Боуэн. — Никто не может быть настолько эксцентричным.

— Правда? Тогда как бы это объяснили вы?

Боуэн закурил очередную сигарету. Несмотря на всё это показное возбуждение, руки у него не дрожали никакого. Он сказал:

— Думаю, вы привезли эти кольца на космическом корабле. — Он слегка приподнял бровь. — Как вам такое предположение?

Это заявление не могло не потрясти Ньютона, но он не подал виду.

— Любопытно, — ответил он.

— Безусловно. Это даже ещё любопытней, если прибавить сюда останки некоего странного судна, которые мы нашли в пяти милях от того места, где вы продали своё первое кольцо. Может быть, вы не в курсе, мистер Ньютон, но эта оболочка, которую вы бросили в поле, до сих пор светится на определённых частотах. Она проходила через пояса Ван Аллена¹.

— Я не знаю, о чём вы, — проговорил Ньютон.

Прозвучало неубедительно, но ему больше нечего было сказать. Он не ожидал от ФБР такой дотошности. Ньютон надолго замолчал. Затем добавил:

— Если бы я прилетел на космическом корабле, то уж, на-

1 Пояса Ван Аллена — радиационные пояса планет.

верное, нашёл бы лучший способ раздобыть денег, чем торговля кольцами.

Не так давно Ньютон считал, что ему безразлично, узнают ли о нём правду, а теперь с удивлением обнаружил, что ему не по себе от этих новых вопросов, от их прямоты.

— Как бы вы поступили, — спросил Боуэн, — если бы прилетели, скажем, с Венеры и нуждались в деньгах?

Впервые в жизни Ньютону было трудно совладать со своим голосом.

— Если венерианцы умеют строить космические корабли, наверное, они умеют и подделывать деньги.

— И где бы вы нашли на Венере десятидолларовую банкноту для воспроизведения?

Ньютон не отвечал, и Боуэн потянулся к карману пальто, достал оттуда небольшой предмет и положил его на стол рядом с собой. Секретарь на мгновение поднял на них взгляд, ожидая, что кто-нибудь что-нибудь скажет, — очевидно, чтобы занести в протокол. Ньютон моргнул от удивления. Это была коробка аспирина.

— Разговор о подделке банкнот подводит нас к другой теме, мистер Ньютон.

Теперь Ньютон понял, о чём пойдёт речь, и тут он был совершенно бессилен.

— Где вы её взяли? — спросил он.

— Мои люди наткнулись на неё при обыске вашего гостиничного номера в Луисвилле. Два года назад — сразу после того, как вы сломали ногу в лифте.

— И с каких пор вы обыскиваете мои комнаты?

— Довольно долгое время, мистер Ньюトン.

— Тогда у вас уже давно были причины меня арестовать. Почему вы этого не делали?

— Ну, разумеется, сначала мы хотели выяснить, что у вас на уме. Насчёт этого корабля, который вы строите в Кентукки, — объяснил Боуэн. — И вы же знаете, что это не так-то просто осуществить. Вы нажили очень большое состояние, мистер Ньютон, а мы не можем безнаказанно арестовывать всех богатых людей подряд — особенно, если мы управляем государством, которое считается разумным, а наше единственное обвинение против богатого человека состоит в том, что он откуда-нибудь вроде Венеры. — Он наклонился вперёд и спросил вкрадчивым голосом: — Это ведь Венера, мистер Ньюトン?

Ньютон улыбнулся в ответ. На самом деле, эта новая информация не слишком изменила положение вещей.

— Я из Айдл-Крика, штат Кентукки, и иного никогда не утверждал.

Боуэн задумчиво посмотрел на коробку аспирина. Он взял её в руку и взвесил на ладони. Затем произнёс:

— Как вы наверняка уже знаете, эта коробочка сделана из платины, что, согласитесь, удивительно. Не менее удивительно и то, что, несмотря на, как говорится... материал и качество изготовления, — это очень неумелая имитация коробки байеровского аспирина. К примеру, она на добрые четверть дюйма больше, да и цвета далеко не те. К тому же петли на крышке сделаны совсем не так, как это делают ребята из «Байер АГ». — Он посмотрел на Ньютона. — Не то чтобы эти петли лучше — они просто другие. — Боуэн снова улыбнулся. — Но, пожалуй, самое удивительное в этой коробочке то, что на ней нет надписей мелким шрифтом, мистер Ньютон, — вместо них лишь нечёткие линии, напоминающие надпись.

Ньютон смутился и разозлился сам на себя. Как он мог забыть уничтожить коробку?

— И какой же вывод вы из этого сделали? — спросил он,

прекрасно зная, каков будет ответ.

— Мы сделали вывод, что кто-то подделал коробку настолько хорошо, насколько смог, руководствуясь изображением из телерекламы. — Боуэн коротко рассмеялся. — С экрана телевизора на чрезвычайно отдалённой окраине.

— Айдл-Крик, — ответил Ньютон, — это чрезвычайно отдалённая окраина.

— Так же как и Венера. К тому же в аптеках Айдл-Крика продаются коробки байеровского аспирина — с аспирином в комплекте — всего за доллар. В Айдл-Крике вовсе нет нужды их подделывать.

— Даже если вы капризный эксцентрик с очень странными навязчивыми идеями?

Боуэн всё ещё посмеивался — похоже, над своими же остротами.

— Едва ли, — сказал он. — Знаете, пожалуй, пора положить конец этому обмену любезностями. — Он осторожно взглянул на Ньютона. — Что меня во всём этом изумляет, так это то, что... человек подобных умственных способностей мог наделать столько ляпов. Как вы думаете, почему мы решили задержать вас именно после Чикаго? У вас было целых два месяца, чтобы над этим поразмыслить.

— Я не знаю, — ответил Ньюトン.

— Вот это я и имел в виду. Очевидно, вы — антейцы, не так ли? — мыслите совсем не так, как мы. Я уверен, что любой рядовой любитель детективов догадался бы, что мы установили микрофон в вашей комнате в Чикаго, где вы объяснялись с доктором Брайсом.

В ошеломлении Ньютон ничего не отвечал целую минуту. В конце концов он произнёс:

— Нет, мистер Боуэн, очевидно, антейцы мыслят не так,

как вы, люди. Мы не стали бы запирать кого-то на два месяца, чтобы допрашивать его о том, что мы и так знаем.

Боуэн пожал плечами.

— Пути современных правительств неисповедимы. Как бы то ни было, арестовать вас было не моей идеей. Это была идея ФБР. Кто-то из их верхушки перепугался до полусмерти. Они решили, что при помощи этого своего парома вы собираетесь разнести весь мир. На самом деле, они так решили с самого начала. Их агенты составили целое досье из отчётов о вашем проекте, а помощники руководителей пытались вычислить, когда вы нанесёте удар по Вашингтону или Нью-Йорку. — Он покачал головой в притворной печали. — Со времён Эдгара Гувера¹ эта контора просто помешалась на конце света.

Ньюトン резко встал, чтобы чего-нибудь себе налить. Боуэн попросил его налить всем троим. Он тоже поднялся и, пока Ньюトン разливал напитки, стоял, засунув руки в карманы брюк и разглядывая свои ботинки.

Передавая стаканы Боуэну и его секретарю, — секретарь при этом избегал его взгляда — Ньюトン кое о чём подумал.

— Но когда ФБР прослушало вашу запись, — вы ведь записали наш разговор? — оно должно было поменять своё мнение о моих намерениях.

Боуэн отпил из своего стакана.

— На самом деле, мистер Ньюトン, ФБР понятия не имеет об этой записи. Мы только приказали им арестовать вас для нас. Эта плёнка никогда не покидала моего кабинета.

Ещё один сюрприз! Но этот день принёс уже столько сюрпризов, что Ньюトン начал к ним привыкать.

— Почему они не потребовали у вас эту плёнку?

— Ну, — ответил Боуэн, — наверное, пора бы вам узнать,

¹ Джон Эдгар Гувер — директор ФБР на протяжении полувека, с 1924 по 1972 год.

что я имею честь быть руководителем ЦРУ. Таким образом, я стою выше ФБР.

— Так значит, вы — как же его имя... Ван Бру? Я слышал о вас.

— Мы — секретное подразделение ЦРУ, — сказал Боуэн — или Ван Бру. — Так или иначе, но заполучив эту запись, мы поняли что нам нужно о вас узнать. К тому же мы пришли к выводу, что если ФБР вас задержит, — как я уже говорил, они были к этому готовы — то вы, чего доброго, выложите им всю историю, как выложили её доктору Брайсу. Мы этого не хотели — мы не доверяем ФБР. Настали опасные времена, мистер Ньютон. Им бы ничего не стоило решить проблему, над которой мы бьёмся, просто убив вас.

— А вы не собираетесь меня убивать?

— Конечно, мы об этом задумывались. Но я никогда не был за — ведь каким бы опасным вы ни оказались, вместе с вами мы бы убили курицу, несущую золотые яйца.

Ньюトン осушил свой стакан и снова его наполнил.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— У нас в Министерстве обороны уже немало оружия, разработанного по выкраденным у вас года три назад данным. Повторюсь — мы живём в опасное время. У нас есть масса идей, как найти вам применение. Полагаю, вы, антейцы, хорошо разбираетесь в оружии?

С минуту Ньютон ничего не отвечал, глядя в свой стакан. Затем он спокойно произнёс:

— Если вы слышали наш с Брайсом разговор, то знаете, что мы, антейцы, сотворили с собой при помощи своего оружия. Я не собираюсь делать Соединённые Штаты Америки всемогущими. На самом деле, я не мог бы этого сделать, даже если бы хотел. Я не учёный. Меня выбрали для этого путешествия из-за

моей физической выносливости, не из-за знаний. Я очень мало знаю об оружии — подозреваю, меньше, чем вы.

— Вы наверняка видели антейское оружие или слышали о нём.

К Ньютону снова вернулось самообладание — наверное, из-за выпитого. Он больше не защищался.

— Вы видели автомобиль, мистер Ван Бру. Вы сможете без подготовки объяснить какому-нибудь африканскому дикарю, как его построить? Целиком из местных материалов?

— Нет. Но я могу объяснить дикарю принцип внутреннего сгорания. Если найду дикаря в современной Африке. И если дикарь окажется сообразительным, то он придумает, что с этим делать.

— Например, убить себя, — съязвил Ньютон. — В любом случае, я не собираюсь вам ничего рассказывать, как бы вам этого ни хотелось. — Он осушил очередной стакан. — Почему бы вам не приступить к пыткам?

— Боюсь, это пустая трата времени, — сказал Ван Бру. — Знаете зачем мы эти два месяца изводили вас дурацкими вопросами? Мы проводили что-то вроде психоанализа. У нас тут есть камеры, фиксирующие частоту моргания и всякое такое. Мы уже поняли, что пытать вас бесполезно. От боли вы слишком быстро теряете рассудок, а для «промывания мозгов» мы слишком мало знаем о вашей психологии — чувство вины, страхах и тому подобном. Мы также накачивали вас медикаментами — гипнотиками, наркотиками, — но и они не сработали.

— Тогда что же вы собираетесь делать? Расстрелять меня?

— Нет. Боюсь, мы даже этого сделать не можем. Не можем без разрешения президента, а он его не даст. — Ван Бру уныло улыбнулся. — Видите ли, мистер Ньютон, если взвесить все силы, которые движут миром, то решающей всегда оказывается

зуарядная человеческая политика.

— Что вы имеете в виду?

— Так уж вышло, что на дворе 1988 год. А 1988 — это год выборов. Президент баллотируется на второй срок. Вы знали, что Уотергейтский скандал¹ не изменил ничего? Ничего! Президент использует нас, ЦРУ, чтобы шпионить за конкурентной партией! Так что ему известно из достоверных источников, что если мы не выдвинем против вас достаточных обвинений или не отпустим вас, рассыпаясь в извинениях, республиканцы раздуют это дело до небес.

Ньютон неожиданно рассмеялся.

— И если вы меня расстреляете, президент проиграет выборы?

— Республиканцы уже обработали на будущее вашу индустриальную братию из Национальной ассоциации промышленников. Думаю, о влиянии, которым обладают эти джентльмены, можно и не говорить. Себя они тоже хотят обезопасить.

Ньютон расхохотался ещё громче. Впервые в жизни он смеялся во всё горло. Это было не хихиканье, не сдавленный смешок, не фырканье — это был громкий, глубокий смех. В конце концов он сказал:

— Значит, вам придётся меня отпустить?

Ван Бру мрачно улыбнулся.

— Завтра. Мы отпустим вас завтра.

¹ Уотергейтский скандал (1972–1974) — политический скандал в США, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона. Никсона обвиняли в установке подслушивающей аппаратуры в штабе демократов.

Уже больше года Ньютону было всё труднее понимать, что он чувствует по отношению к тем или иным событиям в его жизни. Его народу эта черта была совсем не свойственна, но каким-то образом он перенял её у землян. За те пятнадцать лет, что он учился говорить по-английски, застёгивать пуговицы, завязывать галстук, изучал средние уровни достижений в бейсболе, заучивал марки автомобилей, запоминал по кусочкам великое множество других знаний, многие из которых ему так и не пригодились, — за все эти годы он никогда не испытывал неуверенности в себе, никогда не ставил под сомнение этот план, который избран был осуществить. Но, прожив среди людей пять лет, Ньютон больше не понимал, что он должен ощущать в связи с таким однозначным событием, как освобождение из тюрьмы. Он не знал как ему быть с самим планом и, как следствие, почти не думал о нём вовсе. Он стал очень похож на людей.

Утром Ньютону вернули его маскировку. Странно было надевать всё это вновь, перед тем как вернуться в мир, странно и глупо, ибо от кого ему теперь скрываться? И всё же он был рад опять надеть контактные линзы, придававшие ему более человеческий облик. Их световые фильтры защищали глаза от яркого света, от которого не спасали даже тёмные очки, которые он но-

сил постоянно. Надев их, он посмотрелся в зеркало и с облегчением отметил, что снова выглядит, как человек.

За Ньютоном зашёл сотрудник, которого он раньше не видел, и повёл его по коридору, освещённому люминесцентными панелями. Панели были изготовлены по патентам «Всемирной корпорации»; коридор охраняли вооружённые солдаты. Они вошли в лифт.

Освещение в лифте было невыносимо ярким. Ньютон надел тёмные очки.

— Что вы рассказали газетчикам? — спросил он, не очень-то интересуясь ответом.

Его конвоир оказался довольно дружелюбным, хотя до этого не проронил ни слова. Он был низенький, коренастый и невзрачный.

— Я из другого отдела, — ответил он весёлым тоном, — но, кажется, они сказали, что вы были под защитительным надзором из соображений безопасности. Что ваша работа жизненно необходима для обороны страны. Что-то вроде этого.

— Там будут репортёры? Когда я выйду?

— Не думаю. — Лифт остановился. Двери открылись, за ними оказался ещё один охраняемый коридор. — Мы решили, так сказать, дать вам ускользнуть через чёрный ход.

— Прямо сейчас?

— Примерно через два часа. Сначала мы выполним необходимые формальности. Нужно оформить ваше освобождение по всем правилам. Я здесь как раз для этого. — Они шли по длинному коридору, который, как и всё здание, был слишком ярко освещён. — Скажите, — спросил конвоир, — так за что вас всё-таки держали?

— Вы не знаете?

— Здесь о таком не болтают.

— Разве мистер Ван Бру вам ничего не сообщает?

Конвоир улыбнулся.

— Ван Бру никому ничего не рассказывает, за исключением разве что президента. Да и тому говорит только то, что считает нужным.

В конце коридора — а может быть, это был туннель — находилась дверь, которая вела в помещение, напоминающее огромный зубоврачебный кабинет. Выложенный бледно-жёлтым кафелем, он буквально сиял чистотой. Здесь было кресло, вроде тех, что используют зубные врачи. Вокруг него стояло несколько новеньких аппаратов, при виде которых у Ньютона неприятно засосало под ложечкой. Две женщины и мужчина, одетые в бледно-жёлтые халаты под цвет кафеля, ждали его с вежливыми улыбками на лицах. Ньютон почему-то ожидал увидеть Ван Бру, но его в комнате не было. Конвоир подвёл его к креслу и усмехнулся:

— Знаю, всё это выглядит жутковато, но больно вам не сделают. Несколько рутинных тестов, по большей части для установления личности.

— Боже мой, — сказал Ньютон, — разве вы уже не изучили меня с ног до головы?

— Мы — нет, мистер Ньютон. Я сожалею, если придётся повторить то, что уже сделало ЦРУ. Но мы из ФБР, и мы должны подшить эти данные к вашему делу. Ну, вы же знаете, группа крови, отпечатки пальцев, электроэнцефалограмма и тому подобное.

— Ладно. — Ньютон безропотно сел в кресло. Пути современных правительств неисповедимы, говорил Ван Бру. В любом случае, это не займёт слишком много времени.

Сначала его кололи иглами и обследовали при помощи фотооборудования и разных металлических инструментов. Они надевали ему зажимы на голову, чтобы измерить мозговые вол-

ны, и зажимы на запястья, чтобы измерить пульс. Ньютон знал, что некоторые результаты должны их удивить, но они не вызывали никакого удивления. Всё это было, как сказал человек из ФБР, обычной формальностью.

А примерно через час они подкатили к Ньютону какой-то аппарат, установили его очень близко к лицу и попросили снять очки. У аппарата было два расставленных на расстоянии глаз окуляра, которые словно бы насмешливо его разглядывали. Вокруг каждого окуляра была черная резиновая чашечка, напоминающая глазную впадину.

Ньютон сразу испугался. Если они не знают об особенностях его глаз...

— Что вы собираетесь делать?

Одетый в жёлтое лаборант достал из нагрудного кармана маленькую линейку и приставил её к переносице Ньютона, что-то измеряя. Он произнёс ровным голосом:

— Мы собираемся сделать парочку фотографий. Это не больно.

Одна из женщин с профессиональной улыбкой потянулась к его тёмным очкам.

— Давайте-ка их снимем, сэр ...

Ньютон отдернул голову и выставил ладонь в защитном жесте.

— Минуточку. Что за фотографии?

Человек у аппарата немного потянул с ответом. Затем взглянул на сотрудника ФБР, сидящего у стены. Тот благодушно кивнул. Лаборант в жёлтом халате сказал:

— На самом деле, мы делаем два разных снимка, сэр, одновременно. Один из них — обычный снимок сетчатки глаз для получения рисунка кровеносных сосудов. Самая лучшая идентификация на сегодняшний день. Другой снимок — рентгеновский.

Мы хотим получить рисунок бороздок внутри вашего затылка — в задней части черепа.

Ньютон попытался встать с кресла.

— Нет! — сказал он. — Вы не знаете, что делаете.

Быстрее, чем он мог себе представить, дружелюбный сотрудник ФБР оказался позади него и усадил его обратно. Ньютон не мог пошевельнуться. Наверное, человек из ФБР и не подозревал о том, что даже женщина может его легко удержать.

— Я сожалею, сэр, — сказал он, — но нам нужно сделать эти снимки.

Ньютон попытался успокоиться.

— Разве вам обо мне не рассказали? Не рассказали про мои глаза? Они же знают про мои глаза.

— А что у вас с глазами? — нетерпеливо спросил лаборант в жёлтом халате.

— Они чувствительны к рентгеновским лучам. Этот прибор...

— Никто не может видеть рентгеновские лучи. — Лаборант недовольно поджал губы. — Никто не видит на этих частотах. — Он кивнул стоящей рядом женщине, и, принуждённо улыбаясь, она сняла с Ньютона очки. От яркого света в комнате он часто заморгал.

— Я вижу, — сказал он, щурясь. — Я вообще вижу не так, как вы. — И добавил: — Позвольте, я покажу вам, как устроены мои глаза. Если вы меня отпустите, я смогу вынуть мои... контактные линзы.

Человек из ФБР и не думал его отпускать.

— Контактные линзы? — переспросил лаборант. Он наклонился поближе и долго всматривался в глаза Ньютона. Затем снова выпрямился. — Вы не носите контактных линз.

Ньютона охватил панический ужас — такого он не испы-

тывал уже очень давно. Яркий свет в комнате начал на него давить, он как будто пульсировал вокруг в ритме сердца. Речь стала неразборчива, как у пьяного.

— Это... новый вид линз. Мембрана, не пластик. Если вы меня на минуточку отпустите, я покажу.

Лаборант всё ещё сидел поджав губы.

— Таких линз не бывает, — сказал он. — У меня двадцатилетний опыт работы с контактными линзами, и...

Сотрудник ФБР за спиной Ньютона вдруг произнёс кое-что восхитительное.

— Пусть он попытается, Артур, — вступил он за Ньютона, внезапно отпустив его руки. — В конце концов, он платит налоги.

Ньютон коротко вздохнул. Затем сказал:

— Мне нужно зеркало. — Он начал рыться в карманах, и вдруг им снова овладел ужас: он не нашёл специального маленького пинцета для удаления мембран... — Простите, — сказал он, не обращаясь ни к кому в отдельности, — простите, но мне нужен мой инструмент. Наверное, он остался в моей комнате...

Человек из ФБР терпеливо улыбнулся.

— Ну же, — сказал он. — Мы не можем провести здесь целый день. И в комнату я уже не смогу войти, даже если захочу.

— Ладно, — сдался Ньютон. — Тогда, может быть, у вас есть маленький пинцет? Я попробую справиться с ним.

Лаборант скривился.

— Сейчас. — Он пробормотал что-то ещё и подошёл к шкафчику. Через минуту он собрал внушительный набор сверкающих инструментов — пинцетов и разных похожих на них приспособлений непонятного назначения. Он выложил их на столик рядом с зубоврачебным креслом.

Одна из женщин уже сунула Ньютону в руку круглое зер-

кальце. Ньютон взял со столика пинцет с тупыми концами. Он не очень походил на тот, что был у Ньютона, но должен был сработать. Ньютон пощёлкал им в качестве эксперимента. Может быть, немного большеват, но должен подойти.

Затем он обнаружил, что не может держать зеркало твёрдо. Он попросил стоявшую рядом с ним женщину подержать его. Она шагнула к Ньютону и, взяв зеркало, поднесла его слишком близко к его лицу. Он попросил её немного отойти, а затем повернуть зеркальце так, чтобы ему было хорошо видно. Он не переставал щуриться. Лаборант в жёлтом халате начал постукивать ногой по полу. Казалось, постукивание попадало в ритм с пульсацией света.

Когда Ньютон поднёс руку с пинцетом к глазам, его пальцы начали неудержимо дрожать. Он быстро отдёрнул руку. Затем попытался снова, но не смог поднести пинцет к глазу — так сильно тряслась рука.

— Простите, — взмолился Ньютон. — Ещё одну минутку... — Его рука непроизвольно отдёрнулась от глаза из страха перед инструментом в отчаянно трясущихся, неуправляемых пальцах. Он уронил пинцет на колени. Нащупав его, он вздохнул и посмотрел на сотрудника ФБР, чье лицо не выражало ровным счётом ничего. Ньютон прочистил горло, всё ещё щурясь на свету. Почему он непременно должен быть таким ярким?

— Как вы думаете, — спросил он, — можно мне чего-нибудь выпить? Может быть, джина?

Неожиданно человек из ФБР засмеялся. Но его смех больше не казался дружелюбным. Он был резким, холодным, безжалостным. Эхом отдавался он от кафельных стен.

— Ну, хватит уже, — сказал он, снисходительно улыбнувшись, — хватит.

В отчаянии Ньютон схватил пинцет. Только бы удалось

вынуть хоть одну из мембран, пусть даже не полностью! Уж лучше он повредит себе глаз, но покажет им... Почему не пришёл Ван Бру и ничего им не сказал? Лучше уж покалечить один глаз, чем позволить этой машине с окулярами заглянуть в его череп, чтобы за каким-то бесом сосчитать бороздки на внутренней стороне затылка — сосчитать, глядя сквозь его чувствительные глаза...

Внезапно сотрудник ФБР сжал запястья Ньютона и снова завёл его руки — такие слабые по сравнению с человеческими — за спину. Кто-то надел ему на голову зажим и затянул его на висках.

— Нет! — тихо вскрикнул Ньютон, дрожа от страха. — Нет! — Он не мог пошевелить головой.

— Мне очень жаль, — сказал лаборант, — но для этой процедуры нам нужно зафиксировать вашу голову. — В его голосе не было ни капли сожаления. Он подкатил прибор прямо к лицу Ньютона. Затем покрутил колёсико, которое подвело окуляры с резиновыми чашечками к глазам Ньютона, словно бинокль.

И Ньютон, во второй раз за эти два дня, сделал кое-что впервые — кое-что очень человеческое. Он закричал. Сначала он кричал без слов, но постепенно его крик сложился в слова:

— Разве вы не знаете, что я не человек?! Я не человек! — Резиновые чашечки полностью заслонили свет. Он больше ничего не видел. — Я вовсе не человек!

— Ну хватит, довольно, — сказал сотрудник ФБР позади него.

Вспышка серебристого света показалась Ньютону ярче, чем июльское полуденное солнце показалось бы человеку, который только что вышел из тёмной комнаты и смотрит, смотрит на него, не смыкая век, — пока не почернеет в глазах. Затем чашечки перестали давить на лицо, и он понял, что они откатили машину

назад.

Лишь после того, как Ньютон упал дважды, они проверили его зрение и обнаружили, что он ослеп.

10

Ньютона шесть недель продержали в государственной больнице без всякой связи с внешним миром. Правительственные врачи ничем не смогли ему помочь. Светочувствительные клетки его сетчатки выгорели почти полностью: всё, что он мог теперь видеть, напоминало сильно засвеченную фотопластинку. Через несколько недель он уже мог с трудом отличить свет от тьмы, и если у него перед глазами помещали большой тёмный предмет, он мог сказать, что это и в самом деле большой тёмный предмет. Больше он не мог различить ничего — ни цвета, ни очертаний.

В это время Ньютон снова начал думать об Антее. Он стал ловить себя на том, что вызывает в памяти старые разрозненные воспоминания, по большей части из детства. Он вспомнил игру, вроде шахмат, которую любил ребёнком, — в ней играли прозрачными кубиками на круглой доске — и её сложные правила, по которым бледно-зелёные кубики получают превосходство над серыми, если выстроить их в многоугольник. Он вспомнил музыкальные инструменты, на которых учился играть, книги, которые прочёл, особенно книги по истории, и то, как в возрасте тридцати двух антейских лет — или сорока пяти земных — вместе с женитьбой закономерно окончилось его детство. Жену он

сам не выбирал — хотя иногда это допускалось, — а разрешил сделать выбор своей семье. Его брак оказался плодотворным и достаточно приятным. Между ним и его женой не было страсти, но антейцы не были страстным народом. Теперь, ослепший, в американской больнице, он вспоминал жену с большей нежностью, чем когда-либо раньше. Он тосковал по ней и хотел, чтобы она была рядом. Иногда он плакал.

Не имея возможности смотреть телевизор, он временами слушал радио. Так он узнал, что правительство не смогло удержать в тайне его слепоту. Республиканцы извлекли из его положения немалую выгоду для своей предвыборной кампании. То, что с ним произошло, они назвали примером произвола и безответственности со стороны руководства страны.

Уже через неделю он не держал на них зла. Разве можно злиться на детей? Ван Бру сконфуженно принёс ему извинения: всё это было недоразумением, он не знал, что ФБР не уведомили о его особенностях. Ньютон понимал, что Ван Бру по большому счёту наплевать и его заботит лишь одно — что Ньютон расскажет газетчикам, какие имена назовёт. Ньютон устало заверил его в том, что преподнесёт всё как неотвратимый несчастный случай. Просто несчастный случай — никто не виноват.

Затем, в одно из посещений, Ван Бру сообщил ему, что уничтожил плёнку. Он с самого начала знал, сказал он, что в это никто не поверит. Скорее они решат, что это подделка, или что Ньютон сумасшедший, — да что угодно кроме того, что это правда.

Ньютон спросил его, верит ли он сам в то, что это правда.

— Конечно верю, — тихо ответил Ван Бру. — По меньшей мере шестеро знают и верят. В том числе президент и государственный секретарь. Но мы уничтожили запись.

— Почему?

— Ну, — Ван Бру холодно рассмеялся, — кроме всего про-
чего, мы не хотим войти в историю как величайшее собрище при-
дурков из всех, кто правил этой страной.

Ньютон отложил книгу, на которой упражнялся в чтении
по Брайлю.

— Значит, я могу продолжить мою работу в Кентукки?

— Может быть. Я не знаю. Мы не спустим с вас глаз до
последнего дня вашей жизни. Но если победят республиканцы,
меня отстрелят. Так что не знаю.

Ньютон снова взял книгу. На какой-то миг он заинтересовался тем, что происходит вокруг — впервые за долгие недели.
Но интерес пропал также быстро, как появился, не оставив и следа. Ньютон тихо рассмеялся.

— Вот, значит, как, — сказал он.

Когда Ньютон вышел из больницы, ведомый сиделкой, перед зданием его ожидала толпа людей. Он слышал их голоса и даже видел их силуэты на ярком солнце. Кто-то держал для него в толпе открытый проход — наверное, полицейские, — и сиделка повела его по нему к машине. Ньютон услышал робкие аплодисменты. Он два раза споткнулся, но не упал: сиделка вела его умело. Она останется с ним на месяцы, а может, и на годы — столько, сколько потребуется. Её звали Ширли, и, насколько он мог судить, она была довольно тучной.

Вдруг кто-то взял Ньютона за руку и мягко пожал её. Перед ним возникла большая тень.

— Как я рад, что вы вернулись, мистер Ньютон. — Это был голос Фарнсуорта.

— Спасибо, Оливер. — Ньютон почувствовал огромную усталость. — Нам есть что обсудить.

— Несомненно. Мистер Ньютон, вас снимают на телека-

меру.

— Да? Я не знал. — Он обернулся вокруг, безуспешно пытаясь отыскать силуэт камеры. — Где она?

— Справа, — вполголоса подсказал Фарнсуорт.

— Пожалуйста, поверните меня к ней лицом. Кто-нибудь хочет меня о чём-нибудь спросить?

У его локтя зазвучал голос — по-видимому, телеобозревателя:

— Мистер Ньютон, я Дуэйн Уайтли из телекомпании «Си-би-эс». Не расскажете ли вы, как вы себя чувствуете, снова оказавшись на свободе?

— Нет, — ответил Ньюトン. — Не сейчас.

Обозреватель ничуть не смутился.

— Каковы, — спросил он, — ваши планы на будущее? После тех испытаний, через которые вы прошли?

Ньютон смог, наконец, различить камеру и повернулся к ней лицом, почти не думая о внимающих ему людях — как здесь, в Вашингтоне, так и по ту сторону голубых экранов по всей стране. Он думал о другой аудитории. Он слегка улыбнулся. Антейским учёным? Своей жене?

— Как вам известно, — сказал он, — я работал над одним проектом по исследованию космоса. Моя компания поставила перед собой большую задачу — запустить по Солнечной системе беспилотный корабль для измерения космического излучения, которое препятствует межпланетным перелётам. — Он ненадолго умолк, чтобы перевести дыхание, и почувствовал, как болят голова и плечи. Наверное, снова даёт о себе знать земное притяжение — после всех этих недель, проведённых на больничной койке. — Во время моего заключения — которое ни в коей мере не было неприятным — у меня была возможность подумать.

— Да? — произнёс обозреватель, чтобы заполнить паузу.

— Да. — Ньютон улыбнулся мягкой, многозначительной, даже счастливой улыбкой в направлении камеры, в направлении своего дома. — Я решил, что проект был слишком амбициозным. Я его сворачиваю.

1990:

Икар тонет

В первый раз Натан Брайс нашёл Томаса Джерома Ньютона благодаря ленте пистонов. Он нашёл его снова благодаря аудиозаписи. Брайс наткнулся на неё так же случайно, как и на ленту пистонов, но её значение — во всяком случае, отчасти — в отличие от значения пистонов, он разгадал мгновенно. Это случилось в октябре 1990 года, в аптеке «Уолгрин» в Луисвилле, за несколько кварталов от квартиры, где Брайс жил вместе с Бетти Джо Машер. Со времени прощального телевизионного обращения Ньютона прошло семь месяцев.

И Брайс, и Бетти Джо сберегли большую часть того, что заработали во «Всемирной корпорации», так что Брайсу не было большой нужды работать по крайней мере год или два. Тем не менее, он устроился консультантом к производителю научных игровых наборов. Это занятие, как отмечал Брайс с некоторым удовлетворением, привело его туда, откуда началась его карьера химика, замкнув круг. Однажды вечером по дороге с работы он решил заглянуть в аптеку. Он собирался купить шнурки для ботинок, но задержался у входа, увидев металлическую корзину с музыкальными записями под ценником: «Распродажа, всё по 89 центов». Брайс всегда был охотником за скидками. Он перебрал несколько этикеток, парочку из них повертел в руках и

вдруг наткнулся на одну любительски оформленную запись, название которой сразу бросилось ему в глаза. С тех пор как музыку начали записывать на металлических шариках, производители стали упаковывать их в пластиковые коробочки, прикрепляя их к большим пластиковым этикеткам. На этикетках красовались замысловатые картинки и большей частью нелепые комментарии, какие принято было писать на старомодных квадрофонических пластинках. Но у этой записи этикетка была из простого картона, и рисунка на ней было. Ей попытались придать требуемую художественность недорогим, хоть и избитым способом: название записи было набрано одними строчными буквами. Оно гласило: «стихи из космоса». А на оборотной стороне стоял комментарий: «можем поручиться, что этот язык вам не знаком, но вам очень захочется его узнать! семь стихотворений не от мира сего. мы называем их автора „пришельцем“».

Не раздумывая ни минуты, Брайс взял запись в кабинку прослушивания, вложил шарик в выемку на проигрывателе и повернул выключатель. Речь, зазвучавшая из колонок, и вправду была странной — печальная, текучая, с протяжными гласными, с необычными повышениями и понижениями тона, совершенно непонятная. Но голос, без малейших сомнений, принадлежал Т. Дж. Ньютону.

Брайс выключил проигрыватель. Внизу на этикетке было напечатано: «записано на студии звукозаписи «третий ренессанс», нью-йорк, ул. салливана, д. 23»...

«Третий ренессанс» располагался на чердаке. Весь его персонал состоял из одного человека, вертлявого молодого негра с огромными усами. К счастью, когда Брайс заглянул в студию, он был в настроении пообщаться и с готовностью поведал, что «пришелец» с записи — богатый чудак по имени Том Как-его-там — живёт там-то и там-то в Виллидже¹. Этот чудак, кажется, сам

1 Гринвич-Виллидж, или просто Виллидж — жилой район в

вышел на студию и взял все расходы по записи и распространению на себя. Его можно найти в кафе-баре за углом, в местечке под названием «Ключ и цепь».

Местечко оказалось одной из тех старых кофеен, которые почти вымерли в семидесятых. Как и немногие другие сохранившиеся кофейни, оно держалось на плаву лишь за счёт того, что в нём установили бар и стали продавать дешёвую выпивку. Здесь не было африканских барабанов и объявлений о поэтических чтениях — их пора давно прошла, — зато на стенах висели любительские картины, в беспорядке стояли дешёвые деревянные столы, а немногочисленные посетители старательно одевались под бродяг. Томаса Джерома Ньютона среди них не было.

Брайс взял в баре виски с содовой и стал неторопливо пить — он приготовился провести здесь по меньшей мере несколько часов. Но не успел он приняться за второй стакан, как в бар вошёл Ньютон. Сначала Брайс не узнал его. Он слегка сутулился и ступал тяжелее, чем прежде. На нём, как всегда, были тёмные очки, но теперь он опирался на белую трость, а на голове у него — что за нелепость! — была серая фетровая шляпа. Его вела под руку толстая сиделка в форменной одежде. Подведя Ньютона к отдельно стоящему столику в дальней части комнаты, она усадила его и ушла. Ньютон повернулся в сторону бара и сказал:

— Добрый вечер, мистер Элберт.

На что бармен ответил:

— Сейчас подойду, отец.

Он открыл бутылку джина «Гордон», поставил её на поднос вместе с бутылкой ангостуры¹ и стаканом и понёс поднос к столику Ньютона. Ньютон выудил из нагрудного кармана банк-

Нью-Йорке, на западе Нижнего Манхэттена.

1 Ангостура — популярный венесуэльский алкогольный напиток, концентрированный биттер крепостью около 45%. В состав напитка входят различные растительные экстракты.

ноту, вручил её бармену и, неопределённо улыбнувшись, сказал:

— Оставьте сдачу себе.

Брайс пристально следил из-за стойки, как Ньютон ощупью поискал стакан, нашёл его, налил себе полстакана джина и плеснул туда ангостуры. Не положив льда и не помешав напиток, он тут же начал его пить. Брайса вдруг прошиб пот при мысли о том, что же он скажет Ньютону теперь, когда нашёл его. Может, просто броситься к нему от стойки бара, сжимая в руке стакан, и выпалить: «Я передумал! Я всё-таки хочу, чтобы антейцы пришли к власти. Я начитался газет и теперь хочу, чтобы нами правили антейцы!» Ну и смешно бы это смотрелось, теперь, когда Брайс действительно вновь его встретил — и он показался ему таким жалким... Словно тот потрясающий разговор в Чикаго произошёл во сне или на другой планете.

Брайс долго смотрел на Ньютона, вспоминая, как он увидел корабль — паром — в последний раз, из иллюминатора самолёта BBC, который унёс его, Бетти Джо и ещё пятьдесят сотрудников «Всемирной корпорации» со строительной площадки в Кентукки.

С головой уйдя в раздумья, он на миг почти забыл, где находится. Он вспоминал этот красивый, большой и нелепый корабль, который они строили в Кентукки, вспоминал, с каким удовольствием он над ним работал, то, как на время всецело погрузился в решение задач с металлами и керамикой, с температурой и давлением, как ощущал, что вовлечён во что-то важное, что-то стоящее. Наверное, корабль уже начал местами ржаветь — если ФБР ещё не закатало его целиком в термопласт и не отправило на хранение в подвалы Пентагона. Но что бы с ним ни случилось, этот ковчег вряд ли оказался бы первым средством возможного спасения, перемолотым бюрократической машиной.

Эти мысли привели Брайса совсем в другое расположение

духа. «Да какого чёрта!», подумал он, встал и подошёл к столику Ньютона. Затем сел и произнёс спокойным размеренным голосом:

— Здравствуйте, мистер Ньютон.

Голос Ньютона казался столь же спокойным:

— Натаан Брайс?

— Да.

— Что ж, — Ньютон осушил стакан. — Я рад, что вы пришли. Я надеялся, что вы придёте.

Почему-то интонация Ньютона, его легкомысленный беззаботный тон привели Брайса в замешательство. Ему вдруг стало неловко.

— Я нашёл вашу запись, — сказал он. — Стихи.

Ньютон загадочно улыбнулся.

— Правда? И как они вам?

— Так себе, — с вызовом ответил Брайс, но лишь почувствовал, что это прозвучало вздорно. Он прокашлялся. — Зачем вы их записали?

Ньютон всё улыбался.

— Просто удивительно, до чего люди недогадливы, — сказал он. — Так говорил мне человек из ЦРУ. — Он налил себе ещё джина, и Брайс заметил, как дрожат у него руки. Трясущейся рукой Ньютон поставил бутылку на стол. — Никакие это не стихи. Скорее письмо.

— Кому же оно адресовано?

— Моей жене, мистер Брайс. И некоторым мудрецам у меня дома, которые готовили меня... к этой жизни. Я надеялся, что мои записи будут иногда крутить по радио в FM-диапазоне — только этот диапазон передаётся между планетами. Но, насколько я знаю, их нигде не ставили.

— И что в них говорится?

— О, «Прощайте»… «Идите к чёрту». Что-то в этом роде.

Брайс чувствовал себя всё более неловко. На мгновение он пожалел, что не взял с собой Бетти Джо. В её присутствии чудесным образом возвращалось здравомыслие, всё становилось понятным, даже терпимым. Но, с другой стороны, Бетти Джо была уверена, что влюблена в Ньютона, а это могло привнести ещё большую неловкость. Он молчал, не зная, что ещё сказать.

— Что ж, Натан — вы ведь не против, что я называю вас Натаном? Теперь, когда вы меня нашли, чего вы от меня хотите? — Ньютон улыбнулся из-под очков и этой несуразной шляпы. Его улыбка казалась древней как луна, в ней не было ничего человеческого.

Внезапно Брайса смущила эта улыбка и этот безрадостный, увядший, измождённый голос. Прежде чем ответить, он наполнил свой стакан, нечаянно звякнув о его край горлышком бутылки. Затем начал пить, вглядываясь в Ньютона, в плоскую, ничего не отражающую зелень его очков. Уперев локти в стол и держа прозрачный пластиковый стакан обеими руками, он сказал:

— Я хочу, чтобы вы спасли мир, мистер Ньютон.

Ньютон ответил с неизменной улыбкой:

— Стоит ли его спасать, Натан?

Разве Брайс пришёл сюда обмениваться колкостями?

— Да, — ответил он. — Думаю, стоит. Во всяком случае, я хочу прожить мою жизнь.

Неожиданно Ньютон наклонился вперёд по направлению к бару.

— Мистер Элберт, — позвал он, — мистер Элберт.

Бармен, щуплый человечек с задумчивым узким лицом, очнулся от своих грёз.

— Да, отец? — тихо отозвался он.

— Мистер Элберт, — спросил Ньютон, — вы знаете, что я не человек? Вы знаете, что я с другой планеты, под названием Антея, и что я прилетел сюда на космическом корабле?

Бармен пожал плечами.

— Слыхал, — ответил он.

— Ну так всё это правда, — сказал Ньюトン. — О, это в самом деле правда. — Он замолчал, и Брайс внимательно посмотрел на него — поражённый не тем, что Ньютон сказал, но речёвкой дурашливостью в его голосе. Что они с ним сделали? Только ли ослепили?

Ньютон снова обратился к бармену.

— Мистер Элберт, а вы знаете, зачем я пришёл в этот мир? На этот раз бармен даже не поднял головы.

— Нет, отец, — отозвался он, — об этом я не слыхал.

— Ну так я пришёл, чтобы вас спасти. — Голос Ньютона звучал ясно, насмешливо, но в нём слышалась истерическая нотка. — Я пришёл, чтобы спасти вас всех.

Брайс увидел, как бармен усмехнулся краешком губ. Затем сказал из-за стойки:

— Поторопитесь, отец. Нас нужно спасать поскорей.

Ньютон опустил голову, от стыда ли, от отчаяния или от усталости — Брайс не мог понять.

— О да, конечно, — сказал он почти шёпотом. — Нас нужно спасать скорее. — Затем он поднял взгляд и улыбнулся Брайсу. — Вы виделись с Бетти Джо? — спросил он.

Вопрос застал Брайса врасплох.

— Да...

— Как она? Как Бетти Джо?

— У неё всё хорошо. Она по вас скучает, — ответил он и добавил: — Как сказал мистер Элберт, «нам нужно спасать поскорей». Можете вы нас спасти?

— Мне очень жаль, но — нет.

— Неужели нет никакой возможности?

— Нет, никакой. Правительство всё обо мне знает ...

— Вы им рассказали?

— Я мог бы, но не понадобилось. Кажется, они уже давно обо всём знали. Думаю, мы были слишком простодушны.

— Кто? Мы с вами?

— Вы. Я. Мой народ, там, дома, мой мудрый народ... — Он крикнул негромко: — Мы были наивны, мистер Элберт.

Элберт ответил так же тихо:

— Что, и впрямь, отец? — В его голосе слышалось искреннее участие, будто на мгновение он и правда поверил в слова Ньютона.

— Вы прошли длинный путь.

— О да, это так. И на маленьком судёнышке. Всё плыл, и плыл, и плыл... Это было очень долгое путешествие, Натан, но я почти всё время провёл за чтением.

— Да, но я имел в виду другое. Я имел в виду, что вы про-делали долгий путь, с тех пор как вы здесь. Деньги, новый ко-рабль...

— Да, я сделал кучу денег. И всё ещё делаю. Много как ни-когда. У меня есть деньги в Луисвилле, и деньги в Нью-Йорке, и пятьсот долларов у меня в кармане, и государственная пенсия по инвалидности. Я теперь гражданин, Натан. Они дали мне граж-данство. И, наверное, у меня есть право на пособие по безработи-це. О, «Всемирная корпорация» — преуспевающее предприятие, даже без моего руководства, Натан. «Всемирная корпорация».

От того, как Ньютон выглядел и говорил, у Брайса мороз прошёл по коже. Он понял, что ему трудно смотреть на Ньютона, и вместо этого разглядывал стол.

— Разве вы не можете достроить корабль?

— Думаете, мне позволят?

— С вашими-то деньгами...

— Думаете, я хочу?

Брайс посмотрел на него.

— А вы хотите?

— Нет. — Неожиданно лицо Ньютона приобрело прежнее, более невозмутимое, более человеческое выражение. — Да, наверное хочу, Натан. Но недостаточно сильно. Недостаточно сильно.

— Что же тогда будет с вашим народом? Что будет с вашей семьёй?

Ньютон снова улыбнулся этой неземной улыбкой.

— Предполагаю, они все умрут. И всё равно переживут вас.

Неожиданно для себя Брайс сказал:

— Неужели вместе с глазами они уничтожили ваш разум, мистер Ньютон?

Ньютон ответил всё с тем же выражением на лице:

— Вы не имеете ни малейшего понятия о моём разуме, Натан. Это потому что вы человек.

— Вы изменились, мистер Ньюトン.

Ньютон тихо рассмеялся.

— В какую сторону, Натан? Превратился во что-то новое или снова стал собой прежним?

Брайс не знал, что на это ответить, и поэтому промолчал.

Ньютон налил себе немного джина и поставил стакан на стол. Затем сказал:

— Этот мир обречён так же бесповоротно, как Содом, и здесь я совершенно бессилен. — Он помолчал в раздумье. — Да, какая-то часть моего рассудка уничтожена.

Брайс попытался возразить:

— Но корабль...

— Корабль бесполезен. Его нужно было закончить во-время, а теперь слишком поздно. Ещё семь лет наши планеты не подойдут друг к другу достаточно близко. Они уже расходятся. И Соединённые Штаты не позволяют мне его достроить. А если я его и дострою, они ни за что не позволят его запустить. А если и запущу, они арестуют антейцев, которые на нём прилетят, и, вероятно, ослепят их. И уничтожат их рассудок...

Брайс осушил свой стакан.

— Вы говорили, у вас есть оружие.

— Да, говорил. Но я соврал. У меня нет никакого оружия.

— Зачем вам понадобилось врать?

Осторожно поставив локти на стол, Ньютон наклонился вперёд.

— Ната́н, Ната́н. Я вас тогда боялся. Я и сейчас боюсь. Я боялся всего и вся каждое мгновение, что я провёл на этой планете, на этой огромной, прекрасной и страшной планете со всеми её непонятными существами, и изобилием воды, и всем её человеческим населением. Мне будет страшно здесь умирать.

Он помолчал и, поскольку Брайс ничего не ответил, заговорил снова:

— Ната́н, вообразите себе шесть лет жизни среди обезьян. Или подумайте о жизни среди насекомых, среди блестящих, суетливых, безмозглых муравьёв.

За эти несколько минут мысли Брайса совершенно прояснились.

— Я думаю, вы лжёте, мистер Ньютон. Мы для вас не насекомые. Может быть, поначалу были, но теперь — нет.

— О да, конечно я вас люблю. Некоторых из вас. Но вы всё равно насекомые. Как бы то ни было, я, возможно, больше похож на вас, чем на себя. — Ньютон улыбнулся своей старой

насмешливой улыбкой. — В конце концов, вы — моя область исследования, вы, люди. Я изучал вас всю свою жизнь.

Вдруг к ним обратился бармен:

— Эй, парни, вам чистые стаканы нужны?

Ньютон осушил свой.

— Конечно, — ответил он, — принесите нам пару чистых стаканов, мистер Элберт.

Пока мистер Элберт протирал стол большой оранжевой тряпкой, Ньютон сказал:

— Мистер Элберт, я всё же решил не пытаться нас спасти.

— Скверно, — сказал Элберт. Он поставил стаканы на влажный стол. — Жалко это слышать.

— Жалко, правда? — Ньютон заново нащупал переставленную бутылку с джином и налил себе из неё. Наливая джин, он спросил: — Часто вы видитесь с Бетти Джо, Натан?

— Часто. Мы живём вместе.

Ньютон отпил из своего стакана.

— Как любовники?

Брайс тихонько рассмеялся.

— Да, как любовники, мистер Ньюトン.

Лицо Ньютона приобрело выражение безмятежности, которое, как Брайс уже знал, было просто маской, скрывающей его чувства.

— Значит, жизнь продолжается.

— Чего же вы ждали? — сказал Брайс. — Конечно, она продолжается.

Неожиданно Ньютон расхохотался. Брайс ушам своим не поверил: он никогда раньше не слышал, как тот смеётся. Всё ещё трясясь от смеха, Ньютон сказал:

— Это здорово. Теперь она не будет одинока. Где она сейчас?

— Дома, в Луисвилле, со своими кошками. Наверное, уже пьяна.

Ньютон снова заговорил ровным голосом:

— Вы её любите?

— Не прикидывайтесь дураком, — сказал Брайс. Ему совсем не понравилось то, как Ньютон смеялся. — Она хорошая женщина. Я счастлив с ней.

Ньютон улыбнулся, на этот раз мягко.

— Не поймите мой смех неправильно, Натан. Мне кажется, вы прекрасная пара. Вы поженились?

— Нет. Но я подумываю об этом.

— Женитесь на ней во что бы то ни стало. Женитесь и отправляйтесь в свадебное путешествие. Вам нужны деньги?

— Это не та причина, по которой я не женился. Но немногого денег мне бы не помешало. Вы хотите дать мне денег?

Ньютон снова рассмеялся. Казалось, он очень обрадовался.

— Конечно! Сколько вам нужно?

Брайс отхлебнул из стакана.

— Миллион долларов.

— Я выпишу вам чек. — Ньютон порылся в кармане рубашки, извлёк из него чековую книжку банка «Чейз Манхэттен» и положил её на стол. — Я часто смотрел одно телешоу про чек на миллион долларов, — сказал он. — Ещё дома. — Он подтолкнул книжку в сторону Брайса. — Заполните его, а я подпишу.

Брайс достал из кармана шариковую ручку и написал на чеке своё имя и цифры: «1 000 000 \$». Чуть ниже он аккуратно вывел прописью: «Один миллион долларов». Затем толкнул книжку по столу обратно.

— Готово, — сказал он.

— Вам придётся направлять мою руку.

Брайс поднялся, обошёл вокруг стола, вложил ручку в руку Ньютона и придерживал её, пока антеец чётким, твёрдым почерком выводил слова: «Томас Джером Ньютон».

Затем Брайс спрятал чек в свой бумажник.

— Помните, — спросил Ньютон, — по телевизору показывали такой фильм, «Письмо трём жёнам»?

— Нет, не припомню.

— Двадцать лет назад на Антее я учился писать по-английски от руки по фотографии этого письма. Этот фильм неплохо ловился по нескольким каналам.

— У вас хороший чёткий почерк.

Ньютон улыбнулся.

— Конечно. Мы всё делали исключительно хорошо. Ничто не было упущено, и я немало потрудился, чтобы стать имитацией человека. — Он повернул лицо к Брайсу, будто и вправду мог его видеть. — И, конечно, я преуспел.

Брайс вернулся на своё место ничего не говоря. Наверное, сейчас полагалось проявить участие или что-то подобное, но он совсем ничего не чувствовал. Поэтому промолчал.

— Куда вы с Бетти Джо отправитесь с этими деньгами?

— Не знаю. Может быть, к Тихому океану, на Таити. Наверное, возьмём с собой кондиционер.

Ньютон снова заулыбался своей лунной, своей неземной антейской улыбкой.

— И не будете трезветь, Ната?

Брайсу было не по себе.

— Постараемся, — ответил он. Он и впрямь не знал, что ему делать с миллионом долларов. Наверное, каждый когда-нибудь спрашивал себя, как бы он поступил, если бы кто-нибудь подарил ему миллион долларов, но Брайс никогда не задавался таким вопросом. Может быть, они и в самом деле поедут на Таи-

ти и будут напиваться в каком-нибудь шалаше, если на Таити ещё остался хоть один шалаш. А если нет, то остановятся в «Таити Хилтон».

— Что ж, я желаю вам удачи, — сказал Ньютон и добавил:
— Я рад, что мои деньги кому-то пригодились. У меня слишком много денег.

Уставший и слегка захмелевший, Брайс поднялся, чтобы уйти.

— И что, никакой надежды?...

Ньютон улыбнулся ему снизу вверх ещё более странно, чем раньше; его губы под очками и шляпой напоминали кривую линию улыбки, нарисованной неумелой детской рукой.

— Как же, Натан, — сказал он. — Конечно, есть надежда.

— Что ж, — сказал Брайс, — спасибо вам за деньги.

Из-за тёмных очков Брайс не мог разглядеть его глаз, но создавалось впечатление, что Ньютон смотрит во всех направлениях сразу.

— Легко нажито, легко и прожито, Натан, — сказал он. — Легко нажито, легко прожито. — Ньюトン задрожал. Худые плечи наклонились вперёд, и фетровая шляпа беззвучно скатилась на стол, обнажив белые, как мел, волосы. Затем его антейская голова упала на длинные тонкие руки, и Брайс увидел, что он плачет.

Какое-то мгновение Брайс смотрел на него молча. Затем обошёл вокруг стола и, опустившись на колени, положил руку на спину Ньютона и осторожно обнял его, чувствуя, как лёгкое тело сотрясается у него в руках, словно тело хрупкой, трепещущей, надломленной птицы.

К ним подошёл бармен и, когда Брайс взглянул на него, сказал:

— Кажется, парню нужна помощь.

— Да, — ответил Брайс. — Нужна.